

Конституционное
ПРАВОСУДИЕ

Вестник

Конференции

органов конституционного контроля

стран молодой демократии

Выпуск 1(51)2011

ИЗДАЕТСЯ ЦЕНТРОМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ЕРЕВАН · 2011

Председатель редакционного совета

Г.Г. Арутюнян
Председатель Конституционного Суда Республики Армения

Редакционный совет:

А.М. Нурмагамбетов
член Конституционного Совета Республики Казахстан

Б. Гарибов
судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

Ч.А. Мусабекова
судья Конституционного Суда Кыргызской Республики

А.А. Абдуллаев
судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

Ю.В. Баулин
судья Конституционного Суда Украины

А.Г. Тиковенко
судья Конституционного Суда Республики Беларусь

А.С. Янученко
судья Конституционного Суда Республики Молдова

Н.С. Бондарь
судья Конституционного Суда Российской Федерации

Ответственный секретарь

И.В. Даниелян

ISSN 18290125

© Центр конституционного права РА

Содержание

Международная научно-практическая конференция "Органы конституционного контроля в условиях интеграции правовых систем: международный опыт и практика Таджикистана". Душанбе, 4-5 ноября 2010 года	7
Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона	11
Вступительная речь Председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан Махкама Махмудова	25
Выступление Председателя Венецианской комиссии Совета Европы Джианни Букиккио	30
Выступление Председателя Конституционного Суда Республики Армения Гагика Арутюняна	36
Арутюнян Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации	41
Махмудов М. Конституционный нормоконтроль - гарантия гармонизации национальных законодательств	49
Пульбере Д. Соблюдение прав человека и контроль конституционности законов в общем и на примере Республики Молдова	58
Рогов И. Влияние решений Конституционного Совета Республики Казахстан на законодательство и правоприменительную практику	73
Бямбадорж Ж. Конституционный Суд Монголии - важный институт демократического государства	77
Абдуллоев Ф. Правовая природа интерпретационных актов Экономического Суда СНГ и проблемы их реализации в государствах-участниках Содружества	85

Клеандров М. Совершенствование конституционного правосудия в Российской Федерации: новый этап	96
Курис Э. Конституционное право как юриспруденционный закон: литовский опыт с особой ссылкой на права человека	105
Эндзинш А. Конституционный Суд как гарантия демократии, верховенства закона и разделения властей	114
Алтан А. Новая структура Конституционного Суда Турции и индивидуальная конституционная жалоба	120
Ализода З. Конституционный Суд и проблемы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан ...	125
Кергандберг Э. Коротко об исполнении решений в части надзора за конституционностью Госсуда Эстонской Республики	131
Каримов К. Конституционный Суд Республики Таджикистан в условиях глобализации и интеграции правовых систем	156
Худояров Б. Конституционный Суд и защита прав семьи в Таджикистане	167
Рахимов М. Вопросы устранения противоречий законодательства в решениях Конституционного Суда Республики Таджикистан	176
Тахиров Ф. Место Конституционного Суда в системе правоохранительных органов Республики Таджикистан ...	185
Рахмонова О. Правовые средства защиты прав и интересов женщин в Таджикистане	191
Холиков К. Конституционный Суд Республики Таджикистан: проблемы и перспективы	202
Искандаров З. Актуальные проблемы правового регулирования конституционного судебного процесса ...	214

Contents

International Scientific-Practical Conference on “Constitutional Review Institutes in the Condition of Integration of Legal Systems: International Experience and Practice of Tajikistan”. Dushanbe, 4-5 November 2010	7
Speech of Emomali Rakhmon, President of the Republic of Tajikistan	11
Greeting Speech of Mahkham Mahmudov, President of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan ...	25
Speech of Giovanni Buquicchio, President of the Venice Commission of Europe	30
Speech of Gagik Harutyunyan, President of the Constitutional Court of the Republic of Armenia	36
G. Harutyunyan Features of the Functioning of Constitutional Courts in the Conditions of Public Transformation	41
M. Makhmudov Constitutional Norm Review - Guarantee Of Harmonizing National Legislation	49
D. Pulbere Observance of Human Rights and Review of the Constitutionality of Laws in General and on the Example of the Republic of Moldova	58
I. Rogov Influence of Decrees of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan on the Legislation and Law-Enforcing Practice	73
Zh. Byambadorzh The Constitutional Court of Mongolia- Important Institute of Democratic Republic	77
F. Abdulloev Legal Nature of Interpretative Statements of Economical Court of CIS and the Problems of their Realization in Member States of the Community	85
M. Kleandrov Perfection of the Constitutional Justice in Russian Federation: New Stage	96

E. Kuris Constitutional Law as jurisprudential Law - the Lithuanian Experience, with Special Reference to Human Rights	105
A. Endzinsh The Constitutional Court as Guaranty of the Democracy, Rule of Law and Separation of Powers	114
A. Altan New Structure on the Turkish Constitutional Court and Individual Constitutional Complaint	120
Z. Alizoda The Constitutional Court and the Problems of Protection of Human Rights and the Citizen in the Republic of Tajikistan	125
E. Kergandberg Shortly about Execution of Decisions in the Part of Supervision of the Constitutional Court of the Republic of Estonia	131
K. Karimov The Constitutional Court of the Republic of Tajikistan: In the Conditions of Globalization and Integration of Legal Systems	156
B. Khudoyarov Constitutional Court and Protection of Family Rights in Tajikistan	167
M. Rakhimov Issues of Eliminating Contradictions to Legislation in the Decrees of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan	176
F. Takhirov The Role of the Constitutional Court in the Law-Enforcing Organs of the Republic of Tajikistan	185
O. Rakhmonova Law Resources of Protection the Rights and Interests of Women in Tajikistan	191
K. Kholikov The Constitutional Court of the Republic of Tajikistan: Problems and Perspectives	202
Z. Iskandarov Actual Problems of Law-Regulation of Constitutional Judicial Procedure	214

Международная научно-практическая конференция «Органы конституционного контроля в условиях интеграции правовых систем: международный опыт и практика Таджикистана»

Душанбе, 4-5 ноября 2010 года

4-5 ноября 2010 года в столице Республики Таджикистан в городе Душанбе в честь 15-летия образования Конституционного Суда Республики Таджикистан прошла Международная научно-практическая конференция на тему: «Органы конституционного контроля в условиях интеграции правовых систем: международный опыт и практика Таджикистана».

Работу Конференции открыл Председатель Конституционного суда Республики Таджикистан М. Махмудов.

С приветственным словом и докладом выступил Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон. Он отметил: «Конституция Таджикистана, как судьбоносный документ нашего древнего и культурного народа, воплотила в жизнь традиции государства и государственности таджиков, которые находили продолжение и совершенствовались на протяжении тысячелетней истории своего существования, не раз приходили в состояние упадка, становления и подъёма, а также стремления, чаяния мудрых и гордых сыновей таджикского народа на пути достижения независимости и национальной государственности».

С приветственным словом выступили также Джианни Букиккио - Председатель Венецианской комиссии Совета Европы и Гагик Арутюнян - Председатель Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии, Председатель Конституционного Суда Армении.

В работе Конференции также приняли участие Председатели Конституционных Судов Латвии, Литвы, Молдовы, Монголии, Председатель Конституционного Совета Казахстана, Председатель Экономического Суда СНГ, судьи из

Германии, Российской Федерации, Эстонии, Турции, Азербайджана, члены Венецианской комиссии Совета Европы, а также члены Правительства Республики Таджикистан, государственные советники и другие ответственные лица Аппарата Президента Республики Таджикистан, депутаты Парламента страны, руководители и судьи Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего экономического суда, Генеральной прокуратуры, Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан, представители органов юстиции, ректоры высших учебных заведений, видные учёные-юристы, руководители и представители международных организаций в Таджикистане и представители средств массовой информации.

В ходе Конференции был обсужден широкий круг вопросов, касающихся деятельности органов конституционного контроля в условиях глобализации и интеграции современных правовых систем, сближения национальных законодательств государств и формирования единого международного и регионального правового поля, роли конституционных судов в обеспечении верховенства Конституции, охраны прав и свобод человека и гражданина, а также другие вопросы конституционного судопроизводства.

Конференция проводилась в рамках международного сотрудничества Конституционного Суда Республики Таджикистан совместно с Венецианской комиссией Совета Европы, Программой «Поддержка судебных и правовых реформ в странах Центральной Азии» Германского Общества по техническому сотрудничеству (GTZ) и Институтом «Открытое Общество» - Фонд Содействия в Таджикистане.

**International Scientific Practic Conference on
"Constitutional Review Institutes in the Condition
of Legal Systems: International Experience of
Integreation and Practice in Tajikistan"**

Dushanbe, 4-5 November 2010

The International Scientific Conference on "Constitutional Control Institutes in the process of legal systems integration: international experience and practice in Tajikistan" dedicated to the 15th anniversary of formation of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan took place on 4-5 November 2010 in Dushanbe, the capital of the Republic of Tajikistan.

Mr. Makhmudov, the Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan, opened the conference.

The President of the Republic of Tajikistan, Mr. Emomali Rakhmon, welcomed the participants and stated that "the Constitution of the Republic of Tajikistan, as a significant document for our old and cultural nation has objectified to the reality the Tajik traditions of state and statehood, which has continued and developed during the years of their existence, not once have come to the state of decline, formation and upheaval, as well as to the state of intention, aspiration of wisdom and proud sons of the Tajik nation".

Mr. Gianni Buquicchio the President of the Venice Commission for Democracy through Law of the Council of Europe (the Venice Commission of the Council of Europe) and Mr. Gagik Harutyunyan, the Chairman of the Conference of Constitutional Control Organs of the States of New Democracy, the President of the Constitutional Court of the Republic of Armenia, also made welcoming speeches.

The Chairmen of the Constitutional Courts of Latvia, Lithuania, Moldova, Mongolia, the Chairman of the Constitutional Council of Kazakhstan, the Chairman of the Economic Court of CIS, the Judges from Germany, the Russian Federation, Estonia, Turkey, Azerbaijan, the Members of the Venice Commission of the Council of Europe, as well as the Members of the Government of the Republic of Tajikistan, deputies of the Parliament of the Republic of Tajikistan, the

Heads and Judges of the Constitutional Court, Supreme Court, Supreme Economic Court, General Public Procurator's Office, the Ombudsman of the Republic of Tajikistan, the representatives of justice institutes, the rectors of institutions of higher education, the scientists-lawyers, the heads and representatives of international organizations in Tajikistan, and representatives of mass media participated at the conference..

During the Conference a number of issues concerning the activities of the Constitutional Control Institutes in the process of globalization and legal systems' integration, rapprochement of national legislation of states and formation of common international and regional legal field, the role of the Constitutional Courts in safeguarding of the supremacy of the Constitution, protection of human rights and fundamental freedoms, and a lot of other issues of constitutional procedure were discussed.

The Conference was organized in the frames of international cooperation of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan with the Venice Commission for Democracy through Law of the Council of Europe (the Venice Commission of the Council of Europe), the GTZ Program of "Support of Legal and Judicial Reform in Central Asian Countries" and the Open Society Institute Assistance Foundation-Tajikistan.

Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона

Дорогие соотечественники!

Уважаемые присутствующие и высокоуважаемые гости!

Дамы и господа!

Шестнадцать лет тому назад 6 ноября 1994 года в истории независимого Таджикистана открылась новая страница, которая сыграла судьбоносную роль в дальнейшей жизни таджикского народа и развитии нашей новой национальной государственности.

В этот день народ Таджикистана, несмотря на тяжёлое политическое и экономическое положение, неустроенность и трудности первых лет независимости, с высоким чувством гражданской ответственности, осознавая патриотический долг и опираясь на свои исторические и культурные ценности, святыни, путём всенародного референдума, приняв Конституцию своего независимого государства, этой исторической инициативой претворил в жизнь многовековую мечту своих предков. Отрадно, что наш Основной Закон на территории стран Содружества Независимых Государств является второй Конституцией, которая принята путём всенародного референдума, и с того счастливого дня по сей день наш народ ежегодно и торжественно отмечает эту судьбоносную дату, как один из священных государственных и политических праздников.

Накануне очередной годовщины принятия судьбоносного документа нашего народа, то есть Конституции независимого Таджикистана, искренне поздравляю всех дорогих соотечественников по этому случаю. Также приветствую Вас, уважаемые гости Международной конференции, посвященной 15-летию создания Конституционного Суда Таджикистана, который также является плодом Основного Закона наше-

го независимого государства, и желаю каждому из Вас здоровья, благополучия и трудовых успехов.

Как отмечено в предисловии к Конституции Таджикистана, народ Таджикистана, как неделимая часть мирового сообщества, с чувством глубокой ответственности перед предыдущим, настоящим и будущим поколениями, признавая права и свободы человека, а также гражданина, объявила своей исторической задачей создание справедливого общества.

Конституция Таджикистана, как судьбоносный документ нашего древнего и культурного народа, воплотила в жизнь традиции государства и государственности таджиков, которые находили продолжение и совершенствовались на протяжении тысячелетней истории своего существования, не раз приходили в состояние упадка, становления и подъёма, а также стремления, чаяния мудрых и гордых сыновей таджикского народа на пути достижения независимости и национальной государственности. Её гуманные идеи являются отражением богатых традиций таджикского народа и берут своё начало из выдающихся образцов нашей древней арийской цивилизации, Сасанидских и Саманидских традиций государственности, а также творческого наследия общепризнанных великих представителей нашей истории и литературы. Наряду с этим, наша Конституция также переняла богатый передовой опыт конституционализма развитых стран мира. Неспроста она признана авторитетными организациями, известными специалистами одной из четырех лучших и демократичных конституций.

С принятием Конституции определились желания и воля народа Таджикистана в вопросе выбора дальнейшей судьбы страны, что стало серьёзным экзаменом в создании демократического, правового, светского и социального государства. Эта историческая инициатива вычеркнула всякие помыслы недоброжелателей таджикского народа, которые сомневались в способности нашего народа взять в руки бразды правления государством.

В настоящее время Конституция, представляя новое государство таджиков мировому сообществу, как правовой субъект международных отношений, демонстрирует нашу решимость в развитии миролюбивой политики, уважении суверенитета и независимости других государств мира, а так-

же в налаживании межгосударственных отношений на основе международных правовых норм.

Основной Закон Таджикистана подготовил правовую почву для свободной экономической деятельности, предпринимательства и различных форм собственности, в том числе частной собственности, стал качественно новым периодом развития государства и общества, направил народ Таджикистана на широкий путь национального единства, самопознания и созидательного труда.

Конституция в качестве Основного Закона определила правовые основы государства, неприкосновенность, единство, национальные интересы, цели внутренней и внешней политики, экономические и социальные основы Таджикского общества, и что важнее всего, в качестве высших ценностей признаёт человека, его права и свободы, а также открыла широкий путь для дальнейшего развития новых общественных отношений.

Конституция, наряду с признанием ряда ценностей государственности современного мира, в том числе признанием народа как единственного источника государственной власти, создала необходимые организационные и правовые условия развития общественной жизни на основе различных политических и идеологических течений, разделения государственной власти, приоритета международных правовых документов для формирования и деятельности органов государственной власти.

Конституция в качестве высшего закона страны объявила желание и волю народа Таджикистана относительно неизменности формы управления государством, территориальной целостности и демократической, правовой, светской и социальной сущности государства. То есть в содержании данного судьбоносного документа были определены дальнейшие пути нашей независимой государственности, а также заложены конституционные основы ее дальнейшего формирования и развития.

На протяжении 16 лет народ Таджикистана в своей ежедневной жизни и деятельности приобрел уверенность в том, что наша Конституция выражает высшие интересы нации и Родины, определяет устойчивый порядок государственности, структуру общественного управления, гарантирует права

и свободы человека, обеспечивает политическую и экономическую независимость, территориальную целостность, верховенство закона и системную деятельность органов государственной власти.

В этой связи каждый гражданин страны считает этот судьбоносный документ дорогим и священным, так как он признает права и свободы каждого в качестве высшей ценности, и гарантирует правовую защиту ряда исконных прав человека, в частности неприкосновенность жизни, достоинство, честь, а также свободу совести, веры и других прав и свобод человека.

Глубоко убеждён, что Конституция как программный документ жизни государства и общества на долгие годы предусматривает перспективу развития независимого Таджикистана, длительно и устойчиво будет служить нашему народу. В свою очередь, славный народ Таджикистана и впредь, для реализации этих добрых намерений, прежде всего, посредством уважения и чёткого соблюдения её норм, с гордостью исполнит свой гражданский долг.

Ибо уважение, соблюдение и защита Конституции является гарантией обеспечения законности, безопасности, мира и стабильности государства и общества. Поэтому соблюдение Конституции и обеспечение верховенства закона является задачей всех органов государства, гражданского общества и каждого уважающего себя человека.

Дорогие друзья!

В реализации конституционных норм, прежде всего, в обеспечении прав и свобод граждан, которые являются стержневыми ценностями демократического строя, судебная власть, в том числе Конституционный Суд, играет важную роль.

Конституционный Суд Таджикистана, с момента формирования которого прошло 15 лет, считается одним из достижений периода независимости и, как было упомянуто выше, плодом Конституции независимого Таджикистана и функционирует как самостоятельный орган судебной власти по защите Конституции. Сегодня для развития его деятельности созданы все организационные и правовые основы, и в этот орган привлечены опытные и высококвалифицированные юристы страны.

В Республике Таджикистан для дальнейшей демократи-

зации политической и социальной жизни, обеспечения законности и социальной справедливости придается постоянное и особое значение вопросу укрепления и повышения роли судебной власти, в том числе Конституционного Суда в системе государственной власти.

Конституционные реформы, проведенные в 1999 и 2003 годах, способствовали укреплению мира, стабильности, национального единства, совершенствованию высшего законодательного и исполнительного органов и других основ демократии, а также повышению уровня и роли судебной власти.

В рамках Программы судебно-правовой реформы в РТ на 2008-2010 годы в Конституционный закон РТ «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» были внесены соответствующие изменения и дополнения, согласно которым расширен круг полномочий Конституционного Суда РТ, а также расширен круг субъектов кассационного обжалования в Конституционный Суд.

В настоящее время Конституционный Суд, наряду с определением соответствия законов и других нормативно-правовых актов Конституции, также определяет вопросы соответствия проектов вносимых в неё изменений и дополнений, проектов законов и других вопросов, выносимых на всенародный референдум.

Предоставление Конституционному Суду таких полномочий является ярким доказательством высшего правового авторитета Конституционного Суда РТ и прямого действия его норм, а также укрепления роли и места судебной власти в системе государственной власти.

Таким образом, Конституционный Суд в ходе решения правовых вопросов путём определения соответствия законов и других нормативных правовых актов Основному Закону значительно способствует укреплению конституционной законности, обеспечению правопорядка, защите прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, Конституционный Суд несёт ответственность за обеспечение верховенства норм Конституции и их непосредственного действия на территории страны, защищает свободы граждан и посредством судебного процесса осуществляет конституционное правосудие.

Исполнение решений Конституционного Суда является обязательным для всех государственных и общественных органов, юридических лиц, так как они направлены на устранение несоответствия нормативных, правовых актов Конституции, одновременно содействуют правильному применению законов и нормативных правовых актов.

Суверенное государство Таджикистан и впредь будет принимать необходимые меры для ещё большего совершенствования компетенции Конституционного Суда и решения других вопросов, касающихся его деятельности.

Нам хорошо известно, что Конституционный Суд играет важную роль в системе государственных органов, определяет конституционность принятых законодательными, исполнительными и судебными властями правовых актов, т.е. он является одним из важных основ демократического и правового государства. Нет сомнений, что Конституционный Суд и впредь будет принимать активное участие в обеспечении верховенства Конституции и непосредственной реализации его норм, что является условием устойчивости закона, правопорядка, сплоченности и взаимопонимания, а также стабильности и безопасности государства и общества.

Уважаемые присутствующие!

В условиях мировой и региональной, политической и экономической интеграции, которая сегодня фактически охватывает все отрасли в больших и малых государствах мира, Республика Таджикистан не может оставаться в стороне.

Таджикистан, глубоко осознавая суть тенденций и преобразований в мире, пользуясь научно-техническими достижениями и передовой технологией, а также созидательными ценностями современной цивилизации, в то же время последовательно стремится защищать национальную самобытность и культурные ценности от негативного влияния глобализации.

Вместе с тем Таджикистан, принимая активные меры для совершенствования правовой системы, в которой заметную роль играют общепризнанные правовые акты, считает интеграцию и сближение с современной правовой системой важнейшим средством защиты национальных интересов, решения различных политических и экономических, социальных и культурных вопросов, проблем защиты прав и свобод челове-

ка и гражданина, трудовой миграции, борьбы с современными угрозами – терроризмом, экстремизмом, транснациональной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, трафика людей и других жизненно важных международных вопросов.

Таджикистан также придерживается мнения, что доброжелательная и миролюбивая политика государств, уважение и признание суверенитета и взаимных интересов, последовательное развитие взаимовыгодных отношений и совместная борьба с новыми угрозами смогут обеспечить счастливое будущее человечества.

Народ Таджикистана, который ещё в начале достижения суверенитета своего государства столкнулся с навязанной гражданской войной, пережил все её ужасы и трагедии, высоко ценит свободу и независимость, независимое и суверенное государство, национальное единство и гармонию, мир, стабильность и спокойствие в обществе.

Особенно в эти дни, когда мы мобилизовали весь свой созидательный потенциал на достойную встречу величайшего и самого священного нашего национального праздника – 20-летия нашей государственной независимости, для нас, как никогда, большое значение приобретает взаимопонимание и сотрудничество с мировым сообществом.

Поэтому сегодняшнее мероприятие, которое проходит на таком высоком уровне с участием руководителей и судей органов конституционного контроля государств Европы и Азии, вносит весомый вклад в дальнейшее расширение сотрудничества между судебными органами стран, влиятельными мировыми и региональными организациями, активизацию их роли в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, в укрепление законности и справедливости, мира и стабильности в обществе.

Пользуясь случаем, ещё раз поздравляю славный народ Таджикистана с праздником Дня Конституции нашего суверенного государства. Желаю всем, дорогим соотечественникам, каждому из Вас счастья и благополучия.

Ещё раз приветствую всех Вас, уважаемые гости, на древней земле таджиков, желаю Вам здоровья, успехов, а также торжества мира, дружбы и сотрудничества во всём мире.

Speech of Emomali Rahmon, President of the Republic of Tajikistan

Dear citizens,
Dear participants and guests,
Ladies and gentlemen,

16 years ago, on November 6, 1994 a new chapter started in the history of independent Tajik state, which now plays a decisive role in the life of the Tajik nation and our new national statehood development.

That historic day, despite a challenging and complex political and economic situation, unrests, and difficulties of early years of independence, Tajik people recognizing the civil responsibilities, comprehending the patriotic duty, and relying on the values of their history and culture adopted the first Constitution of the independent state through nationwide referendum. The Tajik people have realized this historic initiative and have implemented centuries-old dream of their ancestors. It is a matter of pride that our Constitution is the second among the CIS countries, which was adopted by the national referendum and every year our people solemnly celebrate this determining day as a holy public and political holiday to our time.

Nowadays, when we are on the threshold of a commemoration of the adoption of crucial document of the nation, the Constitution Day of independent Tajikistan, I sincerely congratulate all my honorable compatriots on this celebration.

I would also like to greet warmly all of you, guests of the International Conference dedicated to the 15th anniversary of the establishment of Constitutional Court of Tajikistan, which is a yield of the Constitution of our independent state. I wish you good health, happiness, and success.

As the preamble of the Constitution of Tajikistan enshrines, "We, the people of Tajikistan, as an inseparable part of the world community, recognizing ourselves responsible and duty bound to past, present, and future generations, wishing to ensure the sov-

ereignty, development and prosperity of our state, recognizing the rights and freedoms of the individual as sacred, affirming the equality of rights and friendship of all nationalities and peoples of Tajikistan, seeking to build a just society, adopt and declare as valid this constitution".

The Constitution of Tajikistan as a crucial document of our ancient and civilized nation has implemented tradition of Tajik state building and governance, which proceeded and improved over the many thousand years, has faced multiple abatements, revivals and development, as well as has facilitated the efforts and aspirations of wise and noble sons of this nation towards independence and national statehood.

Its humane ideas reflect invaluable traditions of the Tajik people, which originate from the vivid cultural examples of our Aryan ancestries, state-governance traditions of Sasanid and Somonids empires and the heritage of well-known great scholars of history and literature. Alongst this, our Constitution has abundantly enjoyed the best practices of leading experience of constitutionalism of developed nations of the world. That is why it is recognized by the respected global organizations and well-known world experts among the four best and the most democratic constitutions.

By adopting the Constitution, the Tajik people have determined the willingness and a strong will of the country for building a democratic, law-governed, secular, and social state, which it is indeed a serious trial for further detection of the destiny of the country. This historic initiative has annihilated any intentions of enemies of Tajik people who doubted in the strength and might of the nation to govern a state.

At present, the Constitution has introduced new Tajik state to the world community as a party of international relations and determined our staunch will and aspirations in promoting peaceful policy, respect of sovereignty and independence of other nations worldwide as well as a pursuance of interstate cooperation on the basis of norms and principles of the international law.

The Constitution of Tajikistan has established a legal framework and solid basis for the free economic activity, entrepreneurship and various kinds of property, including private property and it has become the beginning of qualitatively new stage of the

progress of state and society. The Constitution of the country has guided the Tajik people to highway of the national unity, self-knowledge, self-recognition, and performance of constructive activities.

Constitution in the capacity of the main law has determined legal ground of the state, its inviolability and integrity, national interests, objectives of internal and foreign policies and socio-economic basis of Tajikistan. The constitution has recognized human and individual rights and freedom as supreme values and opened broad opportunity for further enhancement and development of new public relationship.

The constitution along with the recognition of a number of state-governance values of the modern world, has determined that people are the only source of state authority, development of public life on the basis of pluralism and diverse political and ideological courses, analysis of the state authority, priority of international legal acts for establishment and activity of state power and has also created necessary administrative and legal basis.

Constitution as supreme law of the country has declared the will and aspiration of Tajik people on invariability of the form of state governance, territorial integrity, democratic, law-governed, secular and social concept of the state. It means that ways for the future of our independent state-governance and the constitutional bases as well as grounds for its further development are determined in the contents and substance of this crucial document.

During these sixteen years, on their daily life the people of Tajikistan have become convinced that our Constitution is the reflection of high national interests, determinant of sustainable order of public management and administration structure, guarantee of individual rights and freedom, supporter of political and economic independence, territorial integrity, supremacy of law and consistent activity of public authorities.

Consequently, every citizen of the country regards this determining document as sacred, as it recognizes everyone's rights and freedoms as supreme human value and guarantees protection of a number of human fundamental rights, including privacy, inviolability of honor and dignity, as well as freedom of belief and conscience and other human rights and freedom.

I am convinced that the Constitution as a program document

of the state and society will envisage a prospect of progress of independent Tajikistan for the future and will unstintedly serve our nation. By-turn, the glorious people of Tajikistan will proudly perform their human duties for the sake of implementation of dreams and wishes, most of all by respect and strict observance of Constitutional norms.

Respect, observance and protection of the Constitution – are guarantees of legitimacy, security, lasting peace and overall stability of state and society. Therefore, compliance with the Constitution and ensuring rule of law is a task of all public authorities, civil society and every glorious and noble citizen of the country.

Dear friends!

Judicial authorities as well as the Constitutional Court are of critical importance in implementation of provisions of the Constitution, particularly in ensuring individual rights and freedoms – values that are considered as major constituent of a democratic system.

The Constitutional Court of the Republic of Tajikistan, which today is 15 years of age, is the achievement of the independence and as it has been already mentioned, as an outcome of the Constitution of the Independent Tajikistan it serves as independent judicial power aimed at protection of the Constitution. The organizational and legal conditions are provided, as well as experienced and highly qualified lawyers are involved to ensure its proper work and development.

An utmost attention has been driven to social justice strengthening and increasing of the role of the judicial power, in particular the Constitutional Court in the system of governmental authority for the further democratization of political and social life, legitimacy and social justice in the Republic of Tajikistan.

On the one hand, constitutional reforms implemented in 1999 and 2003 contributed to strengthening of the peace and stability and national accord and, on the other hand, to improvement of judicial and executive authorities and other democratic institutions as well as strengthening the role of judicial power.

Changes and amendments were made to the Constitutional Law of the Republic of Tajikistan on “The Constitutional Court of the Republic of Tajikistan” by the Program of Judicial Reform in

the Republic of Tajikistan for 2008 – 2010 which has increased authority of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan and also the number of entities entitled to apply to the Constitutional Court. Today, along with consideration of the laws and other legal acts for their compliance with the Constitution, the Constitutional Court is empowered to consider the draft of changes and amendments to the laws and other issues to be considered at the referendum.

Empowering the Constitutional Court with these authorities is another striking illustration and proof of the recognition of the supreme legal power of the Constitution of Tajikistan and straight force of its provisions as well as of strengthening and increasing its role in the system of the state power.

Thus, considering legal issues and determining compliance of laws and other statutory and legal acts with fundamental law, the Constitutional Court makes a worthy contribution to strengthening constitutional legitimacy, ensuring issue of law, and protecting individual rights and freedoms. Moreover, the Constitutional Court is responsible for the supremacy of provisions of the Constitution and their direct power over the country; it protects individual rights and freedoms and ensures constitutional justice through enforcement proceedings.

Implementation of the Constitutional Court's decision is obligatory for all governmental and public institutions, legal entities and officials, as they are to eliminate contradictions of the statutory and legal acts to the Constitution and, simultenuously they contribute to proper implementation of laws, statutory and legal acts.

Independent Tajikistan will continue undertaking necessary measures to ensure further improvement of authority of the Constitutional Court and other respective issues herein.

We are well aware of the fact that the Constitutional Court is of an utmost importance for the system of state power and it considers compliance of the legal instruments enacted by legislative, executive, and judicial authorities that means the Constitutional Court is a major component of a democratic and constitutional state. Doubtlessly, the Constitutional Court will continue being critical in further ensuring of supremacy of the Constitution and direct power of its provisions which is a required condition for the

provision of the legitimacy and order, solidarity, mutual understanding, peace and stability both in the country and society.

Dear guests!

Tajikistan cannot stay aside of political and economic integration at the global and regional levels that actually has seized all spheres of life of small and big states.

Having deep conscious of the nature of global processes and trends and while enjoying scientific and technical advances and advanced technologies, as well as constructive values of the modern world, Tajikistan continually takes efforts to protect its national identity and cultural values and achievements from the effect of the negative impact of globalization.

Simultaneously, Tajikistan undertakes active efforts to strengthen its legal system including universally recognized legal instruments, and considers integration with modern legal system as of vital importance for the protection of national interests and human rights and freedoms, various political, economic, social and cultural challenges, labor migration, overcoming nowadays threats and challenges, namely terrorism, extremism, transnational crime, illicit drug trafficking, human trafficking and other essential international issues.

Tajikistan believes that peaceful policy conducted by states, respect, and recognition of mutual independence and interests, consistent development of mutually beneficial relations and joined efforts on against threats and challenges could ensure bright future for humanity.

The people of Tajikistan that experienced a civil war and suffered from wartime troubles and dire consequences shortly after independence, highly value independence, freedom, sovereign state, national unity, harmony and peace and stability.

Today, when we focus on the constructive potential of the 20th anniversary of the state independence, which is our most valuable and greatest national celebration, it is the very time for us when political stability, mutual understanding and cooperation with the world community has become extremely important.

Therefore, today's meeting that has brought together presidents and judges from constitutional review institutions from European and Asian countries, and is held at the high level will greatly contribute to the increase of the cooperation between

judicial bodies of the states and influential international and regional organizations and boosting their role in ensuring human rights and freedoms, strengthening legitimacy, public peace and stability.

Taking the advantage of this opportunity I once again would like to congratulate the glorious people of Tajikistan on the occasion of the celebration of the Constitution of our independent state and wish all citizens happiness and prosperity.

Dear guests, I would like to welcome you to Tajikistan and wish you good health, every success and peace, friendship and cooperation all-over the world.

Thank you.

Вступительная речь Председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан Махкама Махмудова

Ваше Превосходительство, уважаемый Президент Республики Таджикистан!

Дорогие гости!

Уважаемые участники Конференции!

Дамы и господа!

Возникновение конституционного надзора является одним из важнейших достижений государственной независимости, и его правовая основа непосредственно связана с принятием Конституции Республики Таджикистан.

Именно Конституция определила своей главной целью создание демократического, правового и светского государства и определила Конституционный Суд как основную опору судебной власти в системе высших органов государственной власти, и сегодня исполняется 15 лет с момента образования этого органа.

В деятельности Конституционного Суда важную роль сыграл Указ Президента РТ от 15 мая 1995 года. 3 ноября 1995 года был принят Конституционный Закон РТ «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» и 4 ноября того же года был избран первый состав судей Конституционного суда.

За время своей деятельности Конституционный Суд смог найти свое место среди других центральных органов государственной власти и сыграл важную роль в укреплении основ конституционной структуры, конституционной законности и правового порядка.

Необходимо отметить, что институт конституционного надзора отвечает целям и задачам нашего общества и его совершенствование и развитие направлены на укрепление

государственной системы и порядка, а также на защиту прав и свобод личности и граждан.

Еще в 2006 году Президент РТ Эмомали Рахмон в своем Послании Маджлиси Оли подчеркнул, что «для более полного и эффективного использования возможности конституционного надзора должны быть усовершенствованы (расширены) компетенция и полномочия Конституционного Суда».

На основе данного поручения Главы государства были внесены серьезные изменения и дополнения в нормативные и правовые документы, которые регулировали деятельность Конституционного Суда. Они позволяют Конституционному Суду эффективнее налаживать свою деятельность, так как, по словам Президента РТ, «... одна из первоочередных его задач заключается в обеспечении верховенства Конституции...».

С уверенностью можно сказать, что Конституционный Суд как неотделимая часть судебной власти в защите Конституции, прав и свобод человека и обеспечении верховенства норм Конституции играет важную роль и впредь также будет всесторонне способствовать торжеству конституционной справедливости.

Дорогие гости!

Уважаемые присутствующие!

Отрадно, что в работе Международной конференции принимает участие Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон.

В работе сегодняшней Конференции принимают участие Председатель Венецианской комиссии Совета Европы господин Джианни Букиккио, Председатель Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии, Председатель Конституционного Суда Республики Армения Арутюнян Гагик Гарушевич, Председатели Конституционных Судов Латвии, Литвы, Молдовы, Монголии, Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан, Председатель Экономического суда СНГ, судьи из Германии, Российской Федерации, Эстонии, Турции, Украины, Азербайджана и специалисты Венецианской комиссии Совета Европы.

В работе Конференции также принимают участие члены Правительства, государственные советники и другие ответ-

ственные сотрудники Исполнительного аппарата Президента РТ, депутаты парламента страны, руководители и судьи Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего экономического суда, Генеральной прокуратуры, Омбудсмена по правам человека, руководители и представители аккредитованных международных организации РТ и средства массовой информации.

Opening speech of Makhkam Mahmudov, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan

Excellency President of the Republic of Tajikistan,
Honorable guests,
Dear participants,

Origin of the constitutional review is one of the most important achievement of the state independence and its legally basis is directly connected with the Constitution of the Republic of Tajikistan.

Namely, the Constitution has defined creation of the democratic, law-governed, and secular state as its main goal and within the system of supreme bodies of state authority authorized the Constitutional Court as the main component of the judicial authority. Today, this authority commemorates its 15th anniversary.

The decree of the President of the Republic of Tajikistan issued on May 15, 1995 has played a pivotal role in the activity of the Constitutional Court. The Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan” was adopted on November 3, 1995 and the first members of the Constitutional Court were elected on November 4, 1995.

During its activity, the Constitutional Court managed to establish its position among the other central organs of state authority and played an important role in strengthening of the fundamentals of constitutional structure, constitutional legitimacy and public order.

It is notable that constitutional review is equitable to the goals and tasks of our society and its improvement and development are aimed to the strengthening of the state system and sustainability and protecting human rights and freedoms.

“Authority and power of the Constitutional Court needs to be improved to ensure more complete and efficient use of the constitutional review,” said Emomali Rahmon, the President of the Republic of Tajikistan in his annual address to Majlisi Oli (Parliament) in 2006.

Under the President’s guidance, serious amendments and changes have been made in the normative and legal framework that regulates the work of the Constitutional Court. They provide opportunity to ensure efficient activity of the Constitutional Court, as, according to the President of the Republic of Tajikistan, “...ensuring the rule of the Constitution is one of its priorities.”

We are confident that the Constitutional Court as an inseparable part of the judicial authority for the defense of the Constitution, human rights and freedoms and ensuring of the rule of the norm of the Constitution plays an important role and later will assist to the triumph of constitutional justice.

Dear guests,
Ladies and Gentlemen.

It is a great honor and distinct pleasure that Emomali Rahmon, the President of the Republic of Tajikistan participates at the International Conference.

I would also like to mention that today our Conference is attended by honorable participants, including Mr. Gianni Buquicchio, the President of the Venice Commission for Democracy through Law of the Council of Europe (Venice Commission of the Council of Europe), Gagik Harutyunyan, President of the Conference of the Constitutional Control of Countries of Young Democracy, President of the Constitutional Court of the Republic of Armenia, Presidents of the Constitutional Courts of Latvia, Lithuania, Moldova, Mongolia, Chairman of the Constitutional Council of Kazakhstan, Chairman of the Economic Court of the Commonwealth of Independent States, judges from the Germany, Russian Federation, Estonia, Turkey, Ukraine, Azerbaijan and experts of the Venice Commission of the Council of Europe.

The members of the Government, state advisers and other officials of the executive office of the President of the Republic of Tajikistan, members of the Parliament, presidents and judges of the Constitutional Court, the Supreme Court, Court of Arbitration, Prosecutor General’s office, Ombudsman, representatives of the justice department, chancellors of high educational institutions, honored scientists of law, heads and representatives of international organizations accredited to Tajikistan and mass-media also attend the Conference.

**Speech of Giovanni Buquicchio,
the President of the Venice Commission
of Council of Europe**

Mr. President of the Republic,
Mr Chairman of the Constitutional Court,
Chairmen and Judges,
Ladies and Gentlemen,

It is a pleasure for me to address you at the Conference on the occasion of the 15th anniversary of the Constitutional Court of Tajikistan. I would like to congratulate you on your achievements during these 15 years. Tajikistan had a very hard start on the path to democracy but you have made large strides on this way.

Mr Chairman, you have come to Strasbourg, where we met not long ago – I am grateful to GTZ for having arranged that meeting – and we had occasion to speak about the Venice Commission and its work for democracy, the protection of human rights and the rule of law. However not all present here may know the Commission. Therefore let me say a few words about it.

The European Commission for Democracy through Law, better known as the Venice Commission provides opinions on draft constitutions and para-constitutional legislation like electoral law.

Established in 1990, the Commission has played a leading role in assisting in the adoption of Constitutions by Central and Eastern European Countries. Today, the Venice Commission has 57 member states and cooperates also with Central Asian states. Kyrgyzstan is a full member and Kazakhstan is an observer of the Commission. In Tajikistan, we operate in the framework of the programme “EU-Central Asia Rule of Law Initiative”, which is supported by the European Union.

Once a country has become member of the Commission, it appoints an individual member of the Commission who is independent and does not represent his or her Government. Most of

the members are judges from constitutional or supreme courts or professors of constitutional law.

Mr Chairman,

You have chosen a timely topic for our Conference. The internationalisation of constitutional justice is a new phenomenon not only in Europe but also in other parts of the World. More and more, Constitutional Courts gather and exchange on common issues. It may be surprising but even though each country has its own unique constitution there is a wide scope for fruitful exchange on the basis of the principles which underpin these constitutions.

Democracy, the separation of powers, human rights, judicial independence: you will find all these principles in the constitutions of countries aspiring democracy. Each Constitutional Court has to apply these principles and it is only natural that they look at the work done by their peers in other countries. Of course, foreign judgements in similar cases can never have binding force but they can provide inspiration; they can provide important arguments, which can make the difference.

Reference to foreign case-law can reinforce a Constitutional Court judgement, especially when the Court has to annul a Law adopted by Parliament or a decree from the executive. There can be strong pressure from other state powers and such a reference can allow the Court to do more easily what it has to do - to defend the Constitution.

This exchange between constitutional courts, which is often called judicial cross-fertilisation, is what the Venice Commission promotes in Europe and in other parts of the World. Since 1993, Constitutional Courts send us their important decisions, which we publish in our *Bulletin on Constitutional Case-Law* and the CODICES database. We have set up the Venice Forum where the courts can exchange freely and seek help from other courts.

The success of this work in Europe prompted strong interest from other regions so that we started co-operation with French speaking courts, highest courts in Southern Africa, Latin America, Arab and Asian countries, to the extent that last year we invited all these partners to the first World Conference on Constitutional Justice.

Mr Chairman,

I am particularly grateful that your Court supports this endeavour through its participation in the first World Conference and the second Congress in January 2011.

Constitutional Courts have to make choices and their choices nearly always have a strong impact on their country. Let us only look at the issue of the technique for interpreting the Constitution: in assuming its role of safeguarding the Constitution, the Court will in each case have to choose the appropriate method of interpretation be it literal or historical on the one side or systematic or teleological on the other side.

According to this choice, the Court may move more or less in the direction of developing the Constitution and its inherent values.

The discussions during our Conference may allow us to better discern the limits between constructive interpretation of the Constitution and the area reserved for the constituent power.

Mr Chairman,

During the 15 years of its existence your Court was able to make an impact on your country and I am confident that your Court will further work for democracy and the protection of human rights in Tajikistan.

I am keen to learn more about the Tajik Constitution and the case-law of your Court during our conference today and tomorrow and I wish all of us fruitful discussions.

Thank you for your attention.

Выступление Председателя Венецианской комиссии Совета Европы Джианни Букиккио

Господин Президент!
Господин Председатель!
Председатели и судьи!
Дамы и господа!

Для меня большая честь выступать на этой Конференции, которая посвящена 15-летию Конституционного Суда Таджикистана. Я хочу поздравить Вас с достигнутым за эти 15 лет. Таджикистан прошел сложный путь становления демократии, но сумел сделать большие шаги на этом пути.

Господин Председатель, Вы недавно были в Страсбурге, где и состоялась наша последняя встреча, я очень благодарен GTZ за организацию этой встречи, на которой у нас была возможность обсудить деятельность Венецианской комиссии в сфере демократии, защиты прав человека и верховенства закона. Но в любом случае, не все участники сегодняшней Конференции могут знать о Венецианской комиссии. Я хочу воспользоваться случаем и вкратце представить её.

Европейская комиссия “За демократию через право”, более известная как Венецианская комиссия по названию города, где она собирается, разрабатывает рекомендации к проектам конституций и пара-конституционным актам, например, к избирательному праву.

Созданная в 1990 году Комиссия сыграла ключевую роль в принятии центральноевропейскими и восточноевропейскими странами конституций, соответствующих стандартам европейского конституционного наследия. Сегодня Венецианская комиссия состоит из 57 стран-участников и сотрудничает с центральноазиатскими государствами. Кыргызстан является полноправным членом Комиссии, а Казахстан имеет статус наблюдателя. В Таджикистане мы действуем в рамках программы сотрудничества Европейского союза с центральноазиатскими государствами, которое направлено на укрепление верховенства закона в этих странах.

Когда государство становится членом Комиссии, оно

назначает своего представителя в Комиссии, который абсолютно свободен в действиях и не представляет своё Правительство. Большинство членов - судьи конституционных или высших судов либо профессора конституционного права.

Господин Председатель!

Вами была выбрана очень злободневная тема для нашей Конференции. Интернационализация конституционного правосудия - это новое явление не только в Европе, но и во всём мире. Всё больше и больше конституционных судов объединяются и делятся опытом по общим проблемам. Это может Вас удивить, но несмотря на то что каждое государство имеет единственную в своем роде Конституцию, существует большой потенциал для обмена опытом, основанный на принципах, на которых зиждятся все упомянутые конституции.

Демократия, разделение властей, права человека, судебная независимость - все эти принципы можно найти в конституциях всех демократических стран. Каждый Конституционный Суд должен применять эти принципы, и естественным является то, что они изучают работу своих иностранных коллег. Конечно, иностранные заключения судов по аналогичным делам никогда не могут иметь обязательную силу, но они могут иметь воздействие, так как могут представить важные аргументы, которые могут повлиять на ход судопроизводства.

Ссылка на иностранное прецедентное право может подкрепить решение Конституционного Суда, особенно тогда, когда Суд должен аннулировать закон, принятый парламентом, или решение исполнительной власти. Учитывая тот факт, что другие государственные и политические силы могут попробовать повлиять на Конституционный Суд, такая ссылка даёт Суду возможность проще делать свою работу, то есть защищать Конституцию.

Такой обмен между конституционными судами, который часто называют судебным перекрёстным опылением, является основной функцией деятельности Венецианской комиссии в Европе и в других частях мира. С 1993 года конституционные суды направляют нам важные решения, которые публикуются в нашем вестнике. Мы создали Венецианский форум, где суды могут в открытую обмениваться опытом и искать поддержку других судов.

Успех этой работы пробудил большой интерес в Европе и в других регионах, и мы начали сотрудничество с судами франкоязычных стран, высшими судами Латинской Америки и Южной Африки, с судами арабских и азиатских стран, пригласили всех наших партнёров на Первую всемирную конференцию конституционных судов.

Господин Председатель!

Я выражаю благодарность Вашему суду, за участие в Первой всемирной конференции и во Второй всемирной конференции, которая состоится в январе 2011 года.

Конституционные суды должны делать выбор и этот выбор почти всегда имеет большое значение для их страны. Мы с Вами можем рассмотреть пример техники толкования Конституции - Конституционный Суд для выполнения своей главной миссии, т.е. защиты Конституции должен будет по каждому делу выбирать соответствующий метод толкования, который, с одной стороны, может быть литеральным или историческим, а с другой стороны - систематическим или телеологическим.

В соответствии с этим выбором Суд может в большей или меньшей степени двигаться по пути развития Конституции и ее неотъемлемых ценностей.

Господин Председатель!

На протяжении последних 15 лет существования Вашему Суду удалось воздействовать на ситуацию в стране, и я уверен, что и в дальнейшем Суд будет работать во благо демократии и защиты прав человека в Таджикистане.

Я очень заинтересован и надеюсь узнать еще больше про Конституцию Таджикистана и про прецедентное право Вашего Суда во время нашей Конференции и желаю всем нам плодотворных дискуссий.

Спасибо за внимание.

**Выступление Председателя
Конституционного Суда Республики Армения,
Председателя Конференции органов
конституционного контроля стран молодой
демократии Гагика Арутюняна**

Уважаемые участники Международной конференции!
Дамы и господа!

Позвольте от имени Международной организации «Конференция органов конституционного контроля стран молодой демократии», а также от имени Конституционного Суда Армении от души поздравить Конституционный Суд Республики Таджикистан, всех присутствующих на Конференции по случаю пятнадцатилетия образования Конституционного Суда Республики Таджикистан.

Новая эпоха демократии и становления гражданского общества в постсоветском пространстве выдвинула свои требования к познанию и утверждению демократических ценностей, внедрению в реальную жизнь общества понятий верховенства права, разделения, ограничения, выборности и подотчетности властей, обеспечения верховенства и устойчивости Конституции.

Особую роль в установлении конституционной демократии в обществе имеют конституционные суды, которые, по существу, являлись первыми так называемыми новшествами в переходном обществе. Нелегко было конституционным судам найти свое прочное место в трансформирующемся обществе, для которого характерными являются деформированность ценностной системы, неопределенность, правовой нигилизм, существенные институциональные и функциональные проблемы обеспечения дееспособности общественной системы в режиме правовых ограничений и демократических свобод. Не случайно, что иногда именно

конституционные суды становились ареной, а порою и жертвой борьбы старого и нового мышления, политического популизма и клановых разборок. Несмотря на это, в переходном обществе во многом именно конституционные суды взяли на себя большую ответственность в установлении конституционной демократии, обеспечении верховенства основных конституционных ценностей и принципов.

Изучение опыта становления Конституционного Суда Таджикистана, с которым мы очень тесно и плодотворно сотрудничаем, показывает, что Конституционный Суд Республики Таджикистан стал важным фактором проведения демократических преобразований в стране, укрепления конституционных гарантий защиты прав человека, разрешения принципиальных споров по конституционным полномочиям, тем самым, создавая определенные предпосылки для устойчивого развития общества. Для полноценного осуществления этой миссии на основе статьи 89 Конституции Таджикистана Конституционный Суд наделен полномочиями определения соответствия Конституции законов, совместных правовых актов палат Парламента, Президента, правительства, Верховного Суда, Высшего экономического суда и других государственных и общественных органов Республики. Важными полномочиями Конституционного Суда являются также оценка конституционности не вступивших в законную силу договоров Таджикистана; разрешение споров между государственными органами относительно их компетенции.

Очевидно, что столь обширный круг полномочий создает необходимые и достаточные предпосылки для эффективного обеспечения верховенства и прямого действия Конституции в стране.

Мы приветствуем инициативу властей и Конституционного Суда Таджикистана по поводу проведения данной международной конференции в Душанбе, что, несомненно, станет новым стимулом укрепления системы конституционной юстиции в стране, существенно повысит эффективность международных связей Конституционного Суда Таджикистана.

Мы активно и тесно сотрудничаем с Конституционным Судом Таджикистана в рамках Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Наши кол-

леги из Конституционного Суда Таджикистана неоднократно были участниками ежегодных ереванских международных конференций по актуальным проблемам конституционного правосудия. Конституционный Суд Таджикистана является также полноправным участником Всемирной ассоциации конституционных судов, второй конгресс которого состоится в январе 2011 года в Бразилии.

Мы уверены, что дальнейшее укрепление сотрудничества конституционных судов, в том числе в рамках стран молодой демократии, при активной поддержке Венецианской комиссии Совета Европы, станет прочным гарантом преодоления переходных проблем и во многом определит успешное развитие конституционализма в наших странах.

Позвольте еще раз поздравить Конституционный Суд Таджикистана с юбилеем и пожелать судьям и всем его сотрудникам дальнейшей активной и плодотворной работы во имя торжества демократии и установления конституционализма в стране.

Благодарю за внимание.

**Speech of G. G. Harutyunyan,
President of the Constitutional Court of Republic
of Armenia, Chair of Conference of Constitutional
Control of the State of New Democracy**

Honorable participants of the international conference,
Ladies and Gentlemen,

On behalf of the "Conference of Constitutional Control Organs of the States of New Democracy" and the Constitutional Court of the Republic of Armenia I would like to congratulate the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan and the participants of the conference with the 15th anniversary of the formation of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan.

The new age of democracy and formation of the civil society in the post soviet territory has put forward its own demands to

cognition and confirmation of democratic values, adaptation to the reality of the concept of rule of law, separation, curtailment of electivity and accountability of the authorities, protection of supremacy and stability of the Constitution.

The constitutional courts have special role in the establishment of the constitutional justice in the society, which, by essence, they were one of the first novelties in the transitional society. It was not easy for the constitutional courts to find their cohesive position in the transitional society, for which the deformation of value system, indefiniteness, legal nihilism, essential institutional and functional problems of protection of capacity of the civil system are typical. It is not random that sometimes the constitutional courts do become the arena, and sometimes even a victim of the struggle of the old and new mentality, political populism, and clan dismantlement.

The analysis of the experience of the formation of the Constitutional Court of Tajikistan, with which we closely and productively collaborate, shows that the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan has grown into a very important factor for the performance of democratic formation in the country, strengthening of constitutional safeguards of protection of human rights, solution disputes of principle concerning the constitutional authorities, and thus creating explicit prerequisites for sustainable development of the society. On the basis of Article 89 of the Constitution of Tajikistan, for the implementation of that mission the Constitutional Court is empowered to determine the conformity of the laws, joint legal acts of the Chambers of the Parliament, the President, the Government, the Supreme Court, the Supreme Economic Court and other state and public organs of the Republic with the Constitution. The Constitutional Court of Tajikistan is also empowered to evaluate the constitutionality of the international treaties of Tajikistan, solution of disputes between the state organs concerning their competences.

It is obvious, that such a vast scope of powers creates necessary and sufficient preconditions for the effective administration of the supremacy and direct effect of the Constitution in the state.

We welcome the initiative of the authorities and the Constitutional Court of Tajikistan to organize this international

conference in Dushanbe, which, in its turn undoubtedly will become a new stimulus for strengthening of the constitutional justice in the state and will substantially raise the efficiency of international relations of the Constitutional Court of Tajikistan.

We actively and closely collaborate with the Constitutional Court of Tajikistan in the frames of the Conference of Constitutional Control Organs of the States of New Democracy. Our counterparts from the Constitutional Court of Tajikistan have been participants of the annual Yerevan International Conferences, which are dedicated to the actual issues of the constitutional justice. The Constitutional Court of Tajikistan is a full member of the World Conference on Constitutional Justice. The second congress of this association takes place on January 2010 in Brazil.

We are sure that further enhancement of cooperation of the constitutional courts, as well as in the frames of the Conference of Constitutional Control Organs of the States of New Democracy with active support of the Venice Commission of the Council of Europe, will become stable guarantee for overcoming the transitional problems and will greatly define the successful development of the constitutionalism in our states.

I would like once again to congratulate the Constitutional Court of Tajikistan with anniversary and wish the judges and officials further active and productive work for achieving the triumph of democracy and establishment of constitutionalism in the state.

Thank you for attention.

Г. Арутюнян

*Председатель Конституционного Суда
Республики Армения, доктор юридических наук,
профессор*

Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации

Уважаемые участники международной конференции!

Тематика нашего обсуждения очень актуальна и интересна. Тенденции развития системы судебного конституционного контроля в новом тысячелетии выдвигают на первый план необходимость укрепления общих международных подходов повышения роли и функциональной дееспособности конституционного правосудия. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, проведение в январе 2009г. первого и в январе 2011г. второго всемирных конгрессов органов судебного конституционного контроля.

Новое тысячелетие бросило человечеству ряд вызовов, из которых особенно важны, с одной стороны, определенная универсализация ценностей, подходов, представлений, цивилизационных ориентаций, социальной оценки человеческого бытия, с другой стороны, проблема сохранения многообразия человеческой природы, качеств идентичности и их воспроизводство в динамичной гармонии.

Глобализация в сфере права проявляется не только в возрастании роли международного права, но и в новых тенденциях развития национальной правовой культуры на основе всеобщих правовых ценностей и принципов. Ценностно-системный стержень этих процессов в 21-ом веке состоит именно в том, что сегодня нет альтернативы демократического развития социального общества. Эта получившая все-

общее признание реальность стала сегодня основой международных и национальных правовых систем.

Современные процессы глобализации выдвигают равноценные задачи также тенденциям развития конституционной культуры, основополагающих конституционных ценностей и принципов, что, в свою очередь, определяет характер и направленность развития системы конституционной юстиции.

Для социального общества краеугольными ценностями становятся: правовое государство, народовластие, верховенство права, достоинство человека, свобода, конституционная демократия, разделение и сбалансированность властей, общественное согласие, равенство, справедливость, толерантность, плюрализм, недопущение дискриминации, правосудие и т.д., которые в свете основных тенденций развития цивилизаций не имеют альтернативы и являются ценностями, определяющими настоящее и будущее человеческого общежития.

В то же время уровень их восприятия, гарантирования и обеспечения обусловлен характером всей системы социальных ценностей каждой конкретной страны, качествами национальной идентичности, приоритетами сосуществования и развития.

Стержневая задача конституционного развития в том, насколько общее и особенное осмысляются и становятся для конкретной страны гармонизированными конституционными ценностями и насколько эти ценности становятся живой реальностью для всех членов данного общества.

Конституционная культура приобретает новое качество именно в тех общественно-государственных системах, где, **наряду с Конституцией, общественной реальностью является и конституционализм**, где конституционные нормы и принципы являются живущими ценностями, сформировалась необходимая и достаточная среда конституционной демократии, в которой конституционные права человека и гражданина действуют непосредственно и имеется адекватная система конституционного контроля. В подобных системах Конституция является не орудием в руках государственной власти, а **Основным Законом гражданского общества**,

средством гарантирования гармоничного и стабильного развития этого общества, не только устанавливая основные правила поведения, но и ставя пределы власти, ограничивая ее правом.

Очевидно также, что в современных условиях правовой глобализации сколь важное значение не придавалось бы роли всеобщих ценностей и международного права, имплементации последнего в национальное право, эта имплементация не может быть заменена изменением национальной правовой системы методом имплантации, искусственной прививки. Только органическое слияние и ценностно-системная гармонизация могут констатировать положительные достижения. Особенно на национально-государственном уровне конституционно-правовые ценностные системы формируются на протяжении веков, включают всю систему правовых норм, традиций и обычаев, и они лежат в основе сохранения качеств самобытности и идентичности.

Следовательно, главная задача гарантирования верховенства Конституции сводится к гарантированию этой гармоничной ценностной системы. Эта задача, ее конкретное восприятие и методы реализации обуславливают также ощутимые различия моделей и форм судебного конституционного контроля в разных странах.

Во всем мире высшей задачей конституционного контроля является гарантирование верховенства Конституции. Сегодня в 110 странах мира оно осуществляется по европейской модели - посредством специальных органов судебного конституционного контроля, а в 48 странах - по американской модели. Однако в условиях той же европейской модели особенности настолько многообразны, что трудно рассматривать их в одной плоскости. При этом возникают некоторые логические вопросы с точки зрения обсуждаемой нами тематики:

- насколько исторически необходимо было создание конституционных судов;
- каковы основные характеристики их системной роли в новом тысячелетии;
- какие характерные особенности их функционирования проявляются в условиях общественной трансформации.

Наши анализы привели к выводу, что независимо от особенностей правовых систем новое тысячелетие выдвигает неотложную задачу формирования **качественно новой иммунной системы общественного организма**. Весь 20-й век убедительно доказал, что **вера, традиции, нравственные нормы, вся ценностная система общественного поведения, иные механизмы системной самозащиты полноценно обеспечили динамический баланс и устойчивость развития общества в условиях новых реалий**. Основные вызовы современности заключаются именно в том, чтобы сформировать дееспособную систему внутренней самозащиты общественного организма. Это становится возможным путем гарантированного обеспечения верховенства Конституции. Отсюда вытекает, что для любой правовой системы основная функция судебного конституционного контроля едина - наряду с другими институтами государственной власти обеспечение верховенства и прямого действия Конституции.

Следовательно, функционально дееспособные и полноценные конституционные суды, являющиеся одним из новых достижений человеческой мысли, своими правовыми позициями призваны придать реальное содержание конституционным ценностям, обеспечить конституционный динамизм и развитие в обществе. Только успешная реализация этой функциональной основной роли сделает возможным гарантировать верховенство и непосредственное действие Конституции демократической страны, что является также одним из характерных особенностей конституционной культуры 21-го века.

Изучение международной практики конституционного правосудия показывает также, что эффективность судебного конституционного контроля, в первую очередь, зависит от системной сбалансированности контроля и наличия необходимых предпосылок реализации основных принципов правового государства. В настоящий момент более 110 действующих в мире специализированных органов конституционного контроля для осуществления главной их миссии - обеспечения верховенства Конституции в общей сложности осуществляют 37 различных полномочий. При этом ни

один Конституционный Суд не обладает всеми этими полномочиями. Невозможно также выделить хотя бы два суда, конституционные полномочия которых были бы полностью схожими. Это естественно, потому что они являются носителями определенных общественных отношений со своими конкретными особенностями. Вместе с тем все действующие конституционные суды можно условно разделить на три группы:

1) имеющие более 15-16 полномочий по осуществлению нормативного конституционного контроля, толкованию Конституции и законов, разрешению споров по полномочиям, осуществлению непосредственной защиты конституционных прав человека, а также имеющие расширенный круг субъектов, правомочных обращаться в Конституционный Суд;

2) во вторую группу можно включить суды, которые имеют 10-15 основных конституционных полномочий осуществления конституционного правосудия, а также сравнительно узкий круг обращающихся субъектов;

3) в третью группу входят конституционные суды, которые стоят перед серьезными проблемами становления, не только имеют слишком ограниченные полномочия, но и такой круг обращающихся субъектов, когда, в частности, и эти полномочия становятся нереализуемыми.

Изучение механизмов формирования и функционирования институтов конституционного контроля с учетом особенностей общественной трансформации показывает, что, к сожалению, многие проблемы конституционного контроля иногда рассматриваются и решаются с позиции политической целесообразности, половинчато, дискретно, что в итоге не приводит к установлению эффективной системы гарантирования верховенства конституционных ценностей. Наглядным примером может служить системная трансформация судебного конституционного контроля в Киргизии, что, на наш взгляд, ни к каким положительным результатам не приведет. Об это я высказал свое убеждение также на пленарном заседании Венецианской комиссии Совета Европы, где обсуждался вопрос о конституционных реформах в Киргизии.

Предназначение специализированных институтов судебного конституционного контроля заключается именно в

том, что Конституционный Суд учреждается и функционирует в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции, т. е. соблюдения и обеспечения основных политических и правовых ценностей, провозглашенных и гарантированных Конституцией. Правовая позиция Конституционного Суда, непосредственное или опосредованное толкование конституционных норм и положений, опираясь на выявление правового содержания базовых конституционных принципов, не только обеспечивают прочность конституционного равновесия, но и определяют характер и направленность конституционного развития в стране. В правовом государстве решения конституционного суда, безусловно, являются важнейшим источником конституционного права и развития конституционализма.

Однако система конституционного правосудия может полноценно, эффективно и независимо функционировать только при наличии определенных **необходимых и достаточных предпосылок**. К их числу можно отнести:

- функциональную, институциональную, организационную, материальную и социальную независимость судебного конституционного контроля;
- последовательность в конституционной реализации принципа разделения властей;
- адекватность и сопоставимость основных конституционных принципов и соответствующих конституционных механизмов осуществления государственной власти;
- соответствие функций и полномочий специализированного органа конституционного контроля, а также правильный и обоснованный выбор объектов конституционного контроля;
- определение оптимального круга субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный Суд;
- системный подход в обеспечении функциональной полноценности судебной власти;
- уровень восприятия и реализации демократических ценностей в обществе.

Если применить приведенные критерии в отношении действующих конституций и правоприменительной практики

стран новой демократии, то, к сожалению, можно, в частности, констатировать, что:

1) существуют определенные несоответствия между основными конституционными принципами и конкретными конституционными механизмами их реализации;

2) существует определенный дисбаланс между конституционными функциями и конкретными полномочиями конституционных судов;

3) конституционное предназначение конституционных судов на уровне государственной власти порою воспринимается в призме политической целесообразности, что мешает полноценному обеспечению функциональной, институциональной, материальной и социальной независимости институтов судебного конституционного контроля;

4) не найдены оптимальные решения в обеспечении системности функциональных полномочий, определении объектов и субъектов конституционного правосудия;

5) в условия сращения политических, административных и экономических сил делаются попытки использования всей судебной власти в целях обслуживания клановых, криминальных и меркантильно-политических интересов.

Основная задача совершенствования системы судебного конституционного контроля в условиях общественной трансформации заключается именно в обеспечении **целостности, системности, независимости и дееспособности** конституционного правосудия.

Анализ практики становления конституционной юстиции в условиях общественной трансформации показывает, что в переходном обществе основными принципами, которые должны стать критериальной основой формирования дееспособной и независимой системы конституционного правосудия, являются: системность конституционного контроля; рациональность системы и непрерывность ее действия; предупредительный характер контроля; самоограничение функционирования системы; эффективность институциональной системы и функциональная полноценность конституционных судов; органическое сочетание функционального, институционального, организационного и процессуального начал в осуществлении конституционного правосудия; обеспечение

многоплановой обратной связи с общественной практикой и недопущение нового нарушения конституционного равновесия при восстановлении нарушенного баланса.

При соблюдении этих критериев можно достичь такого уровня обеспечения права человека на конституционное правосудие, которое имеет место в западноевропейских странах классической демократии, и говорить о реальной идентификации правовых систем.

Благодарю за внимание.

М. Махмудов

Председатель Конституционного Суда Республики Таджикистан, академик АН Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор

Конституционный нормоконтроль – гарантия гармонизации национальных законодательств

Существуют различные формы согласования национальных законодательств. Они обусловлены очевидностью многих каналов взаимного влияния законодательств. Одним из них является влияние законов одних стран на разработку, принятие и реализацию законов других стран¹. История знает немало случаев влияния законов крупных государств на малые государства. Такое влияние особенно ярко наблюдалось в период завоеваний. Так, Гражданский кодекс Наполеона распространял свое действие на территории испанских и итальянских земель. Влияние законодательства происходило также ввиду общности культуры и языка, уклада жизни. Таким образом, например, гражданские и уголовные кодексы Испании, Франции, Италии повлияли на законодательство Европы, Латинской Америки и Африки. Не является исключением также влияние российского права на правовые системы стран Центральной Азии.

В современных условиях наибольшее влияние законодательства происходит в рамках межгосударственных объединений. Так, наблюдается сходство конституций и иных основных правовых институтов в рамках стран СНГ. Данное взаимовлияние обусловлено общностью правовой политики и сходством правовых истоков указанных стран.

Одним из видов влияния законодательств является

¹ См.: Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира. - М., 1993. - С. 94 – 95.

стремление заимствования аналогичных иностранных законов. Это происходит в ходе использования услуг зарубежных консультантов, которые прибегают к собственному опыту законодательства, пытаясь при этом привнести принципы, нормы и институты своих законов. Ныне используются также официальные каналы влияния на процесс принятия и применения законов в иностранном государстве.

Помимо того, в условиях сотрудничества государств, особенно в рамках межгосударственных объединений возникает потребность в совместном решении общих задач в сфере корректировки, разработки и применения законодательств. Это достигается ныне посредством сближения и гармонизации законодательств разных стран. В ходе гармонизации решаются следующие задачи: 1) выработка общего курса правового развития; 2) осуществление мер по преодолению правовых различий; 3) принятие мер по выработке общих, совместных и единых юридических правил².

В научной литературе, а также в международных и национальных правовых актах широко используются понятия «сближение законодательства», «гармонизация законодательства». Так, в документах Совета глав государств и глав правительств СНГ, Межпарламентской Ассамблеи СНГ, в договорах между членами СНГ чаще используется термин «сближение законодательства». В документах и материалах Европейского сообщества понятия «сближение законодательства» и «гармонизация законодательства» используются как идентичные.

Сближение или гармонизация законодательства преследует следующие цели: 1) правовое обеспечение согласованного развития законодательств; 2) определение общих направлений правовой политики государств, в частности, в сфере законодательства; 3) выработка согласованных и совместных, в том числе модельных законодательных актов; 4) принятие мер по преодолению правовых различий, мешающих гармонизации законодательств; 5) формулирование общих правовых стандартов в сфере разработки и применения гармонизированного законодательства; 6) выработка общей концепции развития национальных законодательств.

² См.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. - М., 1996. - С. 74.

Таким образом, гармонизация законодательства представляет собой совместные и согласованные действия государств в сфере координации их правовой политики с целью выработки и реализации сходных законодательных актов, преодоления коллизий в процессе применения законодательств.

Гармонизация законодательства ныне широко применяется в законодательной практике государств мира, в том числе в рамках СНГ, например, в сфере признания дипломов об образовании и иных юридических документов, введения упрощенного порядка приобретения гражданства, создания общего научно-технического и образовательного пространства, общего признания деклараций, пактов, конвенций и иных международно-правовых актов и т.д.

Гармонизация законодательства происходит на базе правовой интеграции в рамках различных правовых семей, в частности, в рамках межгосударственных объединений. Так, большую роль в правовой интеграции стран СНГ играет Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ, которая, будучи консультативным органом, способствует решению общих правовых вопросов. 16 сентября 1992 г. Межпарламентская Ассамблея СНГ приняла постановление «Об основных направлениях сближения национальных законодательств государств-участников Содружества». С целью устранения противоречий между национальными законодательствами было рекомендовано использовать следующие формы работы: рекомендательные (модельные) законодательные акты; взаимный обмен информацией о принятых, а в необходимых случаях о подготавливаемых законодательных актах; совместное обсуждение законодательных вопросов; рассмотрение вопросов сближения законодательств в координационных институтах Содружества; научные конференции; рекомендации ученых о путях и способах сближения законодательства.

Следует обратить внимание и на совместные усилия государств СНГ, Межпарламентской Ассамблеи и Европейского союза. В рамках их общих и специальных программ оказывается большая помощь консультативно-методического характера, финансируются научно-практические разработки, организуются международные семинары и конференции.

В ходе гармонизации законодательства возрастает удельный вес модельных законодательных актов, служащих целям унификации законодательства. Они разрабатываются в рамках федераций, межгосударственных объединений, международных организаций. Еще в 1858 – 1859 гг. Пруссия и Австрия обсуждали вопрос об общегерманском Торговом кодексе. В США были приняты Единообразный торговый кодекс (1952), модельный Примерный уголовный кодекс (1962), модельный Закон о предпринимательских корпорациях (1980). Важное значение имеют также одобренный Межпарламентской Ассамблеей СНГ рекомендательный законодательный акт «О нормативных правовых актах государств-участников СНГ», а также постановление Межпарламентской Ассамблеи от 18 мая 1994 года «О ходе разработки модельного гражданского кодекса для государств-участников СНГ». Проекты модельных законов подготавливаются также учеными-юристами. Так, в 1992 г. специалисты Гарвардского университета разработали «Базовый мировой налоговый кодекс» в рамках международной налоговой программы.

Разработке рекомендательных актов придают значение также международные межпарламентские институты. Так, представляет интерес разработанный Парламентской Ассамблеей Совета Европы в 1990 г. Европейский кодекс социальных гарантий. Рекомендательные акты принимают Союз африканских парламентов, Межпарламентская организация Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Большое значение имеет Международный кодекс по управлению безопасной эксплуатацией судов и предотвращению загрязнения, принятый Международной морской организацией. В рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле действует Кодекс таможенной оценки, Кодекс субсидий и компенсационных пошлин, Кодекс стандартов.

Важным каналом гармонизации законодательства является правовая помощь в сфере гражданского, процессуального, административного и иных отраслей права. Действует также Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, одобренная в Содружестве Независимых Государств 22 января 1993 г.

В обеспечении гармонизации законодательства, наряду с парламентами и иными властными институтами, существенную роль выполняет также конституционный суд. Конституционный нормоконтроль сопровождается сравнительным анализом законодательных актов государств, а также международных договоров, заключаемых с участием государства. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации разработаны «Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательства государств-участников СНГ». Согласно данным Рекомендациям объектами сравнительного исследования являются: Конституции государств Содружества; учредительные договоры; международные договоры; законы и другие акты парламентов; законы и другие акты высших органов власти бывшего СССР; нормативно-правовые акты Президентов и Правительств государств-участников СНГ.

Конституция является основополагающим документом сравнительного анализа. Это обусловлено, главным образом, высшей юридической силой и верховенством Конституции в национальной правовой системе. Конституция как объект сравнительного исследования представляет интерес, прежде всего, для конституционного суда. Нормоконтроль конституционного суда осуществляется именно на предмет соответствия Конституции иных нормативно-правовых актов, а также не вступивших в силу международных договоров. В то же время, предметом конституционного нормоконтроля являются как национальные нормативные правовые акты, так и не вступившие в силу договоры конкретного государства. В ходе определения соответствия Конституции не вступивших в силу договоров конституционный суд, так или иначе, прибегает к сравнительному анализу норм и положений учредительных и международных договоров.

По Конституции Республики Таджикистан Конституционный Суд республики уполномочен определять соответствие Конституции не вступивших в законную силу договоров Таджикистана. Учитывая важное значение договоров в сфере межгосударственных отношений, можно констатировать, что данное полномочие Конституционного Суда имеет большое значение для гармонизации законодательства, в частности,

для имплементации норм и принципов международных соглашений во внутреннее законодательство республики.

Указанное полномочие возложено на Конституционный Суд с учетом приоритета Конституции как Основного Закона государства, а также с учетом защиты интересов государственного суверенитета. В ходе выполнения данного полномочия Конституционный Суд учитывает, прежде всего, интересы суверенитета государства. В то же время осуществляется функция нормоконтроля в отношении норм и принципов международных соглашений. В ходе реализации данной функции анализируются нормы договоров Таджикистана на предмет их соответствия положениям Конституции.

Нормоконтроль Конституционного Суда в сфере проверки соответствия договоров Таджикистана Конституции республики, с одной стороны, обеспечивает верховенство Конституции в национальной правовой системе, во-вторых, способствует имплементации норм международных соглашений во внутреннее законодательство с учетом приоритета суверенных интересов республики.

Конституционный суд принимает непосредственное участие в сближении национального и международного права. Как отмечается в литературе, конституционные положения «служат своего рода «мостом» между национальным и международным правом»³. С учетом данного положения Конституции государств СНГ, так же как и Таджикистана, уполномочивают их конституционные суды определять соответствие международных договоров национальным конституциям. Так, по Конституции Российской Федерации Конституционный Суд вправе разрешать дела о соответствии Конституции России не вступивших в силу международных договоров (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Конституционный Суд Республики Беларусь дает заключение о соответствии международных договоров Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь (ст. 116 Конституции Республики Беларусь). Конституция Азербайджанской Республики решает вопрос о соответствии не вступивших в силу межгосударственных договоров Азербайджанской Республики Конституции, а также о соответствии межправительственных

³ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. - С. 235.

договоров Азербайджанской Республики Конституции и законам Азербайджана (п. 6 ст. 130).

Помимо того, конституционные положения о приоритете норм и принципов международного права и международных договоров воспроизведены в законах и иных нормативно-правовых актах государств. Такие нормы содержатся, к примеру, в Гражданском кодексе, Семейном кодексе и иных законах Таджикистана. Более того, законы содержат специальные нормы о международном сотрудничестве в соответствующей сфере, о применении национального законодательства к отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства.

Понятно, что конституционный суд в ходе определения соответствия указанных норм национальных законодательных актов Конституции содействует реализации целей гармонизации законодательства. Иначе говоря, сфера конституционного нормоконтроля не ограничивается исключительно международными договорами, поскольку национальные законодательные акты воспроизводят конституционные положения о приоритете норм и принципов международного права, а также международных договоров.

Таким образом, конституционный суд при осуществлении конституционного нормоконтроля в сфере гармонизации законодательства способствует реализации целей гармонизации и унификации законодательства, в частности, сближения национального и международного прав. Как отмечается в Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, государства, будучи приверженными в развитии своих правовых и иных систем, в то же время обязаны устанавливать свои законы и административные правила в соответствии с обязательствами по международному праву и положениями десяти принципов, изложенными в заключительном акте. Как вытекает из смысла Итогового документа, государства-участники должны придерживаться нормативной ориентации на те уровни правового регулирования в области прав человека, экономики, науки и техники, образования и др., которые отвечают общим интересам.

Как было отмечено ранее, рекомендательные законодательные акты, которые разрабатываются органами межгосударственных объединений, различными институтами международных организаций, научными учреждениями, выполняют ключевую роль в гармонизации законодательства государств. Причем в условиях сближения правовых семей удельный вес и значение законодательных и иных документов рекомендательного характера все более возрастает. В условиях гармонизации и унификации законодательства государств рекомендательные акты и документы широко используются национальными государствами при разработке и применении собственного законодательства. Ярким тому примером могут послужить модельные уголовный и гражданский кодексы в рамках СНГ, послуживших основой принятия и реализации соответствующих кодексов в государствах Содружества. Не следует упускать из поля зрения также разработку первых постсоветских конституций на базе общих рекомендаций в сфере конституционной политики.

С учетом данного обстоятельства конституционный суд прибегает к сравнительному анализу тех основополагающих рекомендательных актов и документов, послуживших первоначальной базой при разработке и применении национальных законодательных актов. К тому же рекомендательные акты и документы содержат общие правила и стандарты, унифицированные нормы и положения, понятия и определения основных терминов, которые охотно используются в законодательной практике государств.

Таким образом, конституции, рекомендательные акты и документы межгосударственных парламентов и научных учреждений выступают в роли объектов сравнительного анализа в деятельности конституционного суда. Сравнительный анализ основополагающих рекомендательных актов и документов, так или иначе, входит в поле деятельности конституционного суда. Тем самым конституционный суд участвует в гармонизации законодательства.

Следует обратить внимание на то, что в современных условиях судебная практика применения международного права является важной формой реализации международно-правовых норм в национальном праве. По Конституции Респуб-

лики Таджикистан международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики, а в случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов. Такая норма содержится также в конституциях большинства государств. Это служит основанием судебного решения дела на основе норм международно-правовых актов, но при отсутствии регулирующей нормы в национальном законодательстве. На данное положение указывают многие авторы⁴.

Тем не менее на судебную практику в сфере применения норм международного права влияют случаи задержки ратификации международно-правовых актов парламентами государств. Поэтому конституционный суд должен контролировать ход ратификации международно-правовых актов, при этом указывая в своих решениях на факты задержки их ратификации. Тем самым конституционный суд будет способствовать эффективности реализации норм и принципов международного права, а также политики государств в сфере гармонизации законодательства.

⁴ Например, см.: Лукашук И.И. Международное право в судах государств. - СПб., 1993. - С. 80 - 102.

Д. Пулбере

*Председатель Конституционного Суда
Республики Молдова*

Соблюдение прав человека и контроль конституционности законов в общем и на примере Республики Молдова

Контроль конституционности законов играет очень важную роль в построении правового государства. Сегодня, когда возрастает необходимость создания конституционной демократической системы, основанной на верховенстве Конституции, на соблюдении и гарантировании прав и свобод, провозглашенных Конституцией и международными договорами, на законности и последовательности в правовой политике государства, путем обеспечения реального участия народа в управлении, контроль конституционности законов становится одной из форм демократии, осуществляющий ее защиту и распространение.

В XIX веке начали настойчиво говорить о конституционализме, который означает признание правового и политического превосходства Конституции над всеми другими правовыми нормами, верховенство Конституции, гарантируемое с помощью таких механизмов, как: общий контроль за применением Конституции; соблюдение ее норм и положений, контроль конституционности законов и других нормативных актов, который становится в любом правовом государстве насущной необходимостью, путем претворения в жизнь конституционных принципов и норм, их практического применения, постоянного осуществления прав и свобод граждан, направленных, в то же время, и на обеспечение разделения и равновесия властей в государстве, соблюдение полномочий, которые возложены на разные органы государства.

Таким образом, конституционное верховенство проявляется, в первую очередь, путем контроля конституционности законов. Обмен опытом между различными конституционными системами, включая и различия, существующие между ними, привели к их делению на две модели конституционного контроля, названных американская и европейская.

Происхождение контроля конституционности законов как института права, осуществленного через суды, остается спорной проблемой в правовой доктрине. Некоторые авторы считают, что этот контроль появился в Соединенных Штатах Америки, будучи четко выраженным в деле «*Marbury v. Madison*» (1803). Другие, в свою очередь, считают, что контроль конституционности законов с помощью судов появился в 1610 в Англии, когда Сир Эдвард Кок, в качестве председателя Гражданского Апелляционного Суда, вынес решение, которое впервые установило значение принципов частного права «*common-law*», его превосходство над законом, принятым Парламентом. *Американская* модель – контроль конституционности законов, осуществленный с помощью судов по конкретному делу, заключения которых имеют значение только для сторон спора, что делает невозможным единство правосудия, это и есть основной недостаток американской модели. Путь к контролю конституционности законов в Европе был открыт Гансом Кельсеном (1920) и, в соответствии с европейской моделью (также называемой кельсенской моделью), контроль конституционности законов осуществляется не судами, а только одним органом, специализированным и независимым от трех ветвей власти. В настоящее время существуют еще страны, сохранившие по традиции старый судебный контроль американского происхождения – это Норвегия, Швеция, Канада, Япония, Австралия, некоторые афроазиатские страны и страны Южной Америки.

Несмотря на существующие различия, обе модели преследуют одинаковые цели и в связи с непрерывным ростом юрисдикционности просматривается тенденция их сближения.

Большинство государств выбрали европейскую модель, среди них и Молдова. Согласно Конституции, принятой 29 июля 1994 года, в Республике Молдова 23 февраля 1995 года

был создан специализированный орган – Конституционный Суд, на который был возложен контроль конституционности законов. Таким образом, Республика Молдова вступила в ряды стран, строящих правовое государство, основанное на конституционной демократии, политическом плюрализме, на ценностях, закрепленных Основным Законом.

Следует отметить, что Конституционный Суд не заменяет судью или законодательный орган. Занимая особое место в системе органов государственной власти, он не вторгается в их деятельность, не подчиняется им, но, будучи независимым (имеет специальный статус) и авторитетным органом (его решения являются окончательными и обязательными), он может влиять на деятельность государственных органов.

Если в эволюции европейского конституционализма прошлый век был веком парламентаризма, национального представительства народной воли и парламентского режима, то во второй половине XX-го века контроль конституционности законов заявляет о себе в рамках новой концепции правового государства. Контроль конституционности не возник неожиданно в конституционной жизни европейских стран. Наоборот, его корни проистекают из исторической эволюции, связанной с формированием «американской модели» контроля конституционности, установленной в общих рамках «common law».

У некоторых может возникнуть мысль, что любая форма контроля конституционности законов недопустима, поскольку закон выражает «общую волю». Отказ *ab initio* от любой формы контроля конституционности законов будет полностью анахроничным. На самом деле, закон является выражением «общей воли», но он выражает эту волю только при соблюдении Конституции; в более широком смысле, закон является применительным актом Конституции, следовательно, он является актом, поддающимся интерпретации, как все акты или обстоятельства.

Конституция по своей форме и содержанию является «законом с удвоенной силой». Таким образом, ей должны подчиняться все законы. В противном случае, Конституция стала бы простым нарицательным существительным. Иерархия правовых норм также была бы ненужной, а институцио-

нальное равновесие и эффективность прав и свобод стали бы простыми словами¹.

Каким бы странным это не казалось, все-таки закон, даже если он принят законодательным органом, может включать в себя нормы, противоречащие Конституции и ущемляющие основные права и свободы. Именно для предотвращения подобных ситуаций был создан контроль конституционности законов. По этим причинам он изучается и в рамках правовых гарантий верховенства Конституции.

Контроль конституционности законов, будучи одной из наиболее важных областей, имеет глубокие теоретические и практические последствия. Обеспечение верховенства Конституции не может и не должно оставаться простым принципом конституционного строя. Необходима система гарантий, обеспечивающих проявление Конституции, как высшего нормативного акта. Эта система гарантий должна включать и систему санкций, используемых в случаях, когда нарушается Конституция².

Контроль конституционности законов представляет собой один из наиболее важных способов обеспечения соблюдения прав человека. Учитывая, что права человека закреплены Конституцией и гарантированы ею, а затем развиты законами, их соответствие с Конституцией представляется естественным процессом в правовом государстве, способствующим укреплению уважения к человеческим ценностям. С точки зрения конституционного права, приоритет конституционных положений по отношению к другим законодательным нормам, существующим в государстве, как и моральная, политическая и правовая ценность конституционных принципов, определяют обеспечение контроля конституционности законов и его организацию на эффективной основе.

Существование санкций за нарушение Конституции имеет огромное значение, потому что они, наряду с другими элементами, придают конституционным положениям характер юридических норм. Следует отметить, что некоторые юристы не признавали юридический характер конституционного пра-

¹ Ion Deleanu. Dreptul constituțional și instituții politice, editura Chemarea, Iași 1996, V.II, pag.77

² Ion Muraru, Gheroghe Iancu. Drepturile, libertățile și îndatoririle constituționale, București 1992, pag.31

ва на том основании, что оно не содержит санкций, которые бы придавали конституционным нормам эффективность, приводя примеры некоторых стран, в которых главы государств, нарушившие конституционные положения, не были наказаны. Контроль конституционности законов и есть аргумент против таких утверждений, являясь наглядным примером существования санкций в конституционном праве.

Первое, что должно привлечь внимание субъекта, изучающего институт контроля конституционности законов, это **понятие контроля конституционности законов**. В этом смысле следует отметить, что правовая доктрина в принципе согласна с включением конституционности законов в принцип законности в качестве его составной части. Не вдаваясь в анализ содержания законности как одного из основных принципов организации и функционирования политической системы, следует отметить, что этот принцип предполагает, что нормативные акты принимаются компетентными органами, по установленной процедуре, при соблюдении положений, созданных этими же органами, которые, независимо от категории, занимают высокую позицию в системе государственных органов. Принято считать, что принцип законности, как основной принцип организации и функционирования системы государственных органов, подразумевает соблюдение всех нормативных актов³.

Безусловно, законы должны соответствовать Конституции и требованиям законности. Конституционность закона означает не что иное как его законность, то есть закон должен быть принят при соблюдении конституционных норм, по их духу и букве.

Контроль конституционности законов является гарантией защиты основных прав и свобод, поскольку законодательная власть может нарушать конституционные положения, закрепляющие эти права и свободы. Этот контроль является организованной правовой гарантией этих прав. В нашей стране Конституция регламентирует правовой контроль, реализованный Конституционным Судом.

В любой конституционной системе в актах Парламента

³ Victor Ducelescu. Protecția juridică a drepturilor omului, Editura Lumina Lex, București 1998, pag.172

допускаются подобные нарушения, потому что другие государственные органы, будучи органами исполнительной власти, издают эти нормативные акты только для организации исполнения закона. Административные акты не могут содержать первичные положения, а контроль законности осуществляется обычными средствами контроля, в том числе административными судами. Что касается актов судебных органов и органов прокуратуры, здесь проблемы не возникают, так как эти органы применяют закон и не издают правовые нормы⁴.

Контроль конституционности касается только законов или других нормативных актов, имеющих юридическую силу сравнимой с силой закона. Некоторые Конституции предусматривают контроль и других нормативных актов. Существуют нормативные акты с юридической силой, равной закону, изданные другими государственными органами, которые регулируют социальные отношения, относящиеся к области закона, и могут изменить, приостановить или отменить закон. Такие акты существуют в большинстве конституционных систем в виде указов-законов, указов или ордонансов.

Второй вопрос касается проверки конституционности законопроектов. Некоторые конституции предусматривают контроль конституционности законопроектов. Следует отметить, что это не истинный контроль, так как разработка законов включает в себя проверку конституционности. Создание специального органа, проверяющего конституционность законопроектов, является мерой безопасности. Этот орган может излагать свое мнение в своих заключениях в процессе разработки закона, но не более.

Третий вопрос касается причин, приводящих к нарушению положений Конституции законами.

Этот вопрос тем более интересен, потому что в некоторых конституционных системах законы и Конституция приняты одним и тем же органом (Парламентом), и кажется, что не должно существовать расхождений между Конституцией и законом. Однако практика свидетельствует об обратном, а существование органа контроля конституционности законов является лишь неопровержимым доказательством этого факта.

⁴ Alexandru Arseni, op.cit., pag.169

Причины возникновения некоторых различий между обычным и основным законом надо искать в социальных противоречиях, в отношениях между общественными силами. Существуют и будут существовать большие противоречия между различными группами, формирующими правительство. Когда у власти была или находится группа с интересами, отличающимися от интересов тех, которые проголосовали за Конституцию, бывают попытки принять законы, отвечающие ее интересам. Часто эти законы противоречат интересам группы, которая находилась у власти на момент принятия Конституции.

Иногда расхождения между Конституцией и законом возникают из-за чрезмерной строгости некоторых конституций. Невозможность изменить их в течение длительного времени приводит к тому, что они больше не отвечают новым интересам, которые проявляются в принятых законах.

Некоторые несоответствия – это результат игнорирования правил законодательной техники. Контроль конституционности законов оправдан также в федеративных государствах для достижения цели гармонизации общих интересов федерации со специфическими и конкретными интересами членов федерации⁵.

Из вышесказанного следует, что контроль конституционности законов становится в любом правовом государстве необходимой гарантией реализации конституционных принципов и норм, их практического применения, осуществления прав и свобод человека. Целью этого контроля является также гарантирование принципа разделения властей в государстве, соблюдения различными государственными органами своих полномочий. Поэтому вполне естественно, что обеспечение соответствия всех правовых норм положениям Основного Закона является необходимым условием для построения правового государства, для гарантирования обеспечения соответствия всего правопорядка принципам и нормам Конституции в качестве Основного Закона в государстве.

Контроль конституционности законов является результатом государственных и правовых отношений, гарантией конституционных принципов и структур. Функции этого конт-

⁵ Alexandru Arseni, op.cit., pag.171

роля бесспорны, ими преследуется обеспечение верховенства Конституции. А это верховенство предполагает обеспечение разделения властей, а также защиты прав человека⁶. Более того, контроль конституционности законов является гарантией эффективного проявления оппозиции в Парламенте, а также права оппозиции требовать от конституционных органов сказать свое слово. Конституционная юстиция свидетельствует о том, что неоднократно требования оппозиции удовлетворяются.

В древности и средневековье вопрос о справедливости закона, о его влиянии на человеческую личность, о правах и ценностях ставился такими великими мыслителями и философами, как Аристотель, Платон, Томас Д'Акино, юридическая практика была далека от этих вопросов, рассматривая их эпизодически и не редко в демагогической форме.

Современный период принес радикальные изменения в этой области. Начиная с революций, происходивших в Англии и Франции, законодательная и судебная практика усваивают новое видение на закон, который должен выражать волю общества по обеспечению господства права. Было стремление основывать деятельность органов государственной власти на законе, организовать юстицию таким образом, чтобы она руководствовалась законами и была независима от политической власти, в том числе верховной власти. Режим законности – это тот режим, в котором закону подчиняются частные лица, публичные органы, одним словом – все.

Постепенно в современном конституционализме закрепились такие идеи, как установление в Конституции принципов, основанных на высших ценностях, верховенстве Конституции, доступ к правосудию в случае принятия законов, противоречащих Конституции.

Принятые законы не могут преступить пределы законности, предусмотренные Конституцией, они должны подчиняться Конституции, обеспечивать стабильность правового режима. Достижение этих идей возможно только при наличии таких правовых механизмов, как контроль конституционности законов, административный суд и независимая юстиция. Среди них ведущее место играет контроль конституци-

⁶ L.Guceac op.cit., pag.65

онности законов, который предназначен вносить коррективы в деятельность всегда спешащего Парламента, который принимает законы второпях, без проведения серьезных исследований, или принимает законы с пользой для себя.

Существовал ли раньше институт контроля конституционности законов?

В МССР, созданной в 1940 году из части Молдавской автономной республики и части Румынии, включенной в состав СССР, этот правовой институт не был известен. На отчужденной от Румынии территории до 1940 года действовали румынские конституции, которые предусматривали демократические институты, включая институт конституционного контроля. С этой точки зрения мы считаем, что у нас есть определенные демократические традиции⁷. Тоталитарный режим не позволял объективной оценки демократических институтов, которые отменил, считая их «буржуазными», либо игнорировал, либо критиковал, применяя критерий «классовости» вместо научного анализа с целью установления монополии над демократией. В результате история была искажена. После ликвидации тоталитарного режима история стала изучаться с объективной точки зрения, в том числе история правовых институтов. Румынский исторический опыт контроля конституционности стал «вехой, которую невозможно игнорировать»⁸. Изучение этого опыта может быть полезным сегодня.

Существуют два вида контроля конституционности законов: предварительный и последующий.

Предварительный контроль конституционности осуществляется до промульгации закона.

В Румынии еще в XVIII веке были попытки демократизировать власть, обеспечить ее более эффективное функционирование и сделать законодательный процесс более современным. Константин Маврокодат, правитель-реформатор, назначил в каждом округе по 1-2 судей, которым государство платило зарплату и которые должны были судить сами или вместе с «главой» округа. Во время русско-турецкой войны (1768-1774) по просьбе бояр началось отделение судебной власти от исполнительной и на центральном уровне Диван

разделился на два исполнительных и два судебных департамента. В конце XVIII века боярами были созданы многочисленные проекты по реструктуризации институтов власти, отношений между румынскими княжествами и османской империей, и эти проекты были представлены империям, которые имели свои интересы в княжествах – России, Турции, Австрии. Проект предусматривал некоторые элементы верховенства закона, поскольку требовалось, чтобы все факты и документы подчинялись правовым положениям, закон считался основой регулирования всей деятельности и поддержания защиты прав лиц.

Законодательная практика и доктрина всегда высказывались в пользу создания Законодательного Совета, который бы контролировал законодательный процесс. В 1886 году в Сенат был введен законопроект о создании Законодательного Совета.

Законодательный Совет был создан на основании закона от 25 февраля 1925 г. в качестве вспомогательного органа Парламента. Его заключения давали оценку проектам с точки зрения соответствия Конституции. Законодательный Совет не был политическим органом, при координации и улучшении закона ему не было разрешено обсуждать целесообразность закона и политические соображения. Законодательный Совет был специальным органом. Не будучи законодательным органом, он оказывал содействие при разработке законов.

Члены Законодательного Совета должны были соответствовать довольно строгим профессиональным требованиям, иметь докторскую степень или, по меньшей мере, лицензиат, занимать высокие государственные должности - министра, магистра и др., быть автором научных работ в области права.

Консультация Законодательного Совета была абсолютно необходимой, но его заключения не носили обязательный характер. Тем не менее большинство негативных заключений были приняты во внимание, так что Законодательный Совет сыграл важную роль в обеспечении верховенства Конституции, приостанавливая некоторые неконституционные законопроекты. Фактически Законодательный Совет был основным препятствием на пути неконсти-

⁷ N.Cîrnaț „Dreptul Constituțional”, Chișinău 2004, pag.53

⁸ I. Muraru „Dreptul constituțional și instituții politice”, pag.98

туционности, который удалял с самого начала недостатки в этом аспекте.

Осуществление контроля конституционности после вступления в силу закона.

Эта форма контроля конституционности появилась после установления системы современного румынского права. Румынские инстанции провели несколько подобных судебных процессов в 1902, 1911 и 1912 годах, некоторые из них имели широкий резонанс за пределами страны.

Ст. 103 Румынской конституции от 1923 года давала Кассационной Палате право судить конституционность законов. Устанавливая неконституционность правовой нормы, Суд давал заключение о ее неприменении, но это заключение действовало только по данному делу, то есть не носило характер *erga omnes*. Конституция от 1923 года не только признавала, что любой судья, перед которым поднимался вопрос о неконституционности, имеет право высказаться по поводу конституционности правовой нормы, но и установила, что единственным органом, который может осуществить контроль конституционности, является Кассационная Палата.

Кассационная Палата могла проверить конституционность закона только по обращению заинтересованного лица, а не по собственной инициативе. Обращение о неконституционности могло быть подано только в порядке исключения в процессе рассмотрения дела в суде. Согласно Закону о Кассационной Палате вопрос неконституционности правовой нормы рассматривался только после вынесения первой инстанцией окончательного судебного решения.

Разбирательство в Кассационной Палате было возможно и в случае, когда истец соглашался на приостановление судебного процесса до решения вопроса конституционности. В этом случае дело передавалось в Кассационную Палату, которая рассматривала его в срочном порядке.

Решения Кассационной Палаты о контроле конституционности в период между двумя войнами учитывались законодательным органом, который старался принимать законы, соответствующие Конституции. Некоторые решения Суда подвергались критике, в частности те, которые были приняты в сложных условиях кризиса. Цель критики – защита социаль-

но обездоленного населения. В этом смысле, была раскритикована принятая Судом гибкая формула осуществления права собственности. Было отмечено⁹, что этот вопрос может быть урегулирован нормами закона без ущемления сущности права собственности. За исключением некоторых решений, все решения Кассационной Палаты были охарактеризованы как доказательство решительной защиты конституционных принципов.

Предложения, касающиеся института контроля конституционности законов, основывались на идее создания специального отдела Кассационной Палаты вместо существующих объединенных отделов, которые, из-за многочисленных советников, сталкивались с затруднениями в работе. Председательствующим на заседаниях этого отдела всегда должен быть первый Председатель Кассационной Палаты, чтобы «сохранить судебный характер этого органа». Было предложено также, чтобы решения этого отдела имели обязательный характер *erga omnes*¹⁰.

Говоря о контроле конституционности законов в странах с жесткой конституцией, следует отметить, что Конституция этих стран наделена высшей юридической силой по отношению к законам, которые она может изменить в любое время, но они не могут изменить ее. Поэтому никакие практические соображения не могут противиться тому, чтобы государственный орган с более или менее четко определенным судебным характером, отличным от Парламента, был признан компетентным для проверки соответствия закона Конституции и в случаях, когда закон противоречит Конституции, сделать его неприменимым либо для сторон дела, либо для всех.

Это не означает, однако, что во всех странах с жесткой Конституцией контроль конституционности законов в условиях, похожих на судебную процедуру, закрепился.

По достаточно распространенному мнению, причина неприменения контроля конституционности законов в некоторых странах с жесткой Конституцией состоит в том, что наделение этой компетенцией одного органа, не Парламента, равносильно ущемлению законодательного суверенитета на-

⁹ Monitorul oficial, nr.2 26-27, 1998

¹⁰ Monitorul oficial, nr.84-85, 1998

ционального представительства, единственного призванного выразить общую волю. На основании принципа государственного суверенитета считается, что ни один орган в государстве не может заменить или ставить себя каким-то образом выше национального представительства. В условиях, когда правовые нормы, принятые Парламентом, могут быть парализованы каким-то другим государственным органом, воля этого органа по юридической силе оказалась бы выше воли национального представительства.

Существуют также утверждения, что введение контроля конституционности законов может привести к нарушению принципа разделения государственной власти, так как судебная власть может лишиться действительности акт законодательной власти. Из этих соображений в некоторых странах с жесткой конституцией контроль конституционности законов, осуществляемый другим органом, не Парламентом, не был введен, а другие страны прошли долгий и трудный путь пока применили его на практике.

В большинстве стран с жесткой конституцией победила другая точка зрения. Согласно этой точке зрения, именно разделение ветвей государственной власти дает возможность сотрудничества между ними, осуществлять взаимный контроль и совершать определенные действия по сдерживанию их от злоупотребления властью. Установление мер, которые заставляют законодательную власть соблюдать Конституцию, не означает ущемление законодательного суверенитета этой власти: это способ обязать ее действовать в пределах Конституции, в соответствии с духом и буквой Конституции. В основе принципа разделения государственной власти лежит соблюдение законов. Судебные инстанции во всех рассматриваемых спорах обязаны считаться с законом. Конституция – это тоже закон, и если в судебном процессе будет установлено, что закон противоречит Конституции, суд обязан применить Конституцию, которая по юридической силе выше закона¹¹.

В странах с гибкими конституциями вопрос конституционности законов вообще не ставится. Установление новым законом положений, противоречащих Конституции, не озна-

¹¹ Tu8dor Drăganu, op.cit., pag.292

чает нарушение Конституции, а только ее изменение. Тем более, в этих странах не может идти речи о создании и функционировании органа контроля конституционности.

В Англии, где обычные законы могут изменить конституционные нормы, вопрос конституционного контроля не может возникнуть. Однако не менее верно и то, что отсутствие в Англии организованного контроля конституционности законов не означает, что Парламент поступает самоуправно, поскольку наряду с писаными законами существуют многочисленные неписанные конституционные принципы. Если Парламент принимает закон, противоречащий этим неписанным принципам, судебные инстанции, не признавая закон официально неконституционным, не применяют его при разрешении дела и толкуют его иначе, чем вытекает из текста закона, в соответствии с духом неписаной конституции.

Подводя итоги, можем поделиться некоторыми выводами, которые, на наш взгляд, могут способствовать эффективному обеспечению верховенства Конституции Республики Молдова.

1. В целях обеспечения независимости судей Конституционного Суда считаем необходимым увеличить число судей Конституционного Суда до девяти и создать 2 Коллегии, заседания которых проходили бы под председательством председателей этих Коллегий.

2. Следует уменьшить число субъектов с правом обращения в Конституционный Суд и исключить из числа субъектов Министерство юстиции, как часть Правительства, Прокуратуру и Народное Собрание Гагаузии.

3. Считаем целесообразным наделять граждан правом обращения в Конституционный Суд в случаях нарушения их прав и основных свобод.

4. Осуществлять контроль конституционности международных договоров до их ратификации. Следует отметить, что в Республике Молдова конституционность международных договоров проверяется после их ратификации.

5. Право обращения в Конституционный Суд по поводу исключительных случаев неконституционности нормативных актов должно быть предоставлено не только Высшей Судебной Палате, но и всем судам, так как миссия Конституционно-

го Суда заключается в гарантировании осуществления прав и основных свобод граждан.

6. Необходимо определить в законодательстве, какие акты государственных органов подлежат контролю конституционности, а какие контролю законности. Мы считаем, что рассмотрение нормативных актов является неотъемлемой компетенцией Конституционного Суда, а рассмотрение индивидуальных актов входит в ведение административных судов.

И. Рогов

*Председатель Конституционного Совета
Республики Казахстан*

Влияние решений Конституционного Совета Республики Казахстан на законодательство и правоприменительную практику

Позвольте от имени Конституционного Совета Республики Казахстан поздравить коллектив Конституционного Суда Республики Таджикистан с его 15-летним юбилеем, приветствовать участников настоящей Конференции и выразить благодарность ее организаторам за приглашение.

Настоящий форум посвящен актуальной теме. В демократическом и правовом государстве органы конституционного контроля выступают одной из основных гарантий стабильного и поступательного развития страны в соответствии с Конституцией. Сегодня я хотел бы затронуть вопросы влияния их решений на правотворческую и правоприменительную деятельность.

Основной массив решений Конституционного Совета Казахстана связан с законотворческим процессом. С момента принятия действующей Конституции Парламент на ее основе и в развитие ее положений принял более 1700 законов, регулирующих самые различные сферы общественных отношений.

Влияние решений Конституционного Совета на законотворческий процесс имеет разные формы и начинается со стадии его планирования. Нередко в актах Конституционного Совета обращается внимание субъектов законодательной инициативы на отдельные аспекты правового регулирования, требующие принятия законодательных мер, которые в последующем включаются в Планы законопроектных работ Правительства.

В соответствии с Регламентом Правительства Республики Казахстан нормативные постановления Конституционного Совета должны учитываться при формировании текущих и перспективных планов законопроектных работ Правительства. Согласно обновленным в прошлом году Правилам организации законопроектной работы в уполномоченных органах Республики Казахстан государственные органы разрабатывают законопроекты с учетом, в том числе, нормативных постановлений Конституционного Совета.

За прошедший период с учетом правовых позиций Конституционного Совета Правительством Республики разработан и Парламентом принят ряд законов. Так, в УПК внесено дополнение, согласно которому потерпевший, а в случае смерти последнего - его правопреемники, имеют право на получение за счет бюджетных средств денежной компенсации за имущественный вред, причиненный особо тяжким преступлением, если у осужденного отсутствует имущество, достаточное для возмещения причиненного материального ущерба. Расширен круг лиц, которым квалифицированная юридическая помощь предоставляется за счет государственного бюджета. Участникам уголовного процесса предоставлено право судебного обжалования постановления органов уголовного преследования о возбуждении уголовного дела. Обвиняемый наделен правом заявлять ходатайство о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не только при объявлении ему об окончании предварительного следствия, но и в последующий период, в том числе и на предварительном слушании дела в суде. Этот перечень можно продолжить.

В практике законотворческой деятельности нередко возникают вопросы, связанные с неоднозначным пониманием содержания тех или иных конституционных норм, от чего зависит концепция рассматриваемого законопроекта или международного договора. Субъекты законодательной инициативы обращаются за разъяснением в Конституционный Совет, который обладает исключительным правом дачи официального толкования Конституции.

В прошлом году по обращению Премьер-министра Республики Казахстан Конституционным Советом дано офици-

альное толкование норм статьи 4 Конституции применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов, в том числе Комиссии Таможенного союза, создаваемого между Россией, Беларусью и Казахстаном. Конституционный Совет определил, что на решения международных организаций и их органов, образуемых в соответствии с международными договорами Республики Казахстан, распространяются положения статьи 4 Конституции о приоритете ратифицированных Казахстаном международных договоров перед его законами и возможности непосредственного применения таких решений. В то же время, Конституционный Совет отметил, что решения международных организаций и их органов не должны противоречить Основному Закону, посягать на суверенитет страны, унитарность и территориальную целостность государства, а также форму правления Республики, ущемлять конституционные права и свободы человека и гражданина.

С учетом этих правовых позиций формируется сейчас правовая база Таможенного союза.

В целях ограждения национальной правовой системы от неконституционных положений принятые законы перед их подписанием могут направляться в Конституционный Совет для проверки их на предмет соответствия Основному Закону. В случае признания закона не соответствующим Конституции он не может быть подписан и введен в действие, пока не будут в законодательном порядке устранены выявленные недостатки. В 2009 году по обращению Президента Республики Казахстан Конституционный Совет проверил и признал не соответствующим Конституции принятый Парламентом и представленный на подпись Главе государства Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам свободы вероисповедания и религиозных объединений». Анализируя указанный Закон, Конституционный Совет обратил внимание на то, что в нем в нарушение конституционного принципа равенства всех перед законом неправомерно сужен круг лиц, подлежащих льготам, а также лиц, законные интересы которых должны защищаться уполномоченным органом. Закон необоснованно ограничивал конституционное право на свободу

совести и ставил в неравные правовые условия лиц, принадлежащих к разным конфессиям.

За эти годы были признаны неконституционными в целом или в части 25 законов и международных договоров.

Ряд нормативных постановлений Конституционного Совета носил принципиальный характер и это сказалось на формировании правоприменительной практики.

Хотел бы отметить, что в целях совершенствования механизма реализации решений Конституционного Совета по инициативе Главы государства недавно упрочен императивный характер решений Конституционного Совета, что позитивно отразилось на состоянии конституционной законности в стране. Согласно дополнениям в Конституционный закон «О Конституционном Совете Республики Казахстан» рекомендации и предложения Конституционного Совета по совершенствованию законодательства подлежат обязательно рассмотрению уполномоченными государственными органами с последующим уведомлением Конституционного Совета о принятом решении.

Подводя итог, могу сказать, что решения Конституционного Совета играют важную роль в законотворчестве и правоприменительной практике Казахстана.

Думаю, что проводимая сегодня конференция поможет всем нам глубже осмыслить имеющиеся проблемы, обменяться положительным опытом и наметить пути дальнейшей работы по обеспечению верховенства Основных Законов наших стран.

Спасибо за внимание.

Ж. Бямбадорж

*Председатель Конституционного
Суда Монголии*

Конституционный Суд Монголии - важный институт демократического государства

Вопрос об эффективном надзоре Конституции является одной из главных гарантий ее выполнения. Опыт создания специализированного суда, разрешающего споры, нарушающие Конституцию, относится к новейшей истории человечества.

Впервые в мире Конституционный Суд создан в 1920 году в Австрии, продолжает свою деятельность и по ныне и служит примером для других стран. Независимые суды, разрешающие конституционные споры, были созданы в 1947 году в Бирме, Италии, в 1949 году - в Германии, в 1950 году - в Сирии, Люксембурге, в 1952 году - в Уругвае, в 1960 году - на Кипре, в 1961 году - в Турции, в 1963 году - в Алжире, Югославии, в 1968 году - в Греции, в 1976 году - в Португалии, в 1978 году - в Испании, а потом в Колумбии, Чили, в Ираке, Южной Корее, Анголе, в Египте, Мали, Эфиопии и т.д. Как считают ученые, если XX век был веком конституционного строя, то XXI век станет веком Конституционного Суда. Сегодня конституционные суды и эквивалентные им органы созданы в большинстве стран мира. Они находят эффективную форму сотрудничества для усовершенствования своей деятельности, обмена опытом работы. К ним можно причислить конференции судей конституционных судов европейских и азиатских стран, Всемирный конгресс по конституционной юстиции и ежегодные региональные встречи конституционных судов.

Создание Конституционного Суда стало явлением нового общества в нашей стране. В 1990 году Великий Народный

Хурал МНР утвердил Закон “О дополнении к Конституции 1960 года”, коренным образом изменил систему государственной структуры. Хотя по новой Конституции впервые было предусмотрено создание Конституционного Совета, конституционное положение о создании Конституционного Совета не успело претвориться в жизнь, и в 1992 году была принята новая Конституция. Причина несоздавшегося Совета состояла в том, что в истории монгольского государства не было такого органа, как конституционный суд или контрольный совет, поэтому руководители высших государственных органов того времени, члены Великого Народного Хурала не имели широкого представления о таком специализированном суде и недооценивали важность этого государственного института.

В новой Конституции, явившейся основой становления правового государства и гарантией перехода Монголии на новый демократический уровень, по примеру других государств предусмотрено создание самостоятельного конституционного суда под названием “Конституционный Суд Цэц”, в компетенцию которого входит защита Конституции и установление высшего надзора над её исполнением. Это привело к возникновению впервые в политической структуре Монголии постоянно действующего, самостоятельного суда, функция которого состоит только в установлении высшего надзора над исполнением Конституции, разрешении споров.

После вступления в силу утвержденной Конституции Малый Государственный Хурал, являющийся постоянно действующим парламентом того времени, утвердил 8 мая 1992 года “Закон о Конституционном Суде” и 1 июня этого же года назначил первых членов Конституционного Суда. С этого времени пишется история нашего суда – Цэц, Цэц в переводе на русский означает мудрый судья.

Неслучайным считается то обстоятельство, что две последние главы Конституции Монголии гласят о конституционном контроле и тем самым дают юридическую гарантию выполнения Конституции и ее положений.

В пятой главе Конституции было специально указано о Конституционном Суде как о специализированном суде. Согласно пункту 1 статьи 64 Конституции “Конституционный Цэц (Суд) Монголии есть полномочный орган, осуществляющий

высший контроль за выполнением Конституции, выносящий заключение о нарушении ее положений, рассматривающий и разрешающий споры; является гарантией неукоснительного соблюдения Конституции”. Отсюда видно, что Конституционный Суд Монголии является специализированным судом, имеющим следующие особенности:

1. Конституционный Суд Монголии осуществляет высший контроль за выполнением Конституции и разрешает споры о нарушении её положений. Такая судебная власть не дана ни одному другому суду.

2. В пункте 1 статьи 65 говорится о регламенте назначения судей Конституционного Суда и их полномочном сроке и о том, что “Конституционный Суд состоит из девяти членов. Трое из них назначаются Великим Государственным Хуралом по предложению Великого Государственного Хурала, трое по предложению Президента, трое по предложению Верховного Суда сроком на шесть лет”. Это свидетельствует, что Конституционный Суд является специализированным судом и его члены имеют свои особенности. Отсюда видны корни принципа разделения властей. По другому можно сказать, что в формировании Конституционного Суда и назначении его членов участвуют Великий Государственный Хурал, представляющий законодательную власть, Президент Монголии, представляющий исполнительную власть, и Верховный Суд, представляющий судебную власть путем внесения предложения кандидата на назначение членом Суда. Но это не значит, что назначенные члены подотчётны им и будут представлять эти же органы.

3. Конституционный Суд разрешает только споры, предусмотренные Конституцией. Конституционный Суд рассматривает и выносит окончательное решение о соответствии Конституции законов, указов и других решений Великого Государственного Хурала и Президента, а также решений Правительства, международных договоров Монголии, решений Центрального избирательного органа по всенародному референдуму по выборам Великого Государственного Хурала, его членов и Президента. Конституционным Судом также рассматриваются споры о нарушении Конституции Президентом, Председателем и членами Великого Государ-

ственного Хурала, Премьер-министром, членами Правительства, Главным судьей Верховного Суда и Генеральным прокурором.

Если действия, решения других должностных лиц и государственных органов не соответствуют Конституции, то они рассматриваются Административным судом, в некоторых случаях Уголовным или Гражданским судами.

4. Процедура рассмотрения споров в Конституционном Суде имеет ряд особенностей, имеющих политические, юридические последствия в отличие от обычных судебных органов. Конституционный Суд играет важную роль в уравнивании государственной власти. Важнейшим принципом государственного устройства демократического общества является формирование правовой среды и механизмов ее осуществления для проведения деятельности государственных органов на основе взаимной зависимости, взаимного контроля и взаимного уравнивания. Если акты, утвержденные Парламентом, Президентом, Правительством, а также действия государственных высокопоставленных должностных лиц не соответствуют Конституции, то Конституционный Суд устанавливает наличие нарушения для отмены этих актов и устанавливает наличие основания для отстранения этих лиц от должности. Это является основным механизмом разграничения полномочия высших государственных институтов со стороны судебной власти, балансирования и разделения властей. Судьи Конституционного Суда должны быть высококвалифицированными в правовой сфере. В Конституции сказано, что “членами Конституционного Суда назначаются граждане Монголии, имеющие высокую юридическую и политическую квалификацию, достигшие сорока лет”. К этому, естественно, добавляются все критерии, которые предъявляются судьям обычных судов, знание тонкости политической деятельности, высокая политическая квалификация. Если сравнить возрастные требования, то члены Конституционного Суда должны быть на пять лет старше судей Верховного Суда, на пятнадцать лет старше членов Великого Государственного Хурала. Членом Конституционного Суда должен быть человек с богатым опытом государственной службы, с высокими теоретическими знаниями, занимающий определенное положение в обществе.

Можно сказать, что Конституционный Суд считается судом, который имеет право давать официальное толкование Конституции. Положение четвертого пункта статьи 66 Конституции о том, что “если Конституционный Суд принял решение о несоответствии Конституции закона, указа и других решений Великого Государственного Хурала и Президента, а также решения Правительства и международного договора Монголии, то соответствующий закон, указ, декрет и решение считаются недействительными”, и то, что Великий Государственный Хурал, приняв заключение суда, устраняет конституционное нарушение, свидетельствует о вышесказанном.

Уважаемые дамы и господа!

Конституционный Суд Монголии занимает своё достойное место в системе государственной структуры. Не случаен тот факт, что первый государственный конституционный орган, созданный согласно новой Конституции, был Конституционный Суд /Цэц/, который с самого начала должен был контролировать действия Великого Государственного Хурала, Правительства, которое будет сформировано позже по новой Конституции, действия Президента, чтобы законы, указы, решения и резолюции, принимаемые ими, строго отвечали духу и букве Конституции.

Несмотря на кризис переходного периода, дефицит денег и средств, Монголия все же смогла не только создать Конституционный Суд, но и приняла многочисленные важные меры, чтобы дать ему возможность осуществлять свои функции, предусмотренные Конституцией. За прошедшие 18 лет Конституционный Суд Монголии исполнял свои обязательства, предусмотренные законом, и не только занял соответствующее место в структуре демократического государства, но и смог стать признанным в обществе, среди населения, которое имело недостаточное понятие о Конституционном Суде. Ныне положительно изменилось отношение народа к Конституционному Суду, и из года в год растет число заявлений и жалоб граждан, подаваемых в Суд.

Конституционный Суд проводит свою деятельность согласно Основному Закону, Закону о Конституционном Суде, принятому в 1992 году, и Закону о порядке рассмотрения споров в Конституционном Суде, принятому в 1997 году.

Особенно важно правильно определить принадлежность споров к компетенции Конституционного Суда. Нарушение Конституции наблюдается не только на всех ступенях государственных органов, но и в хозяйственных единицах, в неправительственных организациях и между гражданами. Нет никакой возможности рассматривать и разрешать все это одному только Конституционному Суду.

Выше я упомянул о спорах, которые рассматриваются Конституционным Судом. Есть в новой Конституции особое разграничение рассмотрения дел судами: административным, уголовным или гражданским судом, если действия и решения той или иной правительственной организации и должностных лиц не соответствуют Конституции и другим правовым актам. Считается, что все это соответствует сегодняшней реальности.

К сожалению ВГХ ни разу не отстранял от должностей лиц, которых Конституционный Суд счел нарушившими Конституцию и поставил на рассмотрение вопрос об их отзыве. В 2008 году по ходатайству некоторых граждан Конституционный Суд полным составом рассмотрел споры о нарушениях Председателем ВГХ некоторых статей Конституции, о его посягательстве на полномочие ВГХ. Конституционный Суд постановил наличие основания отстранения его от должности и поставил вопрос на рассмотрение ВГХ.

Иными словами, в Конституции строго указаны инициаторы, которые могут обратиться для возбуждения дел по конституционному судопроизводству.

В силу того что Конституционный Суд является органом судебной власти и согласно общепринятому принципу, судьям Конституционного Суда по закону запрещается рассматривать конституционные споры по своей инициативе, для того чтобы обеспечить их независимость. В отличие от конституционных судов некоторых стран, правом обращения в Конституционный Суд Монголии с заявлением или сообщением обладают граждане Монголии, а также иностранцы и лица без гражданства, проживающие на территории Монголии на законном основании. Каждый человек, должностное лицо вправе обращаться в Конституционный Суд в качестве гражданина. Нередко встречаются случаи, когда члены Вели-

кого Государственного Хурала, ставшие меньшинством при принятии того или иного закона, в целях защиты своего мнения обращались в Конституционный Суд от имени гражданина Монголии.

В стране с огромной территорией, со слабо развитым дорожно-воздушным транспортом и коммунальной связью граждане, проживающие в деревнях, редко обращаются в Конституционный Суд по сравнению с жителями столицы. Необходимо изучать и решать вопрос о предоставлении им одинаковой возможности с жителями столицы.

Два года тому назад я критиковал то обстоятельство, что со дня создания Конституционного Суда не было ни одного случая обращения Президента, Великого Государственного Хурала, Премьер-министра, Верховного Суда, Верховного прокурора в Конституционный Суд. Затем, в прошлом году Верховный Суд несколько раз, Генеральный прокурор впервые обратились в Конституционный Суд по вопросам нарушения Конституции, и было возбуждено судопроизводство. Должностные лица, компетентные органы являются не только сторонами спора, они имеют обязанность наблюдать за соблюдением Конституции. Президент Монголии имеет право налагать вето на утвержденные Великим Государственным Хуралом законы и другие его решения. Есть много случаев, когда Великий Государственный Хурал не принимает вето, наложенное Президентом. И тогда есть ещё одна возможность обращения Президента в Конституционный Суд.

Обыкновенные суды ежедневно применяют законы и решают дела, поэтому они первыми сталкиваются с нарушением Конституции. В пункте 3 статьи 50 Конституции указано: "Верховный Суд и другие суды не имеют права применять законы, не соответствующие Конституции". Этой статьей Верховному Суду предоставляется обязанность, не теряя времени, приступить к устранению конституционных нарушений.

Конституционный Суд может осуществлять высший контроль за соблюдением Конституции только в том случае, когда есть возможность работать независимо ни от кого. Во втором пункте статьи 64 Конституции указано, что при исполнении своих обязанностей Конституционный Суд, его члены подчиняются только Конституции, должны иметь возмож-

ность быть независимыми от любых организаций, должностных лиц, других людей. Такая возможность зависит от назначения членов, размера их заработной платы, полномочий решать конституционные споры и условий быть вне любого давления со стороны. Надо сказать, что хотя эти гарантии хорошо подкреплены законодательством, экономические гарантии деятельности Конституционного Суда, его членов не так сильны в связи с экономическим потенциалом нашей страны.

Благодарю за внимание.

Ф. Абдуллоев

*Председатель
Экономического Суда СНГ*

Правовая природа интерпретационных актов Экономического Суда СНГ и проблемы их реализации в государствах-участниках Содружества

Утверждение принципа приоритета международного права в современных международных отношениях придает особую значимость роли судебного контроля за соответствием внутригосударственного права и практики его применения обязательствам государства по международному праву. В одних странах такой контроль не предусмотрен (США), в других - его осуществляют суды общей юрисдикции (Нидерланды). Но в большинстве европейских стран он осуществляется органами конституционного контроля (конституционными судами, конституционными советами).

Представляется, что данный вопрос содержит три ключевых аспекта: 1) судебный контроль за конституционностью международных обязательств государства; 2) судебный контроль за соответствием национального законодательства международным обязательствам государства; 3) судебный контроль за соответствием национального законодательства Конституции государства.

В условиях интеграции правовых систем два первых ключевых аспекта выдвигаются в качестве немаловажных в практике органов конституционного контроля. К этой сфере примыкает судебный контроль за соответствием законов и международных договоров друг другу.

Поэтому, на мой взгляд, доклад, посвященный деятельности Экономического Суда СНГ по толкованию положений

международно-правовых договоров, заключенных в рамках Содружества, и актов органов СНГ, а также проблеме создания механизма контроля исполнения его решений, соответствует заявленной проблематике настоящей Конференции.

Урегулирование вопросов толкования договора требует времени и опыта (компетенции) многих различных органов власти: национальных судов, правоохранительных органов, иммиграционных властей, государственных служащих, должностных лиц разных уровней и структур государственной власти, персонала дипломатических представительств, международных судов и арбитражных трибуналов, международных организаций и других. Интерпретация договоров, как известно, является одним из наиболее сложных и противоречивых вопросов в деятельности упомянутых органов. Об этом свидетельствует практика международных судов и трибуналов. В международные судебные органы часто поступают просьбы о разрешении спора между двумя или более государствами относительно применения договора именно потому, что эти государства имеют различные точки зрения относительно понимания того, что установлено данным документом или его отдельными положениями. В связи с тем, что у судей и арбитров также встречаются разногласия по различным вопросам толкования, их особые мнения очень распространены в международном судопроизводстве. Разногласий между государствами следует избегать, поскольку они имеют тенденцию к усложнению их взаимоотношений в целом. Расхождений во мнениях между судьями и арбитрами также следовало бы избегать, поскольку они пагубно отражаются на законности судебного решения. У Международного Суда ООН, Суда Европейского союза и Экономического Суда СНГ есть общие черты юрисдикции – все они компетентны рассматривать споры, осуществлять толкование и давать заключения.

Соглашение о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 года (далее – Соглашение от 6 июля 1992 года) и утвержденное им Положение об Экономическом Суде (далее – Положение) оформили порядок функционирования международного судебного органа Содружества, устанавливая цель, основные принципы его организации и деятельнос-

ти, его компетенцию. Создание Экономического Суда Содружества было продиктовано необходимостью обеспечения единообразного применения соглашений государств-участников как неперемennого условия достижения эффективности интеграционных процессов в рамках Содружества и тем самым повысить эффективность самих международно-правовых актов.

Предполагалось, что достижению указанных целей будет служить определенная этими актами компетенция Экономического Суда и регламентация оснований признания суверенными государствами-участниками Содружества его юрисдикции.

Компетенция Суда по рассмотрению споров определена в Положении двумя способами: 1) путем точного указания перечня подведомственных ему экономических споров; 2) путем отсылки к конкретным соглашениям, заключенным в рамках Содружества, которыми к ведению Экономического Суда могут быть отнесены и другие споры.

В соответствии с пунктом 3 указанного Положения к ведению Экономического Суда, прежде всего, относится разрешение межгосударственных экономических споров, возникающих при исполнении экономических обязательств, предусмотренных соглашениями, решениями Совета глав государств, Совета глав правительств Содружества и других его институтов.

В силу статьи 32 Устава СНГ и пункта 5 Положения Экономический Суд СНГ имеет право решать вопросы, касающиеся толкования применения положений соглашений, других актов Содружества и его институтов.

Имеется ряд соглашений, в соответствии с которыми государства-участники Содружества обязались признавать в будущем юрисдикцию Экономического Суда СНГ. К ним относятся: двусторонние договоры, касающиеся всех или некоторых категорий споров, могущих возникнуть между двумя государствами; многосторонние соглашения, касающиеся одной или более категорий споров, и т.д.

Поскольку Экономический Суд СНГ рассматривает споры между субъектами международного права, прослеживается связь проблем организации и деятельности Экономиче-

ческого Суда СНГ с принципиальными проблемами международного права и его институтов – государственным суверенитетом, основными правами и обязанностями участников международного общения, равноправием государств на международной арене, взаимным невмешательством во внутренние дела и т.д. Эта связь проявляется и в практической деятельности Экономического Суда СНГ, который постоянно сталкивается со всеми этими вопросами при рассмотрении конкретных дел.

Соотношение принципов международного правосудия и основных начал международного права, соответствие ему норм, регулирующих деятельность международных судебных органов, занимает одно из центральных мест в разработке проблем международного правосудия. Причем большое значение для решения этих проблем имеет вопрос о компетенции указанных органов. Изучение этой проблемы позволило разработать отправные концепции для определения принципов деятельности и компетенции Экономического Суда СНГ.

Экономический Суд СНГ не является высшей инстанцией по отношению к судебным системам государств-участников Содружества. Экономический Суд СНГ не может сам инициировать рассмотрение дел; не вправе отменить решение, вынесенное органом государственной власти или национальным судом; не дает указаний законодателю; не осуществляет абстрактный контроль национального законодательства или судебной практики; не дает распоряжений о принятии мер, имеющих юридические последствия.

Экономический Суд СНГ располагает юрисдикцией в объеме, определенном в его учредительном акте, а значит, установленном соглашением государств. Полномочия Экономического Суда СНГ как судебного органа Содружества, самостоятельно и независимо осуществляющего международное экономическое правосудие посредством разрешения межгосударственных споров и толкования положений соглашений и других актов Содружества, как это определено в Соглашении от 6 июля 1992 года, направлены на обеспечение единообразного применения соглашений государств-участников Содружества.

Толкование Экономическим Судом положений соглаше-

ний, других актов Содружества и его институтов образует его правовые позиции. Толкование, данное Экономическим Судом СНГ, является, безусловно, официальным, легальным и как его еще в науке называют – правовым делегированным толкованием.

Официальное признание государствами-участниками Соглашения от 6 июля 1992 года юрисдикции Экономического Суда СНГ по вопросам толкования соглашений, других актов Содружества означает, что исполнительная, законодательная и судебная ветви власти этих государств должны в рамках своей компетенции руководствоваться международными договорами и иными актами Содружества с учетом правовых позиций Экономического Суда СНГ. Это даёт возможность рассматривать решения Экономического Суда СНГ о толковании как составную часть судебной практики государств-участников Содружества. Правовые позиции – необходимый элемент деятельности Экономического Суда СНГ. Они представляют собой судебную интерпретацию правовых понятий, норм, принципов, институтов Содружества и в таком качестве оказывают непосредственное влияние на сферу международно-правовой действительности Содружества.

Полномочие Экономического Суда СНГ – осуществление толкования применения положений соглашений, других актов Содружества и его институтов реализует положения международных договоров об их приоритете и прямом действии на всей территории Содружества. Другое полномочие Экономического Суда СНГ – проверять соответствие нормативных и других актов государств-участников, принятых по экономическим вопросам, соглашениям и иным актам Содружества, прежде всего, служит целям согласования национального права государств-участников и права Содружества. Все это необходимо для исключения коллизий между национальным правом государств-участников и их международными обязательствами в рамках Содружества.

Решения Экономического Суда исходят от органа, наделенного соответствующими полномочиями, формально закреплены, подразумевается, что они будут исполняться, и их реализация должна обеспечиваться государствами-участниками Содружества. В этом состоит их сходство с иными пра-

вовыми актами Содружества. По другим же признакам интерпретационные акты Экономического Суда СНГ достаточно сильно отличаются от иных актов Содружества.

Так, международные договоры и иные акты Содружества содержат международно-правовые нормы, а интерпретационный акт лишь толкует, объясняет эти нормы. Иначе говоря, толкование при всей своей значимости не может «создавать» новые нормы. Интерпретационный акт не содержит норм права, неотделим от толкуемого нормативного акта. Они имеют единую правовую суть: при утрате нормативным актом юридической силы, утрачивает значение и интерпретационный акт. От правоприменительного акта интерпретационный отличается тем, что первый связан с решением конкретного дела, а последний имеет общий характер.

Поскольку интерпретационные акты – акты правовые, они имеют форму выражения и публикуются в официальных источниках.

В соответствии с пунктом 16 Положения об Экономическом Суде СНГ решения Экономического Суда и постановления его Пленума подлежат обязательному опубликованию в изданиях Содружества и средствах массовой информации государств-участников.

Решения Экономического Суда СНГ и выявленные им правовые позиции, развивающие материально-правовую интерпретацию положений международных договоров, должны учитываться при рассмотрении отдельных категорий дел в национальных судах общей и специальной юрисдикции с тем, чтобы избежать множественности толкования и, как следствие, не способствовать формированию множественности обособленных друг от друга экономико-правовых пространств в Содружестве.

Внимание, которое уделяется этой теме, можно объяснить в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, без четких представлений о правовой природе решений Экономического Суда СНГ невозможно правильное понимание и адекватное практическое воплощение этих решений, поскольку механизм их воздействия на законодательство и правоприменительную практику государств-участников, порядок их исполнения, порядок применения ответственности за

их неисполнение определяются в основном как раз их особой правовой природой.

Во-вторых, само международное экономическое правосудие как таковое иногда все еще воспринимается как новое для права Содружества явление, несмотря на то что деятельность Экономического Суда насчитывает уже почти двадцать лет.

Законодательная и правоприменительная практика государств-участников Содружества свидетельствует о том, что изложенные в решениях Экономического Суда СНГ о толковании правовые позиции учитываются при подготовке соответствующих проектов законодательных и нормативных актов, а также при разрешении дел в национальных судах.

В то же время неоднократное поступление запросов о толковании одних и тех же соглашений по социальным вопросам, наличие разногласий в применении этих норм свидетельствуют о несовершенстве положений указанных международно-правовых актов и необходимости внесения в них изменений и дополнений с учетом требований сегодняшнего дня. На необходимость проведения такой работы Экономический Суд СНГ обращал внимание государств-участников в своих решениях.

Теперь хотелось бы остановиться на проблеме взаимосвязи деятельности Экономического Суда СНГ и национальных судов. Пока доктрина не уделяет сколько-нибудь значительного внимания вопросу взаимосвязи деятельности международных судебных органов и национальных судов. И такое положение неслучайно. Оно отражает реальное положение вещей. Пока эта взаимосвязь слабо развита. Тем не менее, по нашему мнению, доктрина недооценивает ее значение. Уже сегодня взаимосвязь могла бы быть более активной, что принесло бы несомненную пользу, прежде всего национальным судам.

В международной практике сформировались два правила реализации на национальном уровне решений международных судов. Первое заключается в признании национальными судами обязательной юридической силы решений международных судов по таким вопросам, как статус государства или территории, правопреемство, юрисдикция, уста-

новление фактов и т.д. Второе правило состоит в признании со стороны национальных судов толкования международных и обычных норм, содержащихся в решениях международных судов. Таким образом, у нас есть все основания для вывода о том, что решения Экономического Суда СНГ не могут игнорироваться при рассмотрении судами дел, связанных с правом Содружества. Следовательно, решения Экономического Суда СНГ должны иметь прямое значение для национальных судов в случаях, когда:

1) решения Экономического Суда СНГ используются при установлении и использовании норм международного права (права Содружества) в качестве вспомогательных средств. *(Если Экономический Суд СНГ использует решения национальных судов в качестве вспомогательного средства для определения норм национального законодательства, то, тем более, это уместно в отношении актов Экономического Суда СНГ);*

2) решение обязывает государство национального суда и, следовательно, все государственные органы государств-участников, включая судебные, должны руководствоваться им.

Однако реализация решений Экономического Суда СНГ остается актуальной проблемой в государствах Содружества. В государствах-участниках Содружества решениям Экономического Суда СНГ не всегда придается характер нормативности, несмотря на то, что они составляют неотъемлемую часть правовой базы Содружества. Нормативный характер решений, их «самодостаточность» и непосредственное действие, подкрепленное официальным признанием юрисдикции Суда, не всегда обеспечивают своевременное, надлежащее и эффективное исполнение названных решений. Требуется создание механизма их исполнения, основанного не только на упомянутых составляющих, но и на воле государства в целом, его органов власти и институтов в отдельности.

Формирование такого механизма фактически началось в каждом из государств-участников сразу после создания Экономического Суда СНГ и продолжает осуществляться поныне.

Единого мнения относительно решения существующих проблем в настоящее время нет, что само по себе не является стабилизирующим фактором в вопросе становления еди-

ного правового пространства Содружества. Кроме того, системного и целенаправленного исследования по проблемам взаимодействия Экономического Суда СНГ с судами государств-участников в сфере толкования международно-правовых актов Содружества и реализации его решений на внутригосударственном (национальном) уровне не проводилось.

Международные и национальные нормативные правовые акты государств-участников СНГ, регламентирующие порядок реализации решений международных судебных органов, изобилуют пробелами.

Вместе с тем реального внутригосударственного механизма исполнения решений Экономического Суда СНГ в государствах Содружества до сих пор не существует. Это обусловлено многими факторами. Во-первых, тем, что отсутствует точная процедура реализации названных решений, исполнение указанных решений в корне отличается от исполнения актов других видов судопроизводства, и она ближе к нормотворческой, чем правоприменительной деятельности.

Во-вторых, **специфика** субъектов исполнения решений Экономического Суда СНГ, а это нередко – законодательные и исполнительные органы власти, **вносит** в эту процедуру определенные политические моменты.

Государства-участники Содружества, ратифицировав Устав СНГ и Соглашение от 6 июля 1992 года, делегировали Экономическому Суду СНГ право официального толкования, носящего обязательный, а не рекомендательный характер, что подтверждается следующими обстоятельствами.

Предположим, что решения Экономического Суда СНГ о толковании носят рекомендательный характер, т.е. являются неофициальными. Однако в чем же заключается смысл, вложенный Договаривающимися Сторонами в упомянутые выше нормы, предоставляя Экономическому Суду юрисдикцию в области толкования. И стоило ли принимать, а затем ратифицировать эти Соглашения? Ведь никому не придет в голову создавать нормы права, подтверждающие право заниматься неофициальным толкованием. Таким образом, в Уставе СНГ, Соглашении от 6 июля 1992 года, Положении право Экономического Суда СНГ давать толкование применения положений соглашений, других актов Содружества и его институ-

тов прямо и однозначно указывает на то, что государства-участники СНГ признали обязательность такого толкования.

Обеспечение исполнения решений Экономического Суда СНГ возлагается на государство, в отношении которого принято решение. Однако правоприменительная практика национальных судов свидетельствует о неисполнении решений Экономического Суда СНГ по формально-юридическим и техническим основаниям.

Анализ писем, поступивших в адрес Экономического Суда СНГ, показывает, что ряд судебных актов Экономического Суда СНГ остается неисполненным высшими органами государств-участников, а также их должностными лицами, что дает также основания говорить о вероятности невосприятия или их игнорирования органами власти отдельных государств Содружества.

Между тем уровень исполнимости решений Экономического Суда СНГ в государствах Содружества иногда существенно различается, что предопределяется многими моментами, в том числе политическими. Нередко на это влияют степень взаимодействия между главами государств (правительства), соотношение сил в парламентах государств-участников, авторитет и реальное положение Экономического Суда СНГ, менталитет правящей элиты и уровень правовой культуры в государствах Содружества.

Действующее национальное законодательство государств-участников Содружества по исследуемой теме имеет недостаточную правовую регламентацию правовой ответственности должностных лиц исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, а также несовершенный механизм судебного контроля за соответствием внутригосударственного права и практики его применения международным обязательствам государства. Несовершенство национальных правовых механизмов в реализации решений Экономического Суда СНГ, в конечном итоге, препятствует устранению пробелов и в их международно-правовом регулировании.

Комплексное исследование международно-правовых отношений, возникающих при реализации решений Экономического Суда СНГ, а также выявление пробелов нормативно-правового регулирования предполагает решение следующих задач:

- исследование влияния решений Экономического Суда СНГ на обеспечение единства (единообразия) в применении норм соглашений в государствах-участниках Содружества;

- исследование особенностей юридической силы решений Экономического Суда СНГ, обладающих свойствами неотъемлемой части договорной базы Содружества, в сфере применения международных договоров в государствах-участниках Содружества;

- выявление существующих на данном этапе правовых проблем в реализации решений других международных судов в государствах Содружества;

- анализ реализации решений Экономического Суда СНГ органами власти государств-участников Содружества и формулирование предложений по дополнению или изменению действующих международно-правовых актов, национальных нормативно-правовых актов в области правового регулирования реализации решений международных судебных органов.

Исходя из необходимости устранения выявленных коллизий и пробелов, как в нормативном регулировании, так и в правовой теории рассматриваемой проблемы, с учетом соблюдения принципов независимости и самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти государств, необходимо сформулировать конкретные рекомендации по совершенствованию национального законодательства в сфере реализации решений международных судебных органов.

Значительная роль в решении указанных выше задач принадлежит деятельности органов конституционного контроля.

М. Клеандров

*Судья Конституционного Суда
Российской Федерации,
член-корреспондент РАН*

Совершенствование конституционного правосудия в Российской Федерации: новый этап

Несмотря на то что вся история конституционного правосудия в Российской Федерации непродолжительна – в 2011 году ему исполнится всего 20 лет, оно за это время уже прошло несколько мелких и крупных реформаций. Сейчас мы находимся на этапе очередного крупно- и широкомасштабного реформирования конституционного правосудия. Чем это вызвано, насколько необходимо и какая цель при этом преследуется? Анализ ответов на эти вопросы может быть интересен – в познавательном плане – и зарубежным органам конституционного контроля, какой бы модели его осуществления не придерживалось то или иное государство.

А для нас, российских ученых и практиков, работающих в сфере конституционного правосудия и изучающих его теорию и правоприменение, важным является выявление закономерностей в поступательном его движении, обеспечивающим его гарантированное устойчивое конституционно-правовое развитие и определение того, являются ли те или иные законодательные нововведения естественным прогрессивным шагом, находящемся в русле цивилизованного углубления конституционализма, либо они ситуативны, направлены на решения частных, сиюминутных задач, а подчас носят субъективно-конъюнктурный характер.

Это сегодня тем более необходимо, поскольку, как считает председатель Конституционного Суда Республики Ар-

меня профессор Г.Г.Арутюнян, во всех странах СНГ «имеет место существенная оторванность основополагающих конституционных ценностей и принципов от социальной действительности. Характерными чертами последнего являются низкий уровень конституционной культуры, системная неполноценность механизмов обеспечения верховенства права, наличие деформированной, внутренне противоречивой правовой системы, отсутствие единого ценностно-системного понимания социальных ориентиров общественного развития». (Интервью. Евразийский юридический журнал. 2010. № 7 (26).

И прежде всего, важен ответ на вопрос – является ли нынешний этап реформирования конституционного правосудия в России судебной реформой в полномасштабном смысле этого понятия? Несмотря на то что пониманию судебной реформы посвящено немало научных исследований как в области судебной власти, так и в организационном прочтении проблемы, а также с позиции истории государства и права, даже защищены – в России – две кандидатские диссертации, единого определения этого понятия нет.

Специалистами в области истории российского правосудия выработан определенный взгляд на понятие «судебная реформа». В частности, Д.О.Серов считает: «Судебная реформа – это совокупность взаимосвязанных, системных, нормативно-закрепленных на общегосударственном уровне (в том числе и кодификационно) изменений в области судостроительства и судопроизводства, предпринятых с целью достижения максимальной эффективности функционирования судебной системы и осуществленных в исторически ограниченный период». (Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. Монография.- М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. - С.15).

Но представляется, что ограничить судебную реформу изменениями, пусть и радикальными, лишь судостроительного и судопроизводственного сегментов механизма правосудия, будет неверно. Более значимым здесь является третий сегмент – статусные лица, непосредственного осуществляющие правосудие, т.е. прежде всего государственные судьи. Если они профессионалы высокого уровня и морально

чистоплотные люди, они способны недостатки, даже крупные, в судостроительной и судопроизводственной сферах нивелировать и минимизировать, и значит, правосудие, осуществляемое ими, будет доброкачественным. И наоборот, низкий профессиональный уровень судей вкупе с их ориентацией на коррупционные проявления, наверняка, правосудие, даже идеальное в судостроительном и судопроизводственном планах, деформирует, и свою благородную созидательную роль в обществе с таким судебским корпусом суд не выполнит.

Следует подчеркнуть, что в историческом плане, в плане оценки роль суда, правосудия, статуса судей подчас недооценивается. В цивилизованном смысле изобретение человечеством судебного способа разрешения споров и иных коллизий, наказание судом – в состязательном режиме – виновных и оправдание невиновных и т.д., сродни изобретению человеком колеса, не меньше. Поэтому можно считать, что общее развитие механизма правосудия – это одновременно и развитие человеческой цивилизации, каждый этап судебной реформы в том или ином государстве, и если она правильно задумана, верно ориентирована и хорошо исполнена, придает соответствующий импульс развитию этого государства, его обществу, его народу и в целом оказывает положительное влияние в общечеловеческом измерении.

Разумеется, сказанное, прежде всего, относится ко всей судебной власти в целом, в данном случае – к Российской Федерации. Конституционно-судебная ветвь власти находится в этом смысле в особом, привилегированном положении, в силу относительно малого числа судей отбор в судебский корпус Конституционного Суда РФ и конституционно-уставных судов субъектов РФ (их у нас сейчас 16) предельно персонафицирован и скрупулезно тщателен. Но, одновременно, этот отбор является ориентиром для всего организационно-правового механизма отбора кандидатов в судьи и наделения их судебскими полномочиями – для систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов (а судей этих судов у нас сейчас 40 тыс.).

Из сказанного вытекает, что полноценной судебной реформой может считаться лишь радикальное реформирова-

ние всех трех сегментов механизма правосудия (судостроительного, судопроизводственного и сегмента статуса лиц, непосредственно осуществляющих правосудие), охватывающего всю судебную систему государства, для России – охватывающего все три ветви судебной власти.

Вообще же перманентное реформирование судебной системы в нашей стране длится уже без малого двадцать лет, причем – без специального на сей счет проекта. И поэтому нынешнее реформирование конституционного правосудия в России: а) нельзя считать полномасштабной судебной реформой; б) следует в целом считать полномасштабной реформой конституционного правосудия на федеральном уровне (поскольку реформирование конституционно-уставного правосудия в субъектах РФ – прерогатива самих субъектов РФ), охватывающей все три сегмента механизма конституционного правосудия в нашей стране.

Разумеется, в судебных системах всех стран мира судебные органы, осуществляющие конституционный контроль, находятся в особом положении. Везде Конституция верховенствует, но ее прямое действие осуществляется не автоматически, и роль конституционных судов и иных органов, осуществляющих конституционный контроль, в охране и защите конституций, конституционных основ государств при сбоях и искажениях конституционного правоприменения центральна. Более того, конституционные суды можно даже считать своеобразной конституционной печатью государства, считающего себя правовым и строящего всю свою созидательную деятельность на фундаменте своей Конституции.

Украинские ученые-конституционалисты считают: «Таким образом путем конституционного правосудия учреждается такой конституционный порядок, при котором конституционная юрисдикция является высшей при оценке актов всех других органов публичной власти». Из этого делают вывод: «Судебная власть занимает в государственном устройстве место высшей государственной власти» (Селиванов А.А., Стрижак А.А. Вопросы теории конституционного правосудия в Украине: актуальные вопросы современного развития конституционного правосудия. – Киев: “Лотос”, 2010. - С. 57).

Как бы то ни было, можно обоснованно считать, что конс-

титуционный суд – центральная ветвь в судебной системе любого государства, и в то же время ориентир, в том числе в организационно-кадровом плане, для других ветвей судебной власти. Те или иные фрагменты ее реформы в конкретном государстве, наверняка, будут восприняты другими ветвями судебной системы данного государства.

Итак, о чем речь, в чем суть сегодняшней конституционно-судебной реформы в Российской Федерации?

В судоустройственной сфере произведены следующие организационные преобразования. С 1994 года Конституционный Суд РФ рассматривал дела в составе Пленума (все 19 судей) и в составе двух Палат (по 9 и 10 судей), таким образом, дела рассматривались тремя составами конституционных судей.

В принципе не исключалась инстанционность: теоретически пленарное заседание Суда могло изменить позицию, сформулированную палатой (выступавшей всегда от имени всего Суда), но на практике такого ни разу не было. Существовала, также теоретически, и возможность расхождения позиций между палатами, и хотя такого тоже ни разу зафиксировано не было, законодатель решил, что во избежание возможного возникновения такого расхождения лучше палаты вообще ликвидировать. Теперь такой организационной структуры, как палата Конституционного Суда РФ, нет, и все заседания будут проводиться исключительно в пленарном режиме. Вообще из Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устранены все положения, закрепляющие в качестве организационной формы конституционного судопроизводства рассмотрение и разрешение дел в заседаниях палат Конституционного Суда, а также все иные нормы о палатах Конституционного Суда. Установлено, что Конституционный Суд рассматривает в заседаниях все вопросы, относящиеся к его полномочиям, при этом понятие «пленарное заседание» заменяется понятием «заседание». Такой подход соответствует ч.1 ст.125 Конституции РФ, в которой указана численность судей Конституционного Суда, и как сказано выше, позволяет устранить существовавшие возможности для возникновения коллизии в правовых позициях палат и повысить авторитет решений

Суда. Но в то же время, как это вытекает из нижеследующего, обеспечена неснижаемость объема правосудной деятельности Суда, его результативности.

В судопроизводственном сегменте важным реформационным нововведением является то, что с учетом накопившегося опыта конституционного судопроизводства в Российской Федерации, а также опыта конституционного судопроизводства в конституционных судах иностранных государств установлена возможность рассмотрения определенной категории дел в заседании Конституционного Суда без проведения слушаний. Так, предусматривается, что Конституционный Суд может в таком порядке проверять по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, если придет к выводу о том, что оспариваемые заявителем положения аналогичны нормам, ранее признанным не соответствующими Конституции РФ постановлениями Конституционного Суда, сохраняющими силу, либо вытекают из них, а также что оспариваемая заявителем норма, ранее уже признанная неконституционной постановлением Конституционного Суда, сохраняющим силу, применена в конкретном деле, а подтверждение Конституционным Судом неконституционности нормы необходимо для устранения фактов нарушений конституционных прав и свобод граждан в правоприменительной практике. Но в то же время предусмотрено, что дело не подлежит разрешению без проведения слушания, если письменное ходатайство с возражением против применения такой процедуры подано Президентом РФ, Советом Федерации, Государственной Думой, Правительством РФ, органом государственной власти субъекта РФ – в случае, когда предполагается разбирательство дела о соответствии принятого соответствующим органом нормативного правового акта Конституции РФ, либо если ходатайство подано заявителем – в случае, когда проведение слушаний необходимо для обеспечения его прав.

Важно, что на этот порядок разбирательства (в обиходе его именуют письменным) распространяются все основные принципы конституционного судопроизводства, включая сос-

тязательность и равноправие сторон, за исключением принципа устного разбирательства. Так, копия обращения заявителя и приложенных к нему документов и материалов направляется судьей-докладчиком в орган, издавший (должностному лицу, подписавшему) оспариваемый акт, для представления письменного отзыва в Конституционный Суд, а отзыв, представленный в Конституционный Суд, направляется заявителю для ознакомления и представления возражений на него.

Кроме того, изменен принцип непрерывности, что позволяет Конституционному Суду РФ начинать рассмотрение нового дела до провозглашения решения по ранее начатому делу, чем создаются условия для ускорения рассмотрения дел, а также исключается возможность принятия Конституционным Судом решений в форме определений, влекущих за собой пересмотр решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Устранению возможности возникновения коллизий в судебной системе способствует и коррекция условия допустимости обращений в Конституционный Суд: жалоба гражданина будет признаваться допустимой, если оспариваемая норма закона уже применена в конкретном деле судом (до этого допускался прием жалоб, когда оспариваемая норма лишь подлежала применению, но фактически не применялась и не обязательно подлежала применению именно судом), а запрос суда будет допустим лишь в случае, если норма закона еще не применена, а «подлежит применению».

В сегменте статуса лиц, непосредственно осуществляющих конституционное правосудие, реформа выражена в том, что теперь Конституционный суд РФ в заседании принимает решения о приостановлении или прекращении полномочий своего судьи, а также о наличии оснований для досрочного прекращения Советом Федерации по представлению Президента РФ полномочий Председателя Конституционного Суда или его заместителей (теперь их двое).

При этом полномочия Председателя или его заместителей могут быть досрочно прекращены Советом Федерации по представлению Президента РФ в случае, если решением Конституционного Суда установлено, что Председатель (или его заместитель) не исполняет или ненадлежащим образом исполня-

ет должностные обязанности. Само же решение принимается большинством не менее двух третей голосов от общего числа судей Конституционного Суда тайным голосованием в порядке, установленном Регламентом Конституционного Суда.

Установлено также, что прекращение полномочий Председателя или заместителя Председателя Конституционного Суда по основаниям нарушения порядка его назначения на должность, совершения поступка, порочащего честь и достоинство судьи; продолжение судьей, несмотря на предупреждение со стороны Конституционного Суда, занятий и совершения действий, не совместимых с его должностью, или неучастие в заседаниях Конституционного Суда, или уклонение его от голосования свыше двух раз подряд без уважительных причин, без прекращения его полномочий как Председателя или заместителя Председателя Конституционного Суда не допускается.

Следует добавить, что определенному реформированию подверглось законоположение об исполнении решений Конституционного Суда РФ. Теперь жестко установлено, что решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда РФ неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральных законом случаях.

В заключение отмечу, есть основания считать, что нынешний этап реформирования всех трех сегментов механизма конституционного правосудия в РФ с учетом реформирования механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ является конструктивно стабилизирующим, нацеленным на повышение эффективности судебной власти и укрепление конституционной законности и правопорядка.

E. Kûris

*Professor and Head of Public Law Department,
Faculty of Law, Professor of the Institute of International
Relations and Political Science, Vilnius University;
former Justice (1999–2008)
and President (2002–2008) of the Constitutional
Court of the Republic of Lithuania*

**Constitutional Law as Jurisprudential
Law – the Lithuanian Experience, with
Special Reference to Human Rights**

1. Prior to the advent of the Constitutional Court, Lithuania (as all countries that emerged or re-emerged on the rubbles of the Soviet Union) never before has had neither constitutional clauses affirming the supremacy of the Constitution nor an institution entitled to perform constitutional review. Both legal science and legal practice were guided by a conviction that courts' jurisprudence does not create law but only applies positive law and that the supreme form of interpretation of law is the "authentic" (i.e. legislative) interpretation. Judicial interpretation of the Constitution was almost totally lacking; and courts made but very modest attempts to increase its volume. Therefore, it is not surprising that neither the 1992 Constitution nor the 1993 Law on the Constitutional Court have explicitly mentioned constitutional interpretation.

But things have changed radically since the Court, in addition to its "purely technical" function of elimination of unconstitutional acts from the legal system, launched the formation, on a case-by-case basis, of the official constitutional doctrine formulated in the Court's jurisprudence. Here "official" means "ultimate", i.e. the final determination of what the Constitution says on a specific

matter is an exclusive domain of the Court and not that of various actors of the political process or the public opinion, or other courts, or the legal science. This is so because constitutional review inevitably presupposes judicial interpretation both of the text of the original constitutional document and, further, re-interpretation of the official doctrine already formulated in the Court's jurisprudence—irrespective of whether such function is explicitly mentioned in the Constitution or not (as is the case in most countries, not excluding my own). True, the power of resolution of the Court's ruling is retrospective. But this minimalist attitude is insufficient and is not applicable to the doctrine formulated by the Court which is prospective because the law-making bodies face the necessity to pay heed to the Court's reasoning if they want to avoid annulments of its law-making innovations in future. Thus, constitutional jurisprudence and the official doctrine formulated therein do prescribe certain guidelines (which means also limits) for law-makers' discretion in their future law-making activities and, in this respect, shall be treated as a source of law.

Americans say that the Constitution is what the Court says it is. This is not only a metaphor and it shall no longer be applied in the American context only. It, in fact, reveals the very essence of constitutional review as exercised by courts, especially in a centralized system. The underlying idea here is that official interpretation of the Constitution by the Court is superior in relation to all other interpretations including those provided by the legislator, the executive, or the head of state. Unfortunately, the logic of the rule of law is often in collision with political expediency determined by the interests and not arguments. Nevertheless, from the point of view of the rule of law, the Court's jurisprudence cannot be overcome otherwise than by a constitutional amendment (in Europe, the last constitutional clauses allowing parliamentary rejection of the Court's ruling were removed some years ago). Thus, as the Court's doctrine draws guidelines for future legislation, it has to be taken into account in the law-making. Consequently, the Court's role cannot be limited to that of the "negative legislator". I by no means intend to amount the Court to the legislator but—as it is well known—all national constitutional review systems may provide numerous examples of such legal interpretation where courts, instead of "finding" a meaning of the

legal text, in fact provide the latter with a meaning, especially in the cases where the text is based on a compromise and/or is ambiguous. This applies to constitutional clauses equally, if not to a much greater extent (given the abstract character and vagueness of most constitutional principles). In many cases, courts have to choose between several alternatives of meanings of which only one is approved and maintained (not necessarily the same which was until then favored by the legislator) while others are rejected as unconstitutional; if this is not a de facto law-making, so what is it? The same can be said about the cases in which the Court upholds statutory provisions: such upholding amounts to a positive sanctioning of a law-maker's decision and is a de facto law-making activity even if the Court itself avoids of calling it so. Also, constitutional courts often find themselves in situations where they consider the constitutionality of legal acts that are no longer valid or the constitutionality of ad hoc legal regulation, the validity of which expires after the onetime implementation. Such review would serve no practical purpose if the legal power of the Court's reasoning was ignored.

Therefore, the legislator properly so-called is bound by the Court's rulings—unless it endeavors to amend constitutional provisions on which a specific ruling is based. But there are two preconditions for the efficacy of the constitutional jurisprudence as the source of law:

(i) there must be at least a minimum of institutional and procedural autonomy of the Constitutional Court as the whole judicial branch of government and

(ii) there must be at least a minimum of respect to the Court's decisions from the part of the political establishment. In a society of a mature constitutional culture, politicians usually do not question rulings of the Constitutional Court (but scholars, journalists, commentators etc. may). A lot depends on the type and level of society's and its political class's legal culture. Needless to say that, the Soviet era was not productive for the nurturing of respect to law, especially in situations where it collides with politics or public impatience.

In my own country, Lithuania, the Constitutional Court has—years ago—self-assumed the function of formulation of the official constitutional doctrine. This self-assumption amounted to intrusion into what until then was “obviously” a part of the exclusive

competence of legislators and the executive, and to a certain usurpation of competence by the constitutional judges. It was based on the broad interpretation of the mission of the Constitutional Court—to ensure the supremacy of the Constitution, the consistency of the legal system and the hierarchy of legal acts. From the outset, very few, if any, challenged the right of the Constitutional Court to be the sole interpreter of the Constitution. Today, after having realized how powerful this non-political body has become in the state some political actors search for ways of reducing the acceptance of the official constitutional doctrine, but with no great success, yet.

2. Now I to turn to just one field of Lithuanian constitutional jurisprudence—the issue of human rights. Art. 18 of the Constitution reads: “Human rights and freedoms are inborn”. Human rights, thus, are treated as supreme legal values. At the same time, it is commonplace to speak of the limits and limitations of human rights. These two concepts, despite their verbal similarity, are not synonymous. Limits of one's rights are drawn by the perception that a person's right ends where it is confronted with other persons' rights. Here, art. 28 of the Constitution shall be mentioned wherein it is provided that “while implementing his rights and freedoms, the human being must observe the Constitution and the laws of <...> of Lithuania and must not restrict the rights and freedoms of other people”. Thus, limits of human rights are but boundaries delineating the scope of a respective right the essence of which is maintained intact, whereas the concept of the limitation of a right refers to a situation where a person cannot exercise one's right within the said boundaries due to inter alia a decision of a public authority. Can such intrusion be constitutionally justified, and if so, under what conditions?

Developing a relevant comprehensive theory presents a real challenge for constitutional doctrine-making. The Lithuanian Constitution, as interpreted by the Court, consolidates such concept of human rights in which:

(i) the latter have their limits and

(ii) within these limits, any further limitations of rights are legally conceivable only if they are foreseen in the Constitution, explicitly or implicitly.

To provide an example of a specific right perceived as non-

absolute one, para. 4, art. 25 of the Constitution can be indicated: “Freedom to express convictions and impart information shall be incompatible with criminal deeds—the instigation of national, racial, religious, or social hatred, violence and discrimination, slander and disinformation.” This incompatibility clause places, say, “hate speech” beyond the limits of the freedom of expression which per se does not include freedom to spread “hate speech”. Most other instances of expression are enjoying constitutional protection but can be restricted under para. 3 of the same article that “freedom to express convictions, to receive and impart information may not be limited otherwise than by law, if this is necessary to protect the health, honor and dignity, private life, and morals of a human being, or to defend the constitutional order.” However, “hate speech” cannot be limited in this sense as it does not fall within the boundaries of the freedom of expression. In this sense only such rights that can, under certain circumstances foreseen in the Constitution, be limited by the act of a public authority are also protected by the Constitution from excessive limitation.

In the Court’s jurisprudence, one could distinguish at least five instances of constitutionally justified limitations of human rights:

(i) most constitutional rights are not absolute. This maxim has a few exceptions. The Court has elaborated on the absolute character of: the right to life (which resulted in outlawing the death penalty in 1998); the freedom to profess religion and to have convictions (but not to express them as the form of expression may be subject to statutory limitations); the right to apply to court and the right to defense (but the right to choose a specific lawyer may be subject to limitations). Also, there are some hints regarding absolute character of the right to dignity but the doctrine on this matter is fragmentary, so far. I would not predict the wide expansion of the list of such exceptions;

(ii) limitations of realization of constitutional rights are explicitly provided for in the Constitution. E.g., after imposition of martial law or a state of emergency, there may be a temporary limitation of: inviolability of the family and private life of an individual; inviolability of the dwelling place of an individual; freedom of beliefs and information; freedom of movement; freedom of asso-

ciations; freedom of meetings (art. 145). The said list is exhaustive. E.g., the Court has explicitly stated that the Constitution does not provide for restriction of property rights even after martial law or a state of emergency is imposed;

(iii) certain rights may be limited by a statute. Limitations must be contained within the limits specified by the Constitution. E.g., the citizen’s right of movement “may not be restricted other than by law and if it is necessary to protect the security of the State, the health of the people, as well as to administer justice” (art. 32). Here, as in most other cases, the wording does not permit to restrict a right unless there is a pressing necessity to secure other constitutional values. The legislator is obliged to substantiate a restriction by a reference to another constitutional value which otherwise would be jeopardized. Criteria for such limitations are explicitly provided in the Court’s jurisprudence guided by the logic of balance of constitutional values: (a) the right must be restricted by a statute and not a sub-statutory act; (b) restrictions must be necessary in a democratic society in attempt to protect the rights and freedoms of other persons and the values entrenched in the Constitution as well as the constitutionally important objectives; (c) restrictions must not deny the nature and essence of that right; (d) the principle of proportionality must be followed. If a right was restricted so that reasonable limits were exceeded, there would be grounds to assert that the fundamentals of such a right are violated which would be equivalent to the denial of this right. But if mentioned conditions are met, constitutionality of statutory restrictions is upheld. E.g., in upholding the restrictions of the right to privacy in cases pertaining to the so-called „mode of conduct simulating a criminal act” the Court inter alia emphasized that a person who commits criminal deeds must not and may not expect privacy. The Court also recognized the statutory subjection of all convicts’ correspondence subject to control as exceeding reasonable and unconstitutionally justifiable limits; but even in this case the Court related the convicts’ right to privacy to his or her awareness of the fact that the protection of his or her private life not will be the same as that of the persons who do observe the laws. However, the Court upheld the constitutionality of the statute under which the information about the private life of the public person could be published without the

consent of the latter provided this information disclosed the circumstances of such the private life which were of public importance, as the person participating in, say, political activities cannot not to anticipate a greater attention of the public and the media towards him;

(iv) limitations of constitutional rights are *expressis verbis* assigned to the legislator's discretion. In the Constitution, the wording that certain issues shall be regulated by law (statute) is often used. E.g., it is provided that citizens who, on the day of election, have reached 18 years of age, shall have the electoral right, but alongside there is a provision according to which the circle of those enjoying the passive electoral right must be specified by statute (art. 34). Also, most social obligations of the state elevated to the Constitution's level are formulated in such way which leaves the legislator broad discretion to regulate these relations while taking account of *inter alia* economic and financial resources of the state. E.g., while defending their economic and social interests, employees shall have the right to strike, but it is left to the legislator to determine "the restrictions of this right as well as the conditions and procedure for the implementation thereof" (art. 51). Here, too, the essential imperative is that such limitation of human rights shall be regulated by laws and not by the sub-statutory acts. E.g., the provisions of the Law on the State Secrets were recognized as unconstitutional under which the Government was given power to establish the procedure for drawing up and amending the list of the information considered a state secret because in this way restrictions of the individual's constitutional right to information were actually established by a sub-statutory act and not a statute itself;

(v) realization of the rights entrenched in the Constitution must be considered *vis-a-vis* the social and economic reforms being carried out which should be taken into account. However this must not be done at the cost of the rule of law. The legislator shall regulate issues in such a manner that social and economic rights are secured and guaranteed. At the same time, the Court's social and economic rights doctrine is based on the common sense presumption that possibilities of the state to provide welfare are not unlimited. E.g., the Court recognized as unconstitutional the statutory provision under which for the old age pension-

ers their pension was reduced on the grounds that they had the insured income. Such regulation violated not only mentioned persons' right to old age pension, but also their rights to right of ownership and the right to freely choose a job and business, as well as the principle of protection of legitimate expectations. Adopted in the wake of one economic crisis eight years ago, this doctrine was re-affirmed in 2010, in the wake of a new economic crisis, despite the expectations of the political branches of power that, in the face of the current crisis, continuity of jurisprudence could be abandoned. In fact, this continuity persists.

3. Here, I turn to theory, again. Continuity of jurisprudence – what does it mean for the Court itself and for the perception of constitutional law?

The self-assumption of the function of official constitutional interpretation is not the privilege of the Court. It binds the Court itself. From 2006 and on, the Lithuanian Court has stated this openly in its several rulings and decisions. From a comparative perspective, one would find very few examples on world scale of such open self-restrictive stand where the Court of ultimate jurisdiction applies *stare decisis* to its own forthcoming jurisprudence.

There is the logical, the legal and at the same time the moral imperative for the continuity of the Court's jurisprudence: if we are expected to respect the law, the Court must be predictable. It cannot rely on different standards in the like legal situations because this would result in distortion of its function of performing constitutional justice. In the Court's rulings, it has been underlined more than once that deviation from the Court's own precedents is permitted only when it allows for better defense of values enshrined in the Constitution, human rights in particular, and it must be explicitly motivated in each case (especially given the fact that the Court's rulings have *erga omnes* and *ex nunc* effect). To give just one example, in mid-1990s, the Constitutional Court related the constitutional provision that no one can be punished for the same crime a second time to the sphere of criminal law and criminal procedure but in later cases it expanded the interpretation of the said provision so that now it is perceived as an expression of the principle *non bis in idem* which is much broader and is not limited exclusively to punishment for criminal offences.

But I must say that such exceptions are not numerous.

The establishment of the Constitutional Court and the emergence of constitutional justice brought about the radical transformation of the paradigm of constitutional law. Up to then, the Constitution was perceived as the “Basic Law”, i.e. the original text of the constitutional document (as later amended) which was treated as a statute of the highest legal force. On the other hand, this “statute”, in the absence of ordinary statutes, was not sufficient for regulating any field of society’s life. Thus, the sources of the constitutional law, according to the opinion almost unanimously held by all lawyers for decades, included not only the text of the constitutional document but also statutes and various sub-statutory legal acts, as well as international treaties.

Perceived in this way, the constitutional law amounted to nothing more than “one of the branches of law”, and in this sense it was comparable to administrative law, civil law, labor law, criminal procedure law etc. However, with the advent of the Constitutional Court, this paradigm of the constitutional law was doomed to change. To say the truth, the crucial agency in moving to the new paradigm of the constitutional law was constitutional interpretation, as performed by the Constitutional Court.

This radical change of the paradigm involved three key elements:

(i) official affirmation of the concept of the living Constitution, i.e. jurisprudential Constitution as developed by the Constitutional Court through official interpretation;

(ii) elevation of the acts of the Constitutional Court—a completely new source of law—in their status to the level of the sources of constitutional law; and

(iii) exclusion from the system of the sources of constitutional law of all other legal acts except the text of the constitutional document and the acts of the Constitutional Court containing official interpretation of the Constitution.

In the constitutionalist approach professed by the Lithuanian Court (and, as a result, by the Lithuanian legal science), there is no room left in the system of sources of constitutional law for any other acts except for the initial constitutional document (as later amended) and the acts of the Court (containing interpretation of the Constitution). The latter have been elevated to the level of the

Constitution itself, while all statutes and sub-statutory acts were wiped out of the system of the sources of constitutional law. Today, to interpret any constitutional provision according to how it is explicated in sub-constitutional legislation, inter alia to interpret constitutional concepts according to their definition in statutes, would be a taboo. The Constitution is self-generating, and the Constitutional Court has become the tool and the driving force for this self-generation. As it has been said, constitutional law has become, in most, the constantly developing jurisprudential law.

In interpreting the Constitution, the Court, of course, could not escape the fact that our national legal order co-exists with other legal orders. In this context, it has to be mentioned that the doctrine of the EU law within the Lithuanian legal system has also been formulated: “The Constitution consolidates not only the principle that in cases when national legal acts establish the legal regulation which competes with that established in an international treaty, then the international treaty is to be applied, but also, in regard of the European Union law, establishes expressis verbis the collision rule, which consolidates the priority of application of the European Union legal acts in the cases where the provisions of the European Union arising from the founding Treaties of the European Union compete with the legal regulation established in Lithuanian national legal acts (regardless of what their legal power is), save the Constitution itself.”

To generalize, the Constitutional Court has reshaped the concept of the national legal system so as to clearly delineate two levels of legal regulation – the constitutional level and the ordinary (sub-constitutional) level, the latter being inferior to the former and always subject to constitutional review. It treats and interprets the Constitution (including its own jurisprudence) as the ultimate source and the criterion of legality of any regulation valid on the national territory. In this context, it shall be underlined that, in Lithuania, there is no legal act of the Seimas, the President of the Republic, the Government, or adopted in a referendum which could not be tested for compliance with the Constitution by the Constitutional Court (and, also, no ministerial and municipal legal act which could not be tested for compliance with the Constitution by administrative courts).

A. Endzinsh

*Member of the Venice Commission,
Former President of the Constitutional Court of the
Republic of Latvia, Professor,
Director of Doctoral study Programme
“Law science” the School
of Business Administration Turiba*

**The Constitutional Court as Guarantee
of the Democracy, Rule of Law and
Separation of Powers**

Ladies and gentlemen!

Please allow me first of all to thank the organizers of the event for the invitation to be among the members of this very important international scientific and practical conference.

I would like to take this opportunity to congratulate the Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan Mr. Mahkam Mahmudov, judges and staff of the court on this memorable event – 15-year jubilee . I want to wish our Tajikistan colleagues strength and persistence in deepening the rule of law.

During the twenty years period of the performance of the Venice Commission it has contributed much to find out the total European and World heritage of the legal sector, as well as to help in putting common for Europe legal values into the legal systems of separate states. One of the cornerstones of the democratic law-governed state – the principle of separation of power and closely connected with it the principle of rule of law also belong to the European constitutional heritage.

Our common constitutional heritage and understanding of a

democratic law-governed state has been formed on the above conclusions of the classics of the age of Enlightenment. The above principles can be found in every contemporary constitution either formulated expressis verbis for example – Article 10 of the Constitution Republic of Poland, Article 2 of the Constitution Republic of Portugal, Article 10 of the Constitution of the Russian Federation, Article 9 of the Constitution of the Republic of (Tadjikistan) or deduced from the constitutional norms.

The necessity to ensure strong, independent and able to function judicial power follows from both – the fundamental principles of a law-based state and the human right to a fair court. I agree with the former President of the European Commission of Human Rights prof. Stefan Trechsel that “ the independence of judiciary is a cornerstone, not only of respect for human rights, but also of the rule of law. ...We are faced here with a fundamental principle of the organisation of a State, a basic “stuff that constitutions are made of”. It is neither the legislative nor executive branch that ultimately prevents a descent into totalitarianism. An independent judiciary sustains the rule of law without pursuing the aims of particular political party, and does not hesitate to decide in favour of the weak”¹.

If it is inscribed in the Constitution of state that the state is a democratic law-based state, then just this one norm means – the Constitution demands observing the principle of separation of power and ensurance of judicial power as one independent branch of power.

For example, Article 1 of the Republic of Latvia Satversme (Constitution) determines that “Latvia is an independent democratic republic.” The Republic of Latvia Constitutional Court has concluded:

“From Article 1 of the Satversme, determining that Latvia is an independent democratic republic, several principles of a law-based state follow, among these also the principle of separation of power and the rule of law.

The principle of separation of power is the main principle, which envisages organization and functioning of the state power.

¹ Monitoring the EU Succession Process: Judicial Independence. Open Society Institute EU Accession Monitoring Program, Budapest, 2001., p.9

It provides for harmonious cooperation, mutual control and derogation of the three powers”².

When thinking of the performance of the Constitutional Court, I may mention several essential sectors, to which the Constitutional Court has made a contribution in the advancement of democracy and legal-based state as well as furthered transition from the socialist to the Western legal system.

First of all one should mention issues connected with the separation of power. The Constitutional Court Republic of Latvia has seen to the existence of mutual balance and control of realization of the state power as well as to moderate rule. For example, after receiving the claim from the government, the Constitutional Court reviewed the matter considering whether the Parliament by its decision may assign the government with the duty in the sector in which the law establishes a concrete competence for the government. Namely, the Parliament formed an Investigation Commission to clarify several issues connected with the sector of telecommunications. When evaluating conformity of the activities of the authorized representatives of the Telecommunications Tariff Board with the Law “On Telecommunications”, the Commission established several deviations from the above Law. On the initiative of the Investigation Commission, the Parliament adopted the decision, among other issues obligating the Cabinet of Ministers to dismiss the members of the Tariff Board and in a month to form a new Board, at the same time charging the new Board with the task of revising the decisions on tariffs, adopted by the previous Board.

The Cabinet of Ministers completed the task, at the same time submitting a claim to the Constitutional Court, pointing out that the Parliament with the above decision had violated the Constitution and number of other laws.

The Constitutional Court in its Judgement *inter alia* stressed that when realising the controlling function as well as any other function, the Parliament shall act in compliance with the Constitution and the laws and that “...the law and rights are binding to every state institution as well as to the legislator himself.”

² Judgement in case No.2001-09-01 “On the Compliance of the Cabinet of Ministers February 27, 2001 Regulations No.92 “Procedure for Stating the Amount of Sugar-Beet Supply for Sugar- Beet Growers with Article 91 of the Satvevrsme (Constitution)”, January 21, 2002.

The impugned act was declared as unconfornable with the Constitution and several other laws³.

When reviewing another case the Constitutional Court has concluded that by adopting the challenged act the Cabinet of Ministers has exceeded its authority and made the decision on the issues, which are within the competence of judicial power⁴.

In a democratic law-governed state power is divided so as to reach the aims of the separation of power. In its turn the necessity of reaching the aims of separation of power allows deviations from the formal realization of this principle. In constitutional practice particular deviations from the principle of separation of power may be regarded as admissible, if it makes the realization of functions of the state power more efficient, strengthens independence of a certain institution from another power or secures functioning of mutual balance and counterbalance system of the three powers.

The principle of separation of power creates the needed pre-conditions for the functioning of the Constitutional Court. In its turn the existence of constitutional proceedings in this or another form of organization is a necessary precondition for the functioning of a democratic law-governed state, a necessity needed in order not to permit abuse of power.

The role of the Constitutional Court within the system of separation of power first of all is to ensure the existence of the system itself. Namely, to protect the democratic system of the state from the attempts to transform it to authoritarian or even totalitarian regime. It is not a matter of chance that just during the time critical for democracy, that is between the First and the Second World War, independent constitutional courts, which had relevant authority, were formed; like the Constitutional Court of Austria – the oldest Constitutional Court in Europe. In my state the idea on

³ Case No. 03-05 (99) “On Conformity of Items 1 and 4 of the Saeima April 29, 1999 Resolution on Telecommunications Tariff Council with Articles 1 and 57 of the Satversme (Constitution) of the Republic of Latvia and Other Laws.”

⁴ Case No. 04-07 (99) “On Conformity of Item 1 Of the Cabinet of Ministers November 30, 1999 Resolution (Protocol 67, Paragraph 38) “On protection of Foreign Investments Earmarked for Entrepreneurial Activity of the Limited Liability Association “WINDAU” at the Bauska Co-generation Station” with the Republic of Latvia Satversme, Chapter 3 of the Law “On the Structure of the Cabinet of Ministers”, the First Part of Article 1 of the Law “On Foreign Investment in the Republic of Latvia”, Article 41 of the “Power Industry Law”, the First and Fourth Parts of Article 8 of the Law “On Privatization of the State and Municipal Property” and Article 49 of the Law “On Joint Stock Companies”.

the necessity of the institution, which would protect the Constitution, was first expressed by the Parliament deputy Paul Poman in 1930 in his article "Eight Years of Constitution of Latvia". On May 8, 1934 furthering the above idea the Parliament deputy Herman Ptezman submitted a motion to supplement the Constitution with new Article, which shall envisage establishment of a special State Court. However, this motion did not receive the required majority of votes and one week later after coup in my country was establish authoritarian regime.

Of course, the Constitutional Court is not a magical remedy and if it is just alone it cannot protect from misuse of power in all cases. However, it is often extremely important for the Constitutional Court in decisive moments to be brave enough to tell the truth to the world, even if it is a "bitter" truth.

Simple liquidation of the Constitutional Court are possible in the society with strong authoritarian traditions. As You now the Constitutional Court of the Republic of Kyrgyzstan not only was liquidate this year but also the Acting Prosecutor General Republic of Kyrgyzstan on September 24, 2010 initiated criminal case against all members of the former Constitutional Court.

I dare to affirm that the above methods cannot be used if the democracy has been consolidated in the society. When in August 1999, after the Constitutional Court of my country reviewed two scandalous cases and reached judgments, which the government would have liked to be different, the then Prime Minister and the Minister of Justice expressed the viewpoint that the Constitutional Court should be liquidated. It turned out that a really independent Court, which reached its decisions on the basis of the law, without taking into consideration "hints" of other powers, inconvenienced the activities of some high officials. Public society and mass media actively fought against it and majority of the Parliament politicians did not back the idea. After that the above officials started "backsliding" and even announced that they had not wanted to liquidate the Constitutional Court but had just wanted to improve proceedings of the Court.

Smaller or bigger problems cocerning the authority of the Constitutional Court members have been faced in other states as well. However, in the greatest part of cases, it had not led to crisis in the Constitutional Court activities.

Politicians are often dissatisfied with the Constitutional Court judgments. Besides, even in those states, which the post-socialist democracies consider to be positive instances. Thus in her address to the German Federal Constitutional Court during the celebration of its 50 anniversary, the then President of the Court prof.J.Limbach reminded that there have been times when high German officials and politicians have made critical remarks about the activities of the Constitutional Court. But why dissatisfaction with the activities of the Constitutional Court of the ruling politicians in some states is confined to critical remarks as in Germany, but in other states it leads to constitutional crisis?

I would like to stress that public democratic traditions, maturity of democracy or its absence are of vital importance. Under mature democracy the solution adequate to traditions of democracy will be found.

Thank you for attention!

A. Altan*Judge of the Constitutional Court
of Turkey***New Structure of the Turkish Constitutional Court
and individual Constitutional Complaint**

The fight for freedom, starting with the first man, took a journey to the present with the pain, tears and hopes it left behind. From Magna Charta at the beginning of the 13th Century to the declarations adopted after the American and French revolutions at the end of the 18th Century, Helsinki Final Act and Charter of Paris, the “List of Rights and Freedoms” form the common denominator of all fundamental documents deemed to be the turning points of universal jurisprudence. Hence, freedoms were transformed into a universal issue of law from domestic jurisprudence matters. Each national state is obliged to abide by and protect these universal values. Those who fail to fulfill this task are bound to be shunned by their people and all nations of the world.

The economic, technological and cultural globalization taking place in our world has induced the globalization of the concept of human dignity. So “International human rights jurisprudence” was launched with the objective of protecting and extolling the globalized human dignity.

“Human dignity” forms the main axis of the “Universal Declaration of Human Rights” adopted by the common will of world nations after the destruction caused by militarism and authoritarian and totalitarian mindsets. The first article of the charter quotes “All human beings are born free and equal in dignity and rights”.

I would like to give you a brief account of the most recent amendments made on the Constitution of the Republic of Turkey.

Especially the long-accumulated problems experienced in the Turkish judicial system have led to a common will in all segments of the society on the need for “a judiciary reform”.

The presence of millions of case files awaiting examination before appeal institutions, a great majority of these files undergoing statute of limitations, the adversities experienced at the Supreme Board of Judges and Prosecutors, severe discomfort created in the society by acts excluded from court supervision, the violation rulings rendered against Turkey at the European Court of Human Rights and legislation compelled by the European Union process may be counted among the most significant reasons for the recent constitutional amendments.

We can summarize the important headings of constitutional changes as follows:

- Positive discrimination in favor of women, children and disabled persons shall not violate the rule of equality.
- Lifting of the ban on abroad traveling citizens who fail to fulfill their duties such as taxes and military service.
- Regulation allowing collective bargaining for public servants just like employees in private sector.
- Ombudsman Institution.
- Establishing judicial supervision on some decisions of the High Military Council.
- Narrowing down severely competences of the military judiciary and transfer thereof to civil judiciary .
- Changing completely the formation of the Supreme Board of Judges and Prosecutors.
- Changing of the structure, powers and competence of the Constitutional Court.

These changes, introduced for further development of rule of law and democracy, had been presented to a referendum after going through the supervision of the Constitutional Court and were adopted.

In addition to these amendments, by the change in the structure and functions of the High Council of Judges and Prosecutors which might be the most important point of such changes; the number of members was raised from 7 to 22 and it was stipulated that 10 of the members would be elected by 11,000 local judges and 6 by members of the high judiciary. Of the remaining 6 mem-

bers, 4 will be appointed by the President, 2 posts are reserved for the Minister of Justice and the Undersecretary.

By raising the number of members from 7 to 22, more than eleven thousand local judges were made electors in the system being spread to the base and seeking to establish a more democratic structure. Very important tasks, which were previously assigned to the Minister of Justice were transferred to the newly formed Council.

While the Constitutional Court, on the other hand, was set up with 11 members previously, this figure was raised to 17 by the new arrangements. It is stipulated that the Parliament shall elect 3 Judges to the Court with a term of office being limited to 12 years.

One of the most important changes is that everyone now has the chance to institute a lawsuit before the Constitutional Court by way of individual application. An individual application or a constitutional complaint is generally defined as an extraordinary legal remedy provided for individuals whose fundamental rights and freedoms specified in the Constitution are alleged to be breached by legislative, executive or judicial bodies. Although introduction of constitutional complaint and “the idea of making possible to annul all court judgments, including high courts” created a tension between high courts and the Constitutional Court, the strong approval given by a public referendum in last September put a final point –for the time being- for further discussions.

Another reason for the introduction of the constitutional complaint was to solve problems before being carried to the European Court of Human Rights. Considering the famous principle that each one has to keep clean front of his house in order to have a clean street, allegations of human rights violations should be reviewed first by domestic bodies and especially by courts. It is also a visible fact that state parties to the European Convention on Human Rights, having a special domestic procedure for allegations on human rights violations, have less to do before the European Court of Human Rights.

In order to deal with the possible “flood” of constitutional complaint applications, in addition to recruitment of judge-rapporteurs and qualified jurists, two departments and many commissions are to be formed in our Court to receive and hear individual applications. It is planned that legal and structural prepara-

tions will be completed and constitutional complaints will be received at the end of next two years at the latest.

Actually, the fact that international conventions relating to human rights were given priority of implementation against domestic laws by the amendment made in 2004 on Article 90 of our Constitution, shows that the constitutional infrastructure pertaining to individual application exists. It is clear that if the case-law created by the European Court of Human Rights during a period over a half century is not taken into consideration, the European Convention on Human Rights will remain meaningless in our country, an experienced party to the Convention.

Having an established tradition of constitutional adjudication; Turkey, I hope, will start solving its problems relating to the judicial system rapidly with its young and hard-working population. Our people anticipate with excitement that with the introduction of amendments, the fundamental values of our society such as supremacy of law, democracy and many freedoms will pave the way for a strengthened internal peace and an enhanced economic and social welfare.

Constitutional review is the main guarantee for rights and freedoms. This review teaches those who hold power in their hands to be prudent and reasonable. It protects the individual, drawing the powerful within the law. Constitutions; which are pluralist, participatory, based on human dignity and supremacy of law, free from religious and ethnic dogmas, open to change, integrated with the values of society, reconciling differences, have become the yearning for every society. In all societies, strong voices are heard relating to freedom, democracy and more justice, with governments who fail to respond being washed away. It is inconceivable that constitutions and constitutional judges can be unresponsive to these wishes of the society. We are obliged to support the desire for humanly living by expanding mentioned domains with the decisions we will render. It should not be forgotten that democratic countries feed their power always from freedoms. So, the venue of solution and remedy for the problems to be witnessed between the individual and the state, is the judiciary.

The most effective institutions standing out in this regard seem to be constitutional courts. Constitutional democracy is the name of a regime where the majority or powerful administrations

are restrained for protection of fundamental rights. These courts will be deemed to act in line with their *raison-d'être*, should they place constitutional rights and freedoms under an effective shield. The basic condition of success is the adoption of a concept of “revolving around rights” when constitutional supervision is carried out.

Democracy and fundamental freedoms have become almost universal. Making them more profound, contributing to their establishment and to defend them against threats are the basic duties of us, namely judges. The universality of these values has been evidenced by international conventions stating “protection and promotion of rights and freedoms of all human beings constitute a legitimate field of interest of the international community”. The fact that 900 million Europeans are applying to the European Court of Human Rights confirms this understanding. The above discussed universal values have impact and significance to ensure unity and integrity of wills of the whole humanity. We can establish our unity not by having civilizations clashed but by bringing them together. It is not a dream to achieve this objective, as long as we do not attempt to erase or transform diversities or make “others” look like “us”.

In fact, the European Court of Human Rights, in one of its judgments, has set forth the formula for living together by saying “The duty falling to the officials of a country integrated with a democratic and pluralist society is not to eliminate the cause for tension, destroying plurality but is to enhance tolerance towards each other, of different groups”. In this context, each country has to match its own realities and the realities of the world.

З. Ализода

Уполномоченный по правам человека
в Республике Таджикистан

Конституционный Суд и проблемы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан

Права человека, их обеспечение и защита являются одной из основных целей Конституционного Суда. Это вытекает, прежде всего, из основополагающих принципов Конституции нашей страны, к которым можно отнести следующее: а) демократическая, правовая и социальная сущность государства; б) признание высшей ценностью человека, его права и свободы, в том числе неприкосновенными естественных прав человека; в) признание, соблюдение и защита прав и свобод человека государством; г) признание политического и идеологического плюрализма; д) свободу совести и вероисповедания; е) свободу создания и деятельности политических и других общественных объединений; ё) разделение властей, признание и реализация принципа сдержек и противовесов; ж) верховенство Конституции и законов и их прямое действие; з) признание международно-правовых актов как составной части правовой системы страны и их верховенства над законами и подзаконными актами.

Другим важным основанием деятельности Конституционного Суда в этом направлении является подробное конституционное регулирование основных, фундаментальных прав и свобод человека во второй главе Основного Закона.

Эта глава Конституции начинается с очень важных основополагающих положений, которые имеют определяющее значение, прежде всего, для Конституционного Суда в обеспечении и защите прав и свобод человека. Речь идет о статье

14 Конституции. Здесь закреплены следующие очень важные положения. Первое. Регулирование и охрана прав и свобод человека Конституцией, законами республики и признанными страной международно-правовыми актами. Второе. Признание непосредственно действующими права и свободы человека. Третье. Права и свободы человека определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Четвертое. Ограничение прав и свобод человека допускается только лишь с целью обеспечения прав и свобод других лиц, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности страны.

Учитывая эти и другие положения Основного Закона, Конституционный закон «О Конституционном Суде» конкретизирует эти конституционные положения и определяет порядок и процедуры деятельности Конституционного Суда в осуществлении этой задачи.

Одной из целей учреждения Конституционного Суда Республики Таджикистан, как подчеркивается в статье первой Конституционного закона «О Конституционном Суде», является защита прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на такое прямое указание на защиту прав и свобод человека и гражданина, следует отметить, что и другие статьи названного Закона также направлены на защиту прав и свобод человека и гражданина. Так, в этой статье сказано об обеспечении Конституционным Судом верховенства и непосредственного действия норм Конституции на территории Республики Таджикистан, а так же защиты Конституции. Эти два основополагающих положения Основного Закона также направлены на осуществление и защиту прав человека. Если обеспечены верховенство и прямое действие норм Конституции, то это также свидетельствует о том, что права и свободы человека и гражданина реализованы.

Как известно, Конституционный Суд выступает как хранитель и защитник Конституции, закрепленных в ней принципов и положений. Осуществляя эту жизненно важную функцию, Конституционный Суд обеспечивает осуществление и защиту прав и свобод человека и гражданина, поскольку все

фундаментальные принципы и нормы права и свободы человека зафиксированы в Основном Законе.

Защита прав и свобод человека Конституционным Судом осуществляется посредством реализации его полномочий. Как известно, основные полномочия Конституционного Суда определены в статье 89 Конституции, к числу которых относятся определение соответствия законов, совместных правовых актов палат парламента, правовых актов каждой палаты парламента, Президента, Правительства, нормативно-правовых актов высших судов и других государственных и общественных органов, не вступивших в законную силу договоров Таджикистана Конституции, а также разрешение споров между государственными органами относительно их полномочий, определение других полномочий, определяемых Конституцией и законами.

Как вытекает из приведенных положений Конституции, последняя дает возможность посредством законов также установить, т.е. расширить полномочия Конституционного Суда. Учитывая это, в статье 14 Конституционного закона «О Конституционном Суде» устанавливается в качестве полномочий Конституционного Суда определение соответствия проектов изменений и дополнений в Конституцию, а так же проектов законов и других вопросов, вносимых на референдум.

Осуществляя эти полномочия, Конституционный Суд защищает права и свободы граждан, снимает ограничения и препятствия, существующие на пути их реализации.

Следует также отметить, что Конституционным законом от 28 марта 2008 года существенно расширены полномочия Конституционного Суда. Это, прежде всего, свидетельствует о роли и значении Конституционного Суда Республики в обществе, прежде всего, в защите прав и свобод человека в стране. Так, статья 14 представляет гражданам право обращаться в Конституционный Суд не только по принятым законам и другим нормативным актам в конкретных правоотношениях, как было до внесения этой поправки, но и по законам или другим нормативно-правовым актам, подлежащим применению в конкретном правоотношении. Эта новелла существенно расширяет право граждан по обращению в Конститу-

ционный Суд, а последнему даёт возможность усилить свою роль в обеспечении и защите прав граждан.

Указанными поправками так же расширен круг субъектов обращения в Конституционный суд, что позволяет Конституционному Суду быть более действенным в обеспечении и защите норм Конституции, в том числе защите прав и свобод человека и гражданина.

Кроме расширения прав граждан по обращению в Конституционный Суд, этими поправками в качестве субъекта обращения в Конституционный Суд определен Уполномоченный по правам человека, а так же судьи судов Республики Таджикистан по законам и другим нормативным правовым актам, применяемым или подлежащим применению в конкретном деле. Право обращения в Конституционный Суд также предусмотрено в Законе Республики Таджикистан «Об Уполномоченных по правам человека в Республике Таджикистан». В нем указывается, что в случае нарушения прав и свобод заявителя нормативными правовыми актами Республики Таджикистан Уполномоченный по правам человека вправе обратиться в Конституционный Суд Республики Таджикистан с запросом об определении их соответствия Конституции Республики Таджикистан.

Такая необходимость также вытекает из полномочия Уполномоченного по правам человека по совершенствованию законодательства. Так, в статье 22 указанного Закона подчеркивается, что для совершенствования действующего законодательства, затрагивающего права и свободы человека и гражданина, а также приведение его в соответствие с Конституцией Республики Таджикистан и международными правовыми актами, признанным Таджикистаном, Уполномоченный по правам человека вносит субъектам права законодательной инициативы предложения по совершенствованию законодательства, а так же принимает участие в разработке проектов нормативных правовых актов, касающихся прав и свобод человека и гражданина и даёт по ним заключения.

Нужно отметить, что закрепление за Уполномоченным по правам человека права обращения в Конституционный Суд является очень важной предпосылкой обеспечения и защиты прав человека, дает возможность Уполномоченному способ-

ствовать укреплению правовой базы осуществления прав и свобод человека и гражданина, приведению действующего законодательства в соответствие с Конституцией и международными признанными актами.

С учетом того, что институт Уполномоченного по правам человека создан недавно и ещё не использовал право обращения в Конституционный Суд страны, в дальнейшем, как нам кажется, существует большое поле взаимодействия Уполномоченного с Конституционным Судом для укрепления и защиты прав человека.

Очень важным является также положение статьи 46 Конституционного закона о Конституционном Суде, где речь идет о том, что Конституционный Суд не принимает отказа заявителя от требований или добровольном снятии стороной вопроса, если эти действия нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы. Данное положение закона вытекает из принципов социальной справедливости и гуманизма и позволяет защитить права и свободы тысячи и возможно миллионов людей.

Если с учетом охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина рассмотреть практику Конституционного Суда, то выясняется, что большинство дел, рассмотренных Конституционным Судом за 15 лет, связаны с правами и свободами человека. Первое дело, которое было рассмотрено Конституционным Судом ещё в 1996 году, касалось права обжалования в суде ареста или продления срока содержания под стражей и судебной проверки обоснованности содержания под стражей. В постановлении Конституционного Суда по данному делу было отмечено, что запрет обжалования в суде ареста или продления срока содержания под стражей и судебная проверка обоснованности ареста или продление срока содержания под стражей противоречат статьям 10 и 19 Конституции, где гарантировано верховенство и прямое действие норм Конституции, судебная защита прав и свобод граждан, а также статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах. Таким путём была устранена существующая преграда для судебной защиты прав и свобод лиц, находящихся под стражей.

Несколько дел было рассмотрено Конституционным Су-

дом относительно равноправия сторон в судопроизводстве, в том числе по делам о ходатайстве Рахмонова М., Шерова А.Н., Куртбединова З.С. и других. Конституционный Суд с учетом конституционного принципа состязательности и равенства сторон в судопроизводстве признал некоторые положения процессуального законодательства несоответствующими Конституции. Впоследствии нормы процессуальных законов с учетом решений Конституционного Суда были приведены в соответствие с требованиями норм Конституции, что свидетельствует о верховенстве и прямом действии норм Основного Закона, а также признании и защите прав и свобод человека и гражданина.

В заключение нужно отметить, что вся деятельность Конституционного Суда связана с правами и свободами человека. От эффективной и действенной работы этого органа зависят судьбы тысячи и, возможно, миллионов людей, торжество законности и справедливости. Это во многом зависит от активной деятельности субъектов обращения в Конституционный Суд. Хочется пожелать им более тесного взаимодействия в этом очень важном и добром деле.

Э. Кергандберг

*Государственный судья
Эстонской Республики*

Коротко об исполнении решений в части надзора за конституционностью Госсуда Эстонской Республики

I

Действия по надзору за конституционностью (далее: НК) и исполнение судебных решений, устанавливающих нарушение Конституции, вероятно, ни в одной стране не могут проходить совершенно беспрепятственно по причине того, что такие решения подразумевают неизбежную критику законодательной власти и тем самым обязательно превращаются в политические акты. Но поскольку судебный надзор за конституционностью относится, по преобладающему пониманию, к естественной принадлежности демократического государства, как и законодательная власть, эти две величины – Парламент и Конституционный Суд – неизбежно должны стремиться к мирному сосуществованию.

Такое мирное сосуществование во многом зависит, в первую очередь, от того, насколько активным является Конституционный Суд в соответствии с правовыми традициями государства. Оставив в стороне сложные теоретические рассуждения о понятии судебного активизма, предыдущее предложение можно несколько упрощенно переформулировать в вопрос о том, стремится ли Конституционный Суд во всех вопросах и при первой же возможности заменить собой парламент или все же старается деликатно предоставить самому Парламенту возможности исправить ошибки, и различаются ли четко, с одной стороны, сферы, в которых деятельность Конституционного Суда по корректировке правового

ландшафта могла бы выглядеть скромнее и, с другой стороны – где она могла бы быть активнее.

Цель настоящей работы поставлена достаточно прагматично: продемонстрировать таджикским коллегам, с проблемами какого рода пришлось столкнуться в судебном производстве по конституционному надзору в Эстонии, а также показать, были ли выполнены, и как именно, решения Конституционного Суда. Далее: во II части статьи выборочно ознакомимся с принятыми в период 2004-2009 г.г. наиболее интересными решениями Конституционного Суда и с их выполнением, а в III части обратимся к более раннему периоду и рассмотрим самое активистское и вызвавшее больше всего споров в правовом пространстве Эстонии решение ГС № 3-1-3-10-02 (так называемый казус Брусилова).

II

1.3-4-1-1-05 (Избирательные союзы II)

1.1. 19 апреля 2005 года общая палата Рийгикогу (Парламент) признала недействительной ст. 70¹ Закона о выборах в собрание местного самоуправления, которая с 1 января 2005 года запрещала представлять избирательные союзы избирательной комиссии волости или города для регистрации. Госсуд посчитал, что данное положение вместе с вытекающим из закона о партиях требованием о том, что для регистрации партии в ней должно насчитываться не менее 1000 членов, не позволяет жителям единицы местного самоуправления представлять списки при выборах в собрание местного самоуправления, и поэтому в своем совместном воздействии они противоречат Конституции.

1.2. Госсуд занял в этом деле достаточно активистскую позицию, хотя и утверждая первоначально, что «законодатель в принципе имеет несколько возможностей для устранения противоречащего Конституции положения», но в то же время добавляя, что «в единицах местного самоуправления с малым числом жителей только обеспечение возможности представлять кандидатов в партийных списках не противоречило бы Конституции даже в том случае, если сократить требование наличия в партии 1000 членов, например, в десять

раз. И при требовании наличия 100 членов партии во многих единицах местного самоуправления не было бы возможности образовать несколько местных партий».

1.3. Подчеркивая тот факт, что до выборов осталось мало времени, Суд диктовал законодателю по сути единственный возможный вариант поведения – вновь разрешить избирательные союзы.

1.4. К подобной же точке зрения Госсуд приходил уже в 2002 году в так называемом первом казусе избирательных союзов (решение надзорной коллегии конституционности Госсуда № 3-4-1-7-02 от 15 июля 2002 г.). И перед этими выборами в местные самоуправления законодатель хотел ограничить выдвижение избирательных союзов. Госсуд посчитал, что «вероятно, разрешение участия в выборах избирательных союзов – это единственное средство, способное обеспечить организацию выборов в собрания местных самоуправлений в установленный срок». Тогдашнее решение Госсуда дало основание для начавшейся в прессе дискуссии **об активизме Конституционного Суда и его вмешательстве в политику**.

1.5. После же решения Госсуда от 2005 года законодатель по существу больше не регулировал участие избирательных союзов в местных выборах, и избирательные союзы на выборах в собрания местных самоуправлений по-прежнему разрешены.

1.6. **Таким образом, после вторичного подтверждения законодатель принял точку зрения Госсуда и больше не пытался поставить под сомнение избирательные союзы.**

2. 3-1-1-92-06 (Должностное ограничение лица, ушедшего с государственной службы)

2.1. 25 января 2007 года общее собрание Госсуда признало противоречащим Конституции и недействительным **пункт 6 части 2 ст. 19 антикоррупционного закона в части**, в которой это положение запрещало государственным чиновникам и чиновникам местных самоуправлений, а также внештатным служащим, исполняющим обязанности чиновников, в течение 3 лет после ухода с государственной службы являться членом руководящего или надзорного органа в та-

ком коммерческом объединении с участием государства или местного самоуправления, **надзор за деятельностью которого или принятие непосредственно влияющих на деятельность решений не находилось бы в правовой компетенции, вытекающей из прежнего служебного положения лица.**

2.2. Законодатель не отреагировал на данное решение Госсуда ни принятием изменяющего или заменяющего признанную недействительной норму, ни инициированием соответствующего проекта. В законе **резюмируя решение Госсуда приведена в скобках возле соответствующего положения в форме комментария.** Таким образом, **формально решение Госсуда было выполнено.** В интересах правовой ясности можно было бы рассмотреть вопрос о полной переформулировке нормы. В судебной практике это все же не вызвало проблем: ни в базу данных решений Госсуда, ни в информационную систему судов не занесено последующего применения этого положения в судах.

3. 3-4-1-14-07 (Освобождение чиновника от службы по возрасту)

3.1. 1 октября 2007 г. коллегия по надзору за соблюдением Конституции Госсуда признала противоречащей конституции и недействительной **ст. 120 Закона об общественной службе**, в соответствии с которой чиновника можно освободить от должности по достижении им 65-летнего возраста, а также ч. 1 ст. 130 в части, в которой она касается предупреждения об освобождении от службы по возрасту, ч. 3 ст. 131 в части, в которой она касается возмещения при освобождении от должности по возрасту и ч. 1 и 3 ст. 133 в части, в которой они касаются ограничений времени освобождения от службы при освобождении от службы по возрасту. По оценке коллегии, речь шла о нарушении основного права равенства, поскольку признанные недействительными положения позволяли **оставлять одного достигшего 65-летнего возраста чиновника на службе и освобождать от службы другого, приводя в качестве обоснования только возраст лица.**

3.2. 11 декабря 2008 года Госсуд принял **закон о равном обращении**, который вступил в силу 1 января 2009 г. Согласно части 2 ст. 9 Закона, устанавливающей исключения в части запрета на дискриминацию, дискриминацией не считается установленное законом различное обращение по возрасту, если оно ставит объективную и разумную правомочную цель, охватывающую политику занятости, рынок труда, профессиональное обучение или услуги социального страхования, и средства достижения этой цели являются уместными и необходимыми. Применительные положения закона о равном обращении дополнили и ст. 36 Закона об общественной службе, согласно которому государственные и местные должностные учреждения должны обеспечивать защиту лиц от дискриминации и соблюдать принцип равного обращения в соответствии с Законом о равном обращении; наряду с другими признаками, запрещается дискриминация служащего или желающего поступить на службу по возрасту. В соответствии с пояснительной запиской к проекту Закона цель Закона заключается в выполнении требований директив Европейского союза 2000/43/ЕУ и 2000/78/ЕУ.

3.3. Принятие указанного выше Закона было обусловлено тем, что Европейская комиссия инициировала в отношении Эстонии производство по делу о нарушении соответствующих директив Европейского союза. Введенная Законом о равном обращении регуляция допускает неравное обращение только при наличии объективной и разумной цели, а также при помощи уместных и необходимых средств. Таким образом, законодатель принял во внимание аргументацию, приведенную в решении Госсуда.

3.4. После решения Госсуда Тартуский административный суд принял решение о признании задним числом противоправным приказа об освобождении чиновника от должности на основании ст. 120 ЗОС. Суд в этом решении посчитал, что *«отдельный акт, принятый в данной сфере регуляции на основании признанного противоречащим Конституции общего акта, также является противоречащим Конституции, т.е. противоправным».* В данном случае противоречие Конституции ст. 120 ЗОС, которая позволила освободить чиновника от должности по возрасту, поскольку он достиг 65-лет-

него возраста, выявлено судом по конституционному надзору. Податель жалобы освобожден от должности именно отдельным актом, принятым на основании этой антиконституционной правовой нормы, а это означает, что податель жалобы освобожден на основании противоправного правового акта. В соответствии с вышеизложенным жалоба подлежит удовлетворению, и Суд признал распоряжение Тартуского уездного старейшины № 145-р от 20.12.2004 противоправным».

3.5. Таким образом, административный суд признал обратную силу решения коллегии по конституционному надзору. То же самое подтвердил и Тартуский окружной суд в ходе рассмотрения апелляции по судебному делу. Таким образом, в части данного казуса речь идет о примере образцового исполнения решения конституционного надзора Госсуда.

4. 3-4-1-18-08 (Изменение заработной платы члена Рийгикогу для действующего состава Рийгикогу)

4.1. 23 февраля 2009 года общая коллегия Госсуда признала противоречащим Конституции **Закон о временном распоряжении по заработной плате члена Рийгикогу**, при помощи которого хотели изменить принципы начисления заработной платы члена Рийгикогу, **с целью исключить для действующих членов Рийгикогу рост заработной платы на следующий год после принятия Закона**. Общая коллегия согласилась с оспорившим закон Президентом Республики в том, что из второй части предложения в ст. 75 33 вытекает, что Рийгикогу запрещается **повышать или понижать** заработную плату членов Рийгикогу действующего созыва. Ст. 75 33 все же позволяет изменять **порядок возмещения связанных с работой члена Рийгикогу расходов** для действующего состава Рийгикогу.

4.2. Признанный противоречащим Конституции в порядке абстрактной предварительной проверки закон не вступил в силу, что значит, что и при данном казусе решение Госсуда было исполнено. Законодатель больше не менял порядок начисления заработной платы для действующего состава Рийгикогу.

4.3. Решение вызвало почти всенародную дискуссию (речь шла об экономическом спаде и для многих людей - о потере работы!).

5. 3-3-1-59-07 (Невыплата заработной платы судье, служебные отношения которого были приостановлены на время уголовного производства)

5.1. Общая коллегия Госсуда 14 апреля 2009 года посчитала, что отсутствие такой регуляции (неиздание создающего право акта), которая позволяла бы выплачивать заработную плату или иное возмещение судье, служебные отношения которого приостановлены на время уголовного производства, находится в противоречии с ч. 4 ст. 147 Конституции вместе со статьями 146 и 15 Конституции. Принимая во внимание, что заработная плата судьи является гарантией его независимости, а также то, что выплачиваемая судье заработная плата должна находиться в элементарной корреляции с его действительным трудовым вкладом, общая коллегия обязала Министерство юстиции выплатить А.Ш. 50% от его служебного заработка и дополнительных выплат за все время, в течение которого должностные обязанности А.Ш. в качестве судьи были приостановлены по причине уголовного производства.

5.2. Как с точки зрения вмешательства в политику, так и с позиции формирования политики, это судебное решение можно считать **очень активистским**, потому что Суд сам предложил при отсутствии соответствующего законодательства в чувствительной бюджетно-политической сфере подходить к решению.

5.3. Судебный **активизм уменьшается** тем обстоятельством, что, вероятно, круг лиц, которых такое положение может затронуть, ограничен, по причине чего перераспределение ресурсов не является масштабным.

5.4. Законодатель в течение примерно года не изменял закона о судах в данном спорном вопросе. Речь идет об отдельном вопросе, который будучи рассмотренным отдельно, вероятно, может быть решен быстро, но законодатель поставил вопрос о реформировании всего закона о судах. В Парламенте находится на рассмотрении проект закона о судах, который, в числе прочего, предусматривает, что заработная плата судьи, временно отстраненного от службы на время уголовного производства, уменьшается на 75%, т.е. до четвертой части его должностной заработной платы. Учитывая,

что изменение Закона о судах требует большинства голосов состава Рийгикогу, т.е. большего чем обычно консенсуса, прежний примерно двухлетний период, затрачиваемый на согласование с законодателем, можно считать разумным.

5.5. В судебной практике казус А.Ш. был уникальным; после решения Госсуда вопрос о заработной плате или ином возмещении судьи, служебные отношения которого приостановлены на период уголовного производства, больше не поднимался.

6. 3-3-1-41-09 (Дискриминация по половому признаку при освобождении полицейского чиновника от должности)

6.1. Общая коллегия Госсуда 20 ноября 2009 года признала противоречащими Конституции и недействительными **части 3 и 4 ст. 49 Закона о полицейской службе** в части, предусматривавшей, что родившаяся в 1948 году **женщина освобождается от полицейской службы раньше, чем родившийся в том же году мужчина**. Общая коллегия не увидела разумной причины для такого различия.

6.2. Это судебное решение законодатель исполнил особенно быстро, местами предупреждая решение Госсуда. Представители Рийгикогу согласились с изменением положений, оспоренных в ходе производства конституционного надзора. Уже до возбуждения производства конституционным надзором был принят Закон о полиции и пограничной службе. 26 ноября 2009 года Рийгикогу статьей 110 Закона о применении закона о полиции и пограничной службе признал недействительным Закон о полицейской службе.

6.3. Новая регуляция вступила в силу с 1 января 2010 года. Соответствующее положение Закона о полиции и пограничной службе (ст.96) больше не предусматривает разницы между мужчинами и женщинами при освобождении от службы.

7. 3-1-3-13-03 и 3-3-2-1-04 (Повторное открытие производства после решения Европейского суда по правам человека)

7.1. Общая коллегия Госсуда 6 января 2004 года посчитала по двум судебным делам, что если Европейский (Страсбург-

ский) суд по правам человека установил, что при осуждении лица в Эстонии нарушены права, обеспечиваемые Европейской конвенцией по правам человека (К), то лицу по его ходатайству следует предоставить возможность нового рассмотрения судебного дела в случае, если нарушение прав продолжается и является существенным и если это поможет улучшить правовое положение лица. Одновременно Суд отметил, что «обеспечение содержащихся в К прав и свобод наилучшим образом предполагает совершенствование Закона о судебном производстве, чтобы из него однозначно следовало, в каких случаях и как должно проводиться повторное рассмотрение уголовного дела после решения Европейского суда по правам человека и должно ли оно проводиться вообще».

7.2. Только через два года, 1 января 2006 г., вступил в силу новый Кодекс гражданского судопроизводства, который, в числе прочего, устанавливал в качестве основания для пересмотра и такое нарушение К, выявленное Европейским судом по правам человека, которое невозможно устранить разумным образом или возместить иным путем, кроме пересмотра дела (ст. 702, ч. 2, п. 8). Через несколько месяцев вступили в силу аналогичные изменения в Кодексе уголовного судопроизводства и Кодексе административного судопроизводства. Согласно пояснительной записке к проекту закона, при введении этого положения учитывалась рекомендация Комитета министров Совета Европы R (2000) 2.

7.3. Перед вступлением в силу данных изменений Закона Госсуду пришлось озвучить свою позицию, высказанную 6 января 2004 года, по поводу еще одного решения: от 22 ноября 2004 г. А именно, коллегия Госсуда по уголовным делам возобновила производство по уголовному делу, в котором лицо было признано виновным в Эстонии, но это решение было отменено Европейским судом по правам человека по причине нарушения содержащегося в части 1 статьи 7 Конвенции принципа *nullum crimen nulla poena*. Коллегия по уголовным делам оправдала лицо по тем действиям, по которым было возобновлено уголовное производство.

7.4. Вместе эти два судебных дела 2004 года демонстрируют, как напоминание суда законодателю о необходимости определенной регуляции в конце концов приводит к лучшей за-

щите основных прав. Хотя Эстония присоединилась к К уже в 1996 году, узаконить обеспечивающие выполнение Конвенции гарантии по судопроизводству удалось лишь 10 лет спустя.

7.5. Воля эстонского законодателя по урегулированию возобновления судебного производства после обнаружения Европейским судом по правам человека нарушений прав человека является еще более ценной, так как с этим вопросом связано не одно государство, присоединившееся к Конвенции по правам человека. Таким образом, время, которое законодатель потратил на согласование судебного решения, соответствовало степени сложности проблемы.

8. 3-1-1-86-07 (Недопустимость делегирования карательной власти государства)

8.1. 16 мая 2008 года общая коллегия Госсуда признала противоречащими Конституции и недействительными **ч. 3 ст. 54 Закона об общественном транспорте, а также п. 3 ст. 9 и ч. 5 ст. 10 Кодекса производства по делу о проступке**, в соответствии с которыми лицо, ведущее внесудебное производство о проезде в общественном транспорте без подтверждающего право проезда документа как о проступке, является частно-правовым лицом на основании административного договора. Госсуд посчитал, что делегирование производства по делу о проступке и связанной с этим карательной власти государства частно-правовому юридическому лицу противоречит Конституции, поскольку речь идет об одной из основных функций государства.

8.2. Законодатель после признания норм недействительными не установил вместо них других регуляций и не инициировал нового проекта. Устранение противоречащей Конституции регуляции не препятствует ведению производства по делам о безбилетном проезде в общем порядке. Наоборот, то, что законодатель не пытается установить новой подобной регуляции, показывает, что решение Госсуда считается авторитетным. Было исключено только одно лицо, ведущее производство по делу о проступке, а именно, частно-правовое. Практика наиболее крупных городов Эстонии показывает также, что Закон о производстве по делу о проступке можно в свете решения Госсуда применять в полной мере без необходимости изменять закон.

9. 3-4-1-7-08 (Исключение административных судов из производства по делам, оспаривающим госпоставки)

9.1. Общая коллегия Госсуда 8 июня 2009 признала противоречащей Конституции и недействительной **часть 1 ст. 129 Закона о госпоставках**, которая передавала решение апелляционного производства по жалобе, представляемой на решение имеющейся при Департаменте госпоставок Комиссии по спорам, окружному суду, исключая рассмотрение таких споров в суде первой инстанции.

9.2. По оценке Госсуда, такая регуляция находится в противоречии с частями 1 и 2 ст. 149 Конституции и с первым предложением ст. 146 Конституции вместе со ст. 4 Конституции. Общая коллегия посчитала, что согласно Конституции **обсуждение всех судебных дел начинается в суде первой инстанции и исключение суда I инстанции** при обсуждении определенного рода дел ограничивает компетенцию судебной власти.

9.3. 18 января 2010 года Правительство Республики инициировало проект Закона об изменениях закона о госпоставках и связанных с ним законов, в пунктах 34 и 37 ст. 1 которого предлагалась возможность привести производство по связанным с госпоставками спорам в соответствие с Конституцией, согласно решению Госсуда. Первоначальный текст проекта предусматривал аналогично регуляции производства по делу о проступке так называемую «прыгающую» каскацию на решение Комиссии по спорам. Ко времени завершения анализа указанное положение было исключено из проекта Закона, поскольку инициатор проекта согласился с мнением представителей о том, что тематика требует более основательного анализа и обсуждения в рамках проекта Закона о госпоставках, который разрабатывается в Министерстве финансов. Предложение об изменении, внесенное инициатором Закона, нашло поддержку при втором чтении проекта.

9.4. Таким образом, хотя Рийгикогу не изменил Закон о госпоставках после решения Госсуда от 8 июня 2009 г., **им была продемонстрирована воля** заниматься проблемой. Потраченное на согласование с законодателем время соответствует сложности проблемы. В судебной же практике признание ч. 1 ст. 129 ЗГП противоречащей Конституции и

недействительной без принятия новой регуляции обусловило проблемы в связи с компетенцией Комиссии по спорам и ее ролью в административном судопроизводстве. Административная коллегия Госсуда дала трактовку этого, в соответствии с которой «после решения общей коллегии Госсуда от 8 июня 2009 г. ч. 2 ст. 129 ЗГП следует трактовать таким образом, что обжалование решения Комиссии по спорам происходит в административном суде...» Таким образом, судебная практика соблюдает трактовку, данную Закону в ходе производства конституционного надзора.

10. 3-3-1-63-05 и 3-4-1-14-06 (Закон об основах реформы собственности и права убитых из Эстонии лиц на основании заключенных с Германией соглашений)

10.1. 12 апреля 2006 года общая коллегия Госсуда признала недействительной **ч. 3 ст. 7 Закона об основах реформы собственности**, которая предусматривала, что на основании соглашений с Германией имущество, противоправно отчужденное у лиц, убитых из Эстонии (до II Мировой войны), возвращается или компенсируется **на основании межгосударственного договора**. Поскольку такой договор почти в течение 15 лет заключен не был, царил неясность в том, следует ли возвращать или компенсировать имущество переселенцам или предоставлять живущим на этих площадях арендаторам право приватизировать их.

10.2. Госсуд **отложил вступление решения в силу на 6 месяцев**, чтобы дать законодателю время для выработки новой правовой регуляции. В решении указывалось, что если к 12 октября 2006 года не вступит в силу закон, изменяющий или признающий недействительной ч. 3 ст. 7 ЗОРС, то вступает в силу решение Госсуда.

10.3. Указанное положение было признано Госсудом **противоречащим Конституции** уже четырем годами раньше (решение общей коллегии Госсуда от 28 октября 2002 года по делу № 3-4-1-5-02). Но тогда Госсуд не признал часть 3 ст. 7 ЗОРС **недействительной**, поскольку не желал принимать политического решения. Госсуд подчеркивал, что четкую регуляцию в отношении возврата или компенсации имущества, принадлежавшего переселенцам, должен разработать зако-

нодатель. НЕСМОТРА НА НЕОДНОКРАТНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ВНИМАНИЯ, РЕШЕНИЕ ГОССУДА ОТ 2002 ГОДА ОСТАЛОСЬ ПАРЛАМЕНТОМ НЕИСПОЛНЕННЫМ.

10.4. Поэтому Госсуд в своем решении от 2006 г. подчеркнул, что повторная задержка с определением антиконституционности ч. 3 ст. 7 ЗОРС без признания положения недействительным не будет способствовать разрешению ситуации. *«Для прекращения продолжавшегося на протяжении нескольких лет противоречащего Конституции положения необходимо признать ч. 3 ст. 7 ЗОРС недействительной»*, - такова была точка зрения Госсуда.

10.5. Парламент **постарался выполнить решение Госсуда от 12 апреля 2006 года**. С этой целью 14 сентября 2006 года был принят Закон о признании недействительной части 3 ст. 7 Закона Эстонской Республики об основах реформы собственности. Президент Республики **не провозгласил этот Закон**, поскольку посчитал, что изменение Закона не находится в соответствии с конституционным принципом правовой ясности и правовой защиты. После принятия Закона в неизменном виде президент представил в Госсуд ходатайство о признании Закона противоречащим Конституции. 31 января 2007 года Коллегия конституционного надзора Госсуда удовлетворила ходатайство Президента Республики и признала непровозглашенный Закон противоречащим Конституции. По мнению Коллегии, закон обеспечивал право на судебное производство только переселенцам, заявление о возврате или компенсации противоправно отчужденного имущества которых **осталось нерассмотренным**. В законе отсутствовала эффективная регуляция, которая позволяла бы переселенцам и лицам, обладающим правом приватизации противоправно отчужденного имущества, реализовать свои права. По оценке Коллегии, Закон не решил в конституционном порядке связанные с признанием недействительной части 3 ст. 7 ЗОРС вопросы и скорее вызвал дополнительные проблемы неравного обращения с разными группами переселенцев.

10.6. Поскольку Закон, признающий ч. 3 ст. 7 ЗОРС недействительной, не вступил в силу в течение указанного в решении общей коллегии Госсуда от 12 апреля 2006 г. срока, Гос-

суд признал, что, в соответствии с тем же решением, ч. 3 ст. 7 ЗОРС является недействительной с 12 октября 2006 г. Суд посчитал, что результатом недействительности ч. 3 ст. 7 ЗОРС является то, что на основании заключенных с Германией договоров принадлежавшее переселенцам в Германию противоправно отчужденное имущество **подлежит возврату, компенсации или приватизации арендаторами на общих основаниях и в общем порядке, предусмотренных Законом об основах реформы собственности.** «Такая правовая ясность позволяет продолжать /.../ рассмотрение кассационной жалобы», - посчитал Госсуд 6 декабря 2006 года и удовлетворил кассационную жалобу переселившихся из Эстонии лиц.

10.7. Поскольку вместо признанного недействительным положения альтернативной регуляции установлено не было, общая коллегия Госсуда в своем решении от 10 марта 2008 года по судебному делу № 3-3-2-1-07 вновь подчеркнула, что в соответствии с вытекающим из статей 13 и 14 Основного Закона права на распоряжение и рассмотрение заявления в отношении противоправно отчужденного имущества переселенцев в Германию следует продолжать рассматривать. Общая коллегия дала указание подходить к рассмотрению заявлений, оставшихся ранее без удовлетворения на основании утратившей действие ч. 3 ст. 7 ЗОРС, не как к возобновлению административного производства, а как к началу совершенно нового производства. В отношении заявлений, которые ранее не были представлены или которые были возвращены без рассмотрения на основании ч. 3 ст. 7 ЗОРС, согласно решению общей коллегии, следует в каждом конкретном случае решать, представлено ли заявление в течение разумного времени. Руководствуясь этими соображениями, Административная коллегия Госсуда несколько раз рассматривала по существу кассационные жалобы и заявления о пересмотре, представленные после признания недействительной ч. 3 ст. 7 ЗОРС.

10.8. Подводя итоги судебной саги о ч. 3 ст. 7 ЗОРС, можно сделать вывод о том, что **ПОСКОЛЬКУ ЗАКОНОДАТЕЛЬ НЕ СМОГ ДОСТИЧЬ УДОВЛЕТВОРЯЮЩЕГО ВСЕ СТОРОНЫ В ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА, СУДУ ПРИШЛОСЬ НАЙТИ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ, ИСХОДЯ ИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И**

ОБЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ. С признанием недействительной ч. 3 ст. 7 ЗОРС нашел свое решение вызвавший длительные споры вопрос о возврате имущества, принадлежавшего так называемым переселенцам. Законодатель также признал судебное решение конституционного надзора и приступил к поиску следующих подходящих и пропорциональных мер по завершению реформы собственности.

11. 3-4-1-7-03 (Ограничение получателей прожиточного пособия)

11.1. 21 января 2004 года коллегия Госсуда по конституционному надзору признала противоречащей Конституции в действовавшей с 1.01.2002 по 5.09.2003 редакции часть **4 ст. 221¹ Закона о социальной помощи** в части, в которой бедствующим людям и семьям, которые использовали не названное в ч. 4 ст. 221 ЗСП жилое помещение, при назначении прожиточного пособия не учитывались и не возмещались расходы на жилье. Положение распространялось на ходатайствовавших о помощи, в пользовании которых в качестве жилья находилась одна комната или часть комнаты, например, живущие в общежитии студенты, и не позволяло им при определении размера прожиточного пособия снимать с нетто-дохода лица или семьи расходы на пользование такими жилыми помещениями, которые не соответствовали представленным в положении критериям.

11.2. Противоречие рассматриваемого положения Конституции Рийгикогу распознал уже до решения Госсуда. По предложению Канцлера права Социальная комиссия Рийгикогу 15 мая 2003 года инициировала проект Закона об изменении закона о социальной помощи. Из вступившей в силу 5 сентября 2003 года редакции ЗСП устранили конституционное противоречие и предоставили возможность при определении прожиточного пособия учитывать и расходы на жилье тех людей, которые снимают жилье, сданное государством или единицей местного самоуправления остро нуждающемуся в жилье лицу или лицу, получающему образование. Также была предоставлена возможность учитывать заключенные в жилом или ином помещении частно-правового юридического лица

договоры аренды, а также договоры аренды, предметом которых является жилое помещение, которое составляет часть используемых самим арендодателем жилых помещений.

11.3. Во вступившей в силу 1 января 2009 года редакции Закона о социальной помощи законодатель при определении прожиточного пособия еще больше расширил круг договоров, являющихся правовым основанием для пользования жилым помещением – учитывается также договор аренды помещения в социальном учреждении, заключенный с лицом, имеющим право на получение услуги социальной помощи. **Таким образом, в данном казусе согласующая деятельность законодателя может считаться образцовой.**

12. 3-4-1-33-05 (Отказ от выплаты родительского возмещения)

12.1. 20 марта 2006 года Коллегия конституционного надзора Госсуда признала противоречащим Конституции и недействительным **второе предложение ч. 7 ст. 3 Закона о родительском возмещении** в части, в которой предусматривалось, что назначенное лицу родительское возмещение уменьшается по причине выплаченной ему по вине работодателя в месяц получения родительского возмещения не выплаченной ранее заработной платы. В соответствии с оспоренным положением возмещение не выплачивалось, если в календарный месяц выплаты возмещения полученный доход превышал пятикратную ставку возмещения.

12.2. 22 февраля 2007 года Рийгикогу принял Закон об изменении Закона о родительском возмещении, который вступил в силу 1 сентября 2007 года. В соответствии с Законом к ст. 3 Закона о родительском возмещении добавили часть 7, согласно которой уменьшение возмещения не применяется в числе прочего в первый календарный месяц выплаты возмещения в части полученного за предыдущие календарные месяцы дохода, а также в части дохода, оставшегося неполученным не ранее возникновения права на родительское возмещение, если этот доход выплачивается в календарный месяц выплаты родительского возмещения, если поздняя выплата была обусловлена виной плательщика социального налога. В пояснительной записке к проекту Закона

имелась ссылка на решение Госсуда, и инициатор проекта - министр социальных дел отметил, что решение Госсуда учтено при разработке проекта. В отношении применения рассматриваемого положения имеется и примечательная практика судов более низкой инстанции.

12.3. Хотя Госсуд в данном решении № 3-4-1-33-05 посчитал, что ч. 7 ст. 3 ЗСП не находится в противоречии с принципами правовой ясности, при его трактовке возникли некоторые разногласия. В преобладающем большинстве судебных решений считается, что в первом предложении ч. 7 ст. 3 ЗСП под использованным словом «зарабатывает» следует понимать заработанное в месяц выплаты возмещения, а не суммы, выплаченные в месяц выплаты возмещения. Таким образом, одним из условий уменьшения возмещения является то, что лицо работает в календарный месяц, за который выплачивается возмещение. Если подателю жалобы выплатили плату за проделанную ранее работу даже в месяц выплаты родительского возмещения, но нет основания утверждать, что доход был заработан в месяц выплаты возмещения, то получатель родительского возмещения в понимании ч. 7 ст. 3 ЗСП не заработал облагаемый социальным доходом налог в месяц получения родительского возмещения, и пенсионный департамент не имеет права удерживать родительское возмещение. Другой точки зрения придерживался окружной суд в решении, в котором говорилось, что хотя апеллант получил в период выплаты родительского возмещения плату за выполненную ранее работу, решение пенсионного департамента об уменьшении родительского возмещения является оправданным, поскольку заработная плата не осталась неполученной ранее по вине работодателя. «При определении и выплате возмещения важно не время выполнения реальной работы, а время выплаты дохода и его обложение социальным налогом», - посчитал окружной суд. Неясно, имеет ли различная трактовка обсуждаемого положения Закона о родительском возмещении принципиальный характер, или речь идет о единичном исключении случайного характера.

12.4. Таким образом, вытекающая из решения Госсуда практика применения частей 7 и 7₁ ст. 3 ЗСП находится еще в стадии формирования.

13. 3-4-1-8-08 (Засчитывание времени действительной воинской службы в пенсионный стаж)

13.1. 30 сентября 2008 года Коллегия конституционного надзора Госсуда признала противоречащим Конституции и недействительным **п. 3 ч. 2 ст. 28 Закона о государственном пенсионном страховании в части**, в которой оно не позволяло засчитывать в пенсионный стаж обязательную воинскую или альтернативную службу, если лицо проживало в Эстонии до и после проходившей за пределами Эстонии воинской или альтернативной службы и приобрело в Эстонии 15-летний пенсионный стаж. Данное положение позволяло засчитывать в пенсионный стаж время обязательной воинской или альтернативной службы только в том случае, когда лицо направлялось на службу из Эстонии.

13.2. Уже менее чем через месяц, 22 октября 2008 года, Рийгикогу принял Закон о государственном пенсионном страховании, Закон о государственных семейных пособиях и закон об изменении законов, касающихся других возмещений социального страхования и социальных пособий, который вступил в силу 23 ноября 2008 года. Таким образом, данное положение ЗГПС признали недействительным. К статье 28 добавили часть 5, на основании которой в пенсионно-правовой стаж засчитывается время обязательной воинской или альтернативной службы в том случае, если лицо до и после направления на службу за пределами Эстонии проживало в Эстонии и у него имеется не менее 15 лет приобретенного в Эстонии пенсионного стажа, и никакое другое государство не платит пенсию за указанный стаж. В соответствии с пояснительной запиской к проекту соответствующие изменения были внесены в интересах правовой ясности.

13.3. Таким образом, законодатель в данном казусе быстро исполнил решение конституционного надзора Госсуда. В то же время, в судебной практике, кроме признания недействительным **п. 3 ч. 2 ст. 28 Закона о государственном пенсионном страховании**, были и разногласия между Госсудом и судами низших инстанций в той части, какое влияние имеет решение конституционного надзора на деятельность пенсионного департамента. Ответ зависит от того, обладает ли по оценке суда обратной силой решение Госсуда, по кото-

рому закон или его положение признается недействительным по причине противоречия Конституции. Ссылаясь на решение общей коллегии Госсуда № 3-3-2-1-07 от 10 марта 2008 года, Административная коллегия Госсуда еще раз подтвердила 11 марта 2010 года в своем решении № 3-3-1-2-10, что признающее недействительность положений закона решение имеет обратную силу.

14. 3-4-1-9-04 (Отсутствие дискреционного права при отказе от предоставления вида на жительство)

14.1. 21 июня 2004 года Коллегия конституционного надзора Госсуда посчитала, что **п. 1 ч. 4 ст. 12 и ч. 5 ст. 12 Закона об иностранцах** противоречат Конституции в той части, в которой они не предусматривают для компетентного государственного учреждения дискреционного права при отказе от предоставления вида на жительство по причине предоставления ложных данных. Но Коллегия не признала эти положения недействительными.

14.2. Конкретные признанные противоречащими Конституции положения законодателем изменены не были. Ни в вводную часть Закона, ни к конкретному положению не было добавлено даже примечания, указывающего на решение конституционного надзора Госсуда. В общие положения Закона, правда, добавлена ссылка на применение Закона об административном производстве при предусмотренном в Законе об иностранцах административном производстве, за исключением визового производства (части 3 и 4 ст. 1). Это, все же, нельзя считать достаточным решением, поскольку соблюдение хорошего административного обычая не позволяет игнорировать содержащиеся в Законе императивные запреты. С момента принятия судебного решения прошло уже более 5 лет, которые для согласования этого решения являются явно слишком большим сроком, что говорит о бездеятельности законодателя.

14.3. При новом представлении подобной жалобы суды все же должны разрешать казус, исходя из решения Госсуда, потому что, согласно 1-му предложению ст. 152 Основного Закона, находящийся в противоречии с Конституцией закон или другой правовой акт должен оставаться без применения.

За ходом такого судебного дела было бы интересно следить, но, к сожалению, в базах данных судебных решений не видно более позднего применения п. 1 ч. 4 ст. 12 и ч. 5 ст. 12 Закона об иностранцах.

15. 3-4-1-16-08 (Отсутствие дискреционного права при отказе от предоставления разрешения на оружие)

15.1. 26 марта 2009 года Коллегия конституционного надзора Госсуда признала **п. 2 ч. 1 ст. 43 Закона об оружии** противоречащим Конституции и недействительным в той части, в которой он не позволял префектуре полиции учитывать при приостановлении разрешения на приобретение оружия или действия разрешения на оружие подозреваемого или обвиняемого лица личность этого подозреваемого или обвиняемого, а также обстоятельства, являющиеся содержанием подозрений или обвинений. Если речь идет об уголовном производстве, предметом которого не является преступление против жизни и здоровья, и нет иных обстоятельств, представляющих угрозу злоупотребления оружием, приостановление разрешения на приобретение оружия или действия разрешения на оружие в обязательном порядке не является **разумной мерой** защиты жизни и здоровья других лиц. Коллегия добавила, что *«лучше всего защита жизни и здоровья людей, с одной стороны, и защита основных свобод подозреваемого или обвиняемого лица, с другой стороны, обеспечивается, если применитель Закона имеет возможность при приостановлении разрешения на оружие или разрешения на приобретение оружия учитывать являющиеся содержанием подозрений или обвинений обстоятельства, личностные качества подозреваемого или обвиняемого, а также прочие возможные существенные обстоятельства и обоснованные интересы. Предусмотренное при ограничении общих прав и свобод дискреционное пространство предупреждает превращение лица в объект государственной власти и способствует сохранению человеческого достоинства»* (п. 39).

15.2. Коллегия также посчитала возможным, чтобы сам законодатель, используя свою свободу принятия решений, ограничил в Законе об оружии без предоставления префектуре полиции большего дискреционного права те обстоя-

тельства, при проявлении которых следует в обязательном порядке приостанавливать право на оружие или на приобретение оружия.

15.3. Примечание, указывающее на решение Госсуда, введено в признанное недействительным положение Закона об оружии. Кроме того, Правительство Республики, в числе прочего, для решения указанных проблем инициировало 12 апреля 2010 года проект Закона об изменении Закона об оружии. Изменения ст. 43 проекта Закона об оружии уточняют контрольные меры в части обращения оружия. В соответствии с пояснительной запиской к закону при помощи изменений создается правовая конструкция, которая отвечает решению Госсуда от 26 марта 2009 года. Таким образом, законодатель продемонстрировал волю к согласованию правовых норм с решением Госсуда.

III

16. В практике Госсуда Эстонской Республики, вероятно, самое активистское (или, по крайней мере, более всего обсуждаемое правовой общественностью) судебное решение носит номер 3-1-3-10-02, и этим решением в республике **по существу** (и, хотя бы, формально, *contra legem*) было создано новое судебное производство – так называемое большое рассмотрение индивидуальной конституционной жалобы.

16.1. Речь шла о ситуации, в которой наказанный за неоднократные кражи С. В. 2 октября 2002 года обратился в Госсуд с ходатайством об облегчении вынесенного ему за кражи приговора с тем обоснованием, что вступивший в силу 1 сентября 2002 года новый пенитенциарный кодекс снизил низший и высший предел предусмотренного за кражи тюремного наказания, следовательно, необходимо применить новый и облегчающий наказание пенитенциарный закон и в отношении него, освободив его от наказания.

16.2. Изначально Госсуд отметил, что поскольку С. В. отбывает наказание на основании вступившего в силу судебного решения, и отсутствуют основания как для пересмотра дела, так и для исправления существовавших в то время судебных ошибок, то **нет никаких судопроизводственных возможностей для рассмотрения жалобы**.

16.3. После этого общая коллегия отметила, что в такой ситуации (при отсутствии требующихся судопроизводств) в общем сложно помочь обратившемуся в Госсуд, потому что в соответствии с нашим Законом о судопроизводстве конституционного надзора возможности подачи индивидуальной конституционной жалобы в Эстонии вообще очень маленькие, и в **данной ситуации власть не видит основания для индивидуальной жалобы.**

16.4. Но затем общая коллегия... сделала поворот на 180 градусов и заявила, что несмотря на все вышесказанное жалобу все же необходимо рассмотреть, поскольку этого якобы требует принцип равноправия, зафиксированный в ст. 13, 14 и 15, а также ч. 2 ст. 23 и даже ст. 12 Основного Закона.

16.5. В отношении этого решения общей коллегии Госсуда почти половина государственных судей написали особое мнение, и это решение стало предметом многих дальнейших юридических дискуссий.

16.6. К осени 2007 года в Эстонии вновь сложилась ситуация, которая была очень похожа на положение, предшествовавшее принятию решения по судебному делу № 3-1-3-10-02 (RT III 2003, 10, 95): 15 марта 2007 года вступили в силу изменения пенитенциарного кодекса, которые в принципе облегчили положение целого ряда отбывающих наказание лиц, но, в то же время, законодатель не принял таких применительных положений, которые позволили бы этим лицам облегчить свое положение на основании закона.

16.7. Разумеется, ряд отбывающих наказание лиц вновь обратились непосредственно в Госсуд. В сложившейся ситуации Госсуду пришлось подумать, идти ли дальше по созданному решением по делу № 3-1-3-10-02 (RT III 2003, 10, 95) пути рассмотрения большой индивидуальной конституционной жалобы (это, вероятно, означало бы, что Госсуд должен и в будущем заглаживать недоработки законодателя); установить бездействие законодателя в части сопутствующих изменений пенитенциарного кодекса применительных положений (нарушение основных прав судопроизводства и распоряжения); принять точку зрения, что хотя Кодекс уголовного производства в этом смысле и противоречит Конституции,

исходя из изменений в пенитенциарном праве невозможно облегчить положение осужденного.

16.8. Полное собрание Коллегии Госсуда по уголовным делам приняло решения № 3-1-2-2-07 (RT III, 2007, 46, 369) и 3-1-2-3-07 (RT III, 2007, 46, 370), выбрав совершенно новый путь. А именно, Коллегия посчитала, что проблему, вновь созданную бездейтельностью законодателя, следует рассматривать «как вопрос, возникший при исполнении судебного решения» и решать его в ходе производства, аналогичного предусмотренному в ст. 431 КУП.

16.9. Но проблематика еще не была исчерпана: а именно, в судебном решении № 3-4-1-19-07 общая коллегия Госсуда была вынуждена, в числе прочего, взвесить и вопрос, не идет ли речь об антиконституционных действиях законодателя, если, устанавливая так называемый облегченный пенитенциарный закон, в действительности не облегчается положение тех отбывающих наказание лиц, в отношении которых новый закон мягче. Общая коллегия заняла в этом решении другую позицию, по сравнению с Уголовной коллегией Госсуда, в Постановлении от 7 декабря 2007 г. по делу № 3-1-2-2-07 (RT III 2007, 46, 369, р 11) и нашла, что в вопросе о том, приводить ли наказание осужденного лица в соответствие с новым более мягким пенитенциарным законом, у суда нет дискреционных возможностей. Суд может не применить задним числом в отношении отбывающих наказание лиц более мягкий пенитенциарный закон только в том случае, если возможность такого ограничения, зафиксированного в ч. 2 ст. 23 Основного Закона, прямо предусмотрена законодателем при принятии более мягкого пенитенциарного закона. Но и в этом случае лицо может оспорить пропорциональность ограничения своего права.

IV Заключение

Пытаясь обобщить тему, можно, прежде всего, сказать, что в Эстонской Республике наиболее активными инициаторами судопроизводства конституционного надзора были, конечно, суды низшей инстанции. Неудивительно и то, что при-

мерно половина рассмотренных конституционным надзором судебных дел вышла из лона административного судопроизводства. Из содержащих упреки в адрес законодателя судебных решений примерно в 3/4 случаев законодатель по крайней мере в итоге реагировал позитивно.

В отношении решений, принятых в период 2004-2009, законодатель трижды пытался предупредить Госсуд и изменил спорную регуляцию до решения конституционного надзора (КН). Причем, действуя таким предупреждающим образом, законодатель далеко не всегда (в пояснительной записке) напрямую признавал недостатки прежней регуляции. Но отсутствие такого признания не является в данном контексте самым важным, и в этом законодателя упрекать не стоит...

Конкретная деятельность законодателя при восстановлении конституционности после судебных решений КН была достаточно разной. В одних случаях (например, после решения № 3-4-1-8-08) законодатель непосредственно создал новую соответствующую Основному Закону регуляцию. Иногда – прежде всего, при абстрактном предварительном контроле (например, после решения № 3-4-1-18-08) для исполнения решения Госсуда было достаточно пассивности законодателя. Случалось и так, что законодатель оставлял формулировку регуляции без изменения, но в начале закона делалась отметка о решении конституционного надзора (например, при исполнении решения № 3-1-1-92-06). В таком случае закон следует трактовать непосредственно в свете указанного в решении Госсуда.

Среди решений КН в период 2004-2009 в трех случаях из 31 казуса можно упрекнуть законодателя в пассивности при исполнении этих решений, причем все эти 3 казуса были инициированы судами низшей инстанции, и они были разрешены коллегией конституционного надзора в рамках конкретного контроля норм. Хотя законодатель наполовину подсознательно ощущал, что такие начатые дела не особенно попадают под пристальное око общественности...

Подводя итоги, можно отметить, что Конституционный Суд ЭР осознал для себя, что влияние этого суда в обществе ограничено и что Госсуд как суд по надзору за конституционностью может выступать, все же, только в роли так на-

зываемого негативного законодателя: он может признать недействительной противоречащую Конституции норму и не имеет права сам создать новую норму и сделать политический выбор. В то же время, глядя на реальное положение дел, нельзя отрицать определенное предупреждающее влияние Конституционного Суда, попадание политики под влияние Суда. Замечено, что в результате судебной практики КН законодатель часто уже в ходе создания нормы начинает при помощи теста на пропорциональность смотреть, какая регуляция будет действовать в ходе производства конституционного надзора. Это, в свою очередь, является гарантией того, что основные права и свободы не будут ограничиваться иначе чем только по обоснованным соображениям и в разумных пределах.

К. Каримов

*Судья-секретарь Конституционного
Суда Республики Таджикистан,
кандидат политических наук*

Конституционный Суд Республики Таджикистан в условиях глобализации и интеграции правовых систем

Уважаемые коллеги!
Дамы и господа!

Современные международные отношения характеризуются как эпоха политической и экономической интеграции государств различных регионов мира, а также глобализации общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни нашего общества.

Эти процессы не обошли стороной и оказывают свое воздействие на состояние и развитие современных правовых систем.

Касаясь проблем правовой глобализации, как справедливо отмечает наш российский коллега, судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор Бондарь Н.С., «конец XX - начало XXI веков характерны масштабными конституционными преобразованиями, отразившими всю глубину, противоречивость, а порой и национально-исторический трагизм геополитических изменений современного мира и его отдельных стран. В том числе это находит свое отражение в зарождении новой политической философии современной эпохи, новой конституционной идеологии и соответственно в разработке принципиально новых подходов к пониманию и обоснованию ценностей современного конституционализма в условиях глобалистского мира»¹.

¹ Бондарь Н. С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества. //Журнал российского права. 2003. - № 11. - С. 55 - 64

Вышесказанное и другие аналогичные точки зрения показывают, что особое значение приобретает уяснение ценностных критериев и ориентиров, лежащих в основе правовой глобализации и соответственно правового прогресса демократических государств. Имея в виду признание в качестве своего рода аксиомы современного правового глобализма, что эти процессы должны развиваться в направлении юрисдикции свободы, власти, собственности как основополагающих компонентов современных социально-политических и экономических систем.

Для современной государственно-правовой действительности, с точки зрения глобалистских тенденций ее развития, принципиальное значение имеет вопрос об иерархических связях и зависимостях в системном ряду соответствующих конституционных ценностей, о ценностных приоритетах в рамках процессов правовой глобализации.

В связи с этим процессы правовой глобализации объективно нуждаются в конституционных оценках на уровне национальных государственно-правовых систем. Хотя в то же время нельзя не учитывать, что они естественным образом - не только в силу глобальных последствий, но и по самой своей природе - выходят далеко за пределы собственно национальных конституционно-правовых систем.

Необратимый процесс правовой глобализации и интеграции правовых систем четко прослеживается в решениях последних международных конференций и симпозиумов органов конституционного контроля.

Так, в заключительной декларации первой Всемирной конференции органов конституционного правосудия, состоявшейся в Кейптауне в январе 2009 года, отмечается, что возникает общая юриспруденция в области прав человека как на региональном, так и на всемирном уровне. Суды все больше при вынесении решений перенимают практику аналогичных судов других стран, что, несомненно, способствует развитию «перекрестного опыления» между судами.

Международный симпозиум, состоявшийся в марте 2009 года в Каире, также обратил особое внимание на дальнейшую интеграцию правовых систем, выработку соответствующих рекомендаций в обеспечении политических прав и свобод граждан.

Специалисты различных отраслей права едины в том, что основу глобальной юридизации общественных отношений в демократических государствах составляют, прежде всего, процессы правовой модернизации. Они могут быть представлены в различных аспектах:

а) институциональном, правотворческом, состоящем в сближении правовых систем современности;

б) правоприменительном, где особый интерес вызывает формирование наднациональных юрисдикционных органов;

в) утверждение новой правовой идеологии, нового типа правосознания и правовой культуры².

Весьма существенная роль в этой связи возлагается на органы конституционного контроля.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, которому исполняется 15 лет, внимательно изучает весь спектр взглядов на эти сложные вопросы, связанные с проблемами глобализации, и искикивает наиболее приемлемые пути своего развития. Это относится не только к совершенствованию конституционного законодательства, но и ко всей системе права современного Таджикистана.

В Таджикистане Конституционный Суд учрежден как специализированный орган конституционного контроля, который является независимым органом судебной власти и осуществляет свою деятельность в целях охраны и обеспечения верховенства и непосредственного действия норм Конституции, а также защиты прав и свобод человека и гражданина.

Введение государством Республики Таджикистан в свою правовую систему конституционного правосудия указывает на то, что государство предпочитает предоставлять полномочия по принятию решений о конституционно-правовых вопросах специализированному органу, так как специфика органа конституционного контроля, как и всей судебной власти, заключается в его относительном постоянстве, нейтральности и независимости.

Само создание этого нового органа в системе нашей государственности является ярким примером интеграции правовой системы Таджикистана с современными правовыми

² Исмаилов Б. И. Становление системы конституционного контроля в правоприменительной практике зарубежных государств. 2008. Всероссийская цифровая энциклопедия "ПОРТАЛУС". <http://www.portalus.ru/>

системами. Опыт развития европейских стран показывает, что создаваемые в послевоенный период в Европе органы конституционного контроля имели в качестве одной из главных задач защиту Конституции и обеспечение верховенства её норм, а также эффективную реализацию принципа разделения властей, которая закреплена в их конституциях.

Таким образом, обеспечение слаженной и согласованной работы законодательной, исполнительной и судебной властей сформировало важнейшую функцию конституционного контроля.

Придавая особое значение роли и месту Конституционного Суда в системе государственной и судебной власти, его компетенция закреплена в отдельной статье Конституции страны, с тем, чтобы он мог эффективно осуществлять судебную власть. Власть, которая возможна и эффективна лишь в контексте теории разделения властей, исключающей излишнюю концентрацию власти и гарантирующей гражданам подлинную свободу. Власть, которая является результатом самоограничения государства, допускающего контроль над собой со стороны независимого органа конституционного контроля.

Такой субъект в современных системах конституционного контроля, наряду с другими существующими субъектами, успешно выполняет свою функцию по защите Конституции и обеспечению её верховенства.

Конституционный Суд Республики Таджикистан по своей характеристике полностью соответствует природе и предназначению современных органов конституционного контроля.

В своей деятельности он осуществляет и **предварительный, и последующий виды** контроля нормативно-правовых актов.

Такие виды контроля характерны для всех существующих моделей конституционного контроля. Так, Конституционный Совет Франции и подобные ему органы конституционного контроля других стран проводят обязательный предварительный контроль законов.

Последующим видом контроля законов и других нормативно-правовых актов занимаются большинство органов конституционного контроля.

Конституционный Суд Республики Таджикистан также

осуществляет как **конкретный, так и абстрактный виды контроля**. Основное содержание американской системы конституционного контроля составляет конкретный контроль. Он предполагает, что конституционность нормативного акта может быть связана с конкретным делом, которое является предметом судебного рассмотрения. В порядке конкретного контроля конституционный контроль осуществляется также в других странах, где действует система индивидуальных обращений, т.е. конституционная жалоба.

Для европейской системы конституционного контроля характерен и абстрактный контроль. Он проявляется в том, что вопрос о конституционности нормативного акта или нормы решается независимо от какого-либо конкретного дела.

Конституционный Суд Республики Таджикистан также осуществляет **обязательный и факультативный виды контроля**, т.е. некоторые законы и нормативно-правовые акты подлежат обязательному контролю, а другие по инициативе субъектов обращения в Конституционный Суд.

Суд осуществляет и **решающий вид контроля**, т.е. его акты являются обязательными для исполнения всеми органами государственной власти и их должностными лицами.

По порядку вступления в силу акты Конституционного Суда Республики Таджикистан действуют после их принятия.

Конституционный Суд осуществляет **внешний контроль**, т.е. контроль за всеми нормативными правовыми актами, принятыми органами государства.

Как видно из предлагаемой характеристики Конституционного Суда Республики Таджикистан в нем аккумулируются и интегрируются положительные характеристики и основные моменты всех современных моделей конституционного контроля, относящихся к различным правовым системам.

Говоря о роли интеграционных процессов в развитии национальных систем права, а также в развитии института конституционного контроля, хотелось бы отметить, что осуществляемая государствами интеграция направлена как на повышение эффективности правовой системы, так и на повышение эффективности деятельности органов конституционного контроля.

Интеграционные процессы наблюдаются между анало-

гичными составляющими различных правовых систем, которые в силу своей специфики могут взаимодействовать с аналогичными элементами других правовых систем, и эффективность этого зависит от ее пределов.

В теории и практики отечественной правовой науки внимательно изучаются существующие системы, их особенности, общие и отличительные черты, тенденции развития, сравнительный анализ международного опыта и традиций.

Так, Конституционный Суд Республики Таджикистан изучил опыт работы с конституционной жалобой Конституционного трибунала Польши, а также Федерального Конституционного Суда Германии, конституционных судов земель Германии и на этой основе усовершенствовал свой Регламент работы.

Совершенствованию Регламента Конституционного Суда способствовал также и международный семинар, состоявшийся у нас, в Конституционном Суде в октябре 2009 года с участием судей из судов Германии, на тему: «Вопросы конституционного права и конституционного судопроизводства».

Для сближения и интеграции органов конституционного контроля и их развития существенное значение имеет сотрудничество Конституционного Суда Республики Таджикистан с конституционными судами других государств, в том числе с государствами - членами СНГ.

Этому также способствует и активная деятельность Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии, ежегодные конференции которой проходят в г. Ереване, где происходит обмен мнениями по самому широкому кругу вопросов деятельности конституционных судов и аналогичных органов, совершенствованию форм и методов их работы и соответствующего законодательства.

Конституционный Суд Республики Таджикистан одобряет и приветствует создание Всемирной конференции по конституционному правосудию как ведущий и очень важный интеграционный механизм современного общества для органов конституционного контроля. Его учреждение является новым, огромным шагом в процессе интеграции и углубления сотрудничества органов конституционного контроля государств мира и их правовых систем.

В настоящее время Конституционный Суд Республики

Таджикистан начал активное сотрудничество с Венецианской комиссией «За демократию через право» Совета Европы (Венецианской комиссией Совета Европы) с целью более рационального и широкого изучения передового опыта деятельности органов конституционного контроля ведущих стран мира, которые имеют свои давние и устоявшиеся традиции.

Участие представителей Конституционного Суда в конференциях и семинарах, проводимых под эгидой Венецианской комиссии Совета Европы, а также в ежегодных традиционных форумах Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии, обмен мнениями и информацией о международных стандартах защиты прав человека, а также по другим вопросам конституционного судопроизводства, безусловно, окажут самое положительное влияние на развитие правовой основы деятельности Конституционного Суда.

Развитию института конституционного контроля в Таджикистане придается важное значение и руководством нашей страны. Так, на основании Послания Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона Парламентом страны была разработана и в июне 2007 года принята Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан.

В частности, в этой Программе отмечается, что «одной из главных ценностей Конституции суверенного Таджикистана является верховенство и непосредственное действие её норм. С целью обеспечения этих ценностей и защиты Конституции был создан Конституционный Суд, более чем десятилетняя деятельность которого доказала необходимость и значение этого органа для новой таджикской государственности, а также показала, что для прогресса и развития общества необходимо укрепление статуса и роли Конституционного Суда».

На основе этой Программы в марте 2008 года были внесены дополнения и изменения в Конституционный закон «О Конституционном Суде Республики Таджикистан». В соответствии с этим законом Конституционный Суд наделён новыми, весьма важными полномочиями. Теперь он будет определять соответствие Конституции проектов изменений и дополнений, вносимых в Конституцию Республики Таджикистан, проектов законов и других вопросов, представляемых на всенародный референдум. Кроме того, существенно расши-

рен круг субъектов, имеющих право обращения в Конституционный Суд.

Касаясь правового статуса органа конституционного контроля, надо отметить, что понятие «конституционный контроль» непосредственно связывается с наличием Конституции, защитой конституционно закрепленных норм и принципов, обеспечивающих установленный баланс полномочий высших органов власти. Важное значение имеет также обеспечение конституционных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Его правовой статус обусловлен спецификой его полномочий и положением в системе органов государственной власти. Он стоит в одном ряду с другими ветвями власти и посредством реализации своей конституционной компетенции оказывает непосредственное воздействие на процесс правотворчества в стране.

Главная миссия конституционного контроля заключается в обеспечении верховенства и стабильности Конституции и сохранении конституционного баланса разделения властей. Он выступает механизмом сдержек и противовесов, и главной его задачей является обнаружение, оценка и восстановление нарушенного равновесия.

На уровне Конституции закреплено, что решение Конституционного Суда Республики Таджикистан является окончательными.

Особый статус Конституционного Суда состоит в наделении его так называемыми законодательными функциями. Этот тезис раскрывается в двух аспектах:

Во-первых, конституционные суды являются «негативными законодателями», отменяют законы и другие нормативные акты либо их отдельные положения в силу их несоответствия Конституции.

Так, решением Конституционного Суда Республики Таджикистан был признан неконституционным и утратил силу Указ Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан от 15 ноября 1993 года о приостановлении действия ряда статей Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан, которыми запрещалось обжалование в суде ареста или продление срока содержания под стражей и судебной проверки обоснованности ареста. Было возобновле-

но действие приостановленных статей УПК Республики Таджикистан, и у граждан вновь появилась возможность беспрепятственно обращаться в суд по указанным вопросам.

Постановлением Конституционного Суда Республики Таджикистан, были признаны неконституционными, и утратили силу ряд статей Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистана, согласно которым стороны и другие участники процесса лишались права обжалования и опротестования решений и определений Верховного Суда Республики Таджикистан, вынесенных при рассмотрении дел по первой инстанции.

Данное постановление дало участникам процесса право обжалования и принесения кассационного протеста на решения и определения Верховного Суда Республики Таджикистан при рассмотрении дел по первой инстанции.

Во-вторых, Конституционный Суд Республики Таджикистан в известной мере выступает в качестве и позитивного законодателя. Он содействует парламенту в осуществлении их законодательных полномочий. Это выражается, прежде всего, в рекомендациях законодателю осуществить необходимое нормативно-правовое регулирование в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Республики Таджикистан, выраженными в его решениях.

В этих случаях его правовые позиции выступают материальными критериями нового правового регулирования, задают ему известные параметры, являются своеобразными моделями будущих правовых норм.

Так, в минувшем году Конституционный Суд, рассмотрев дело «Об определении соответствия статей 371 и 372 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан статье 19 Конституции Республики Таджикистан», признав эти статьи соответствующими Конституции, рекомендовал Парламенту страны с учетом имеющейся в настоящее время практики изучить и рассмотреть целесообразность существующего порядка предварительного рассмотрения надзорной жалобы или протеста.

Таких примеров в деятельности Конституционного Суда немало.

Следует отметить, что нормативный характер постанов-

лений Конституционного Суда, как и любого нормативно-правового акта, состоит в том, что они, во-первых, имеют обязательный характер, будучи рассчитанными на неопределенный круг лиц, во-вторых, они с неизбежностью предполагают многократное применение.

Нельзя не согласиться с мнениями большинства специалистов в области конституционного судопроизводства в том, что правовые позиции Конституционного Суда ближе всего находятся к прецеденту и в силу этого его правовые позиции следует считать источниками права.

Следует также отметить, что юридическая сила итоговых решений Конституционного Суда превышает юридическую силу любого закона, а соответственно она практически равна юридической силе самой Конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного Суда, относящихся к соответствующим нормам, и тем более вопреки этим решениям. Такая оценка бесспорна и в полной мере относится и к решениям Конституционного Суда Республики Таджикистан.

В завершение своего выступления хотелось бы подчеркнуть, что гармонизация правовых актов и норм действующего законодательства с зарубежным правом предполагает, с одной стороны, соблюдение Республикой Таджикистан взятых на себя международных обязательств, а с другой - придание национальной правовой системе максимальной сбалансированности и эффективности.

В свою очередь, эффективность национальной правовой системы определяется качеством функционирования её элементов (законодательство, правотворчество, правоприменение, правовое просвещение и т.д.), взаимосвязей между ними, а также взаимосвязей между правом и иными социальными системами.

Существует объективная потребность интеграции Таджикистана в мировое правовое пространство, определение возможностей адаптации зарубежного опыта в условиях таджикской действительности, так как учёт зарубежной правовой культуры дает новые идеи и направления для развития таджикского законодательства, определения правовой политики государства.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своем поздравительном послании первому заседанию вновь избранному Парламенту в марте 2010 года поставил перед законодательным органом определенные задачи. В частности, он отметил, что «в условиях, когда сегодняшний мир стремительно движется к глобальной информационной цивилизации, беспрецедентным преобразованиям в науке и технике, острому экономическому противостоянию, наша правовая система также должна быть современной, соответствовать развитию общественной жизни и отвечать экономическим, социальным и политико-культурным отношениям в цивилизованном мире.

Отсюда законотворческая политика, наряду с защитой национальных интересов Таджикистана, должна соответствовать требованиям и нормам международного права, правового регулирования новых экономических отношений, особенно предпринимательской и рыночной деятельности».

Мы исходим из того, что логика современного научного подхода к изучению мировых правовых систем состоит в последовательном раскрытии их общих черт и особенностей, классификации по национальному, географическому и иным внешним и внутренним критериям. Таким образом, при любой интеграции правовых систем должны сохраняться основные принципы Конституции и её ценности.

И в этом направлении наравне с другими национальными правовыми институтами, особенно, возрастает роль конституционных судов как «негативного и позитивного законодателя», выбраковывающего дефектные правовые нормы из правовой системы и тем самым выполняющего особую роль по защите Конституции и обеспечению её верховенства.

Спасибо за внимание.

Б. Худояров

*Министр юстиции Республики Таджикистан
кандидат юридических наук, доцент*

Конституционный Суд и защита прав семьи в Таджикистане

Конституция Республики Таджикистан, принятая всенародным голосованием 6 ноября 1994 года, впервые в истории правовой системы Республики провозгласила принцип «разделения властей».

Организация Конституционного Суда берет свое начало от Конституции Республики Таджикистан, в силу которой Конституционный Суд Республики Таджикистан как независимый орган судебной власти учрежден в целях защиты, обеспечения верховенства и непосредственного действия Конституции Республики Таджикистан и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Как показывает анализ, конституционный механизм «сдержек и противовесов» предоставляет исполнительной и законодательной властям средства сдерживания судебной власти, главным образом посредством процедуры отбора и назначения судей и контролирования объема юрисдикции судов. Одним из способов сдерживания *законодательной и исполнительной властей* является судебный конституционный надзор - власть Конституционного Суда Республики Таджикистан принимать решения о конституционности нормативных актов двух других ветвей власти.

В первое десятилетие истории независимости страны механизм судебного конституционного надзора приводился в действие довольно редко. Сегодня же это одна из главных движущих сил в развитии права и государства, и ее действие сказывается на балансе составляющих элементов унитарнос-

ти, разделения властей и на взаимоотношениях личности с органами государственной власти всех уровней. По Конституции акты Конституционного Суда являются окончательными.

Государство также заинтересовано в осуществлении защиты прав и интересов семьи, в том числе детей. Одной из гарантий осуществления такой защиты является правовое регулирование данной проблемы. Конституция провозглашает, что семья как основа общества находится под защитой государства, под особой защитой и покровительством государства находится ребенок, а также в ней закреплен основополагающий принцип, по которому родители ответственны за воспитание детей. Защита на конституционном уровне распространяется на все отношения, связанные с семьей. Она означает, что государство проявляет заботу о семье, принимает меры по охране материнства и детства, по укреплению семьи, прав и интересов детей и других членов семьи. Следовательно, в Конституции заложена правовая основа государственной защиты семьи и этим признается, что семья, брак, рождение детей являются не только частным делом участников семейных правоотношений, а имеют большое государственно-общественное значение¹.

Защита семьи осуществляется определенными законом способами, с использованием определенных средств как судебными, так и административными органами.

Статистика показывает нарастающие темпы расторжения брака в органах записи актов гражданского состояния. Так, в Республике Таджикистан в 2007 году расторгнуто 4814 браков, в 2008 году - 5307, в 2009 году - 5841 брак. Поэтому правовое регулирование этих отношений, связанных с укреплением семьи, с учетом защиты прав и интересов детей является насущной необходимостью, так как от этого зависит не только дальнейшая судьба детей, но и уменьшается напряженность социальных проблем в обществе.

Важнейшая роль в регулировании семейных отношений продолжает принадлежать конституционному праву. Вытека-

¹ Подробнее о государственной защите семьи см.: Худояров Б. Т. Защита прав и интересов детей по семейному праву Республики Таджикистан. – Душанбе: ТГНУ, 2000. - С. 25-27; Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд. доп. - М.: "Статут", 2006. - С. 152; Королев Ю. А. Правовые аспекты защиты семьи государством // Сов. гос. право. 1987. - №5. - С. 19-20.

ет это из особенностей норм этой отрасли, ибо специфической целью конституционно-правового регулирования является внесение единообразия и стабильности в социальную жизнь страны, в том числе и семейные отношения, путем установления общих правил для всех физических и юридических лиц, укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, создания общеобязательной системы типовых масштабов поведения. Конституция занимает ведущее место во внутригосударственном механизме реализации и защиты семейных отношений, поскольку не только закрепляет и провозглашает перечень основных семейных прав и свобод человека, но и по своему статусу призвана быть юридическим гарантом их осуществления и правовой защиты.

На основе норм Конституции, направленных на защиту семьи и в целях их реализации приняты отдельные отраслевые законы, которые являются частью государственной защиты семьи. В том числе, для приведения в соответствие с требованиями Конституции Республики Таджикистан 3 декабря 2009 года принят Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, 13 ноября 1998 года принят новый Семейный кодекс Республики Таджикистан, 21 мая 1998 года принят новый Уголовный кодекс Республики Таджикистан, 15 мая 1997 года принят новый Трудовой кодекс и т.д.

В статье 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан законодатель предусмотрел норму о недопустимости предъявления мужем требования о расторжении брака без согласия жены во время ее беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка; глава 44 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан полностью посвящена производству по делам о преступлениях несовершеннолетних; глава 12 Трудового кодекса Республики Таджикистан предусматривает дополнительные гарантии для женщин и лиц с семейными обязанностями, то есть законодатель специально оговаривает меры, направленные на укрепление и защиту прав и интересов семьи.

Эти законы также приняты с учетом требований международно-правовых актов, в частности Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международного пакта о

гражданских и политических правах, Конвенции о правах ребенка, которые признаны Республикой Таджикистан.

Синтез судебного конституционного надзора и государственной защиты семьи ярко проявился в Постановлении Конституционного Суда Республики Таджикистан от 1 июля 2009 года по делу «Об определении соответствия статьи 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан части 2 статьи 17 и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан».

В статье 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан содержится имевшаяся и в прежнем законодательстве норма о недопустимости предъявления мужем требования о расторжении брака без согласия жены во время ее беременности и в течении полутора лет после рождения ребенка. Данное ограничение действует при подаче мужем искового заявления в суд. Оно направлено на ограждение женщины в период беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка от ненужных волнений и переживаний, связанных с разводом, а значит на охрану здоровья матери и ребенка. Требования данной статьи применяются в любых жизненных ситуациях независимо от места проживания ребенка, не достигшего возраста полутора лет (с матерью, с бабушкой или бабушкой, отцом или другими лицами). Введенный в рассматриваемой статье запрет распространяется только на действия мужа. Что же касается жены, то она вправе в любой момент возбудить дело о расторжении брака, в том числе во время ее беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка.

Один из судей суда района Шохмансур города Душанбе обратился с представлением в Конституционный Суд Республики Таджикистан, обосновав это тем, что положения данной статьи противоречат требованиям части 2 статьи 17 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой «мужчины и женщины равноправны» и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой «в семейных отношениях и при расторжении брака супруги равноправны» и, следовательно, ограничивает конституционное равноправие мужчины и женщины в вопросах расторжения брака.

Таджикистан в своём становлении в качестве независимого светского государства избрал модель социального государства, что закреплено в его Конституции и чем обусловлены приоритеты государственной политики в сфере социальной защиты и социального развития. В этом аспекте проблема государственной поддержки семьи и детства признаётся государством высшим приоритетом. Это связано не только с самим общепризнанным статусом упомянутых социальных институтов, но и с насущными задачами, продиктованными особенностями прошедшего с момента приобретения независимости периода.

В этой связи следует отметить, что Правительство страны повысило политические обязательства и укрепило потенциал по приведению социальных реформ в соответствии с реализацией Целей Тысячелетия (ЦРТ) и Плана действий «Мир, пригодный для жизни детей», а также прав и интересов несовершеннолетних детей и женщин.

Основными принципами государственной политики в области семейных правоотношений в Республике Таджикистан провозглашены: а) самостоятельность и автономность семьи; б) равенство семей и всех их членов в праве на поддержку независимо от социального положения, национальности, места жительства и религиозных убеждений; в) приоритет интересов каждого ребенка независимо от очередности рождения и от того, в какой семье он воспитывается; г) партнерство семьи и государства, разделение ответственности за семью; д) принятие на себя государством обязательств по защите семьи от нищеты и лишений; е) преемственность и стабильность мер государственной политики в сфере семьи.

С приобретением независимости, Республика Таджикистан вступила на путь радикальных социально-экономических преобразований в обществе и стремится к достижению целей, которые являются приоритетными: сохранение мира и безопасности граждан, социальной стабильности и национального согласия, соблюдение конституционных прав граждан, в том числе ребёнка, возрождение национальных культурных, духовных, нравственных традиций; успешное проведение реформ в области повышения качества образования, создания условий для роста образовательного интеллекту-

ального потенциала общества, а также принятии мер по предоставлению качественных доступных услуг в системе здравоохранения и социальной защите семьи и ребёнка.

Республика Таджикистан, следуя миролюбивой, мудрой политике главы государства, развиваясь в духе демократии, строго придерживается обязательств, принятых в сфере прав и свобод человека в соответствии с признанными ею международно-правовыми актами. Таджикистан, являясь полноправным членом ООН, придаёт огромное значение правам человека на современном этапе развития мирового сообщества, так как человеческое измерение является главным критерием характера внутренних реформ таджикского общества и его внешнеполитического курса.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, всесторонне проанализировав спорные вопросы вышеназванного представления судьи, отметил, что Республика Таджикистан с учетом международно-правовых актов в области прав человека, опираясь на свои культурные ценности, считает семью важнейшей основой общества, отразила их основные идеи в своей Конституции и законодательстве.

Конституционный Суд Республики Таджикистан в упомянутом постановлении также отметил, что равноправие мужчины и женщины в вопросах расторжения брака рассматривается в контексте защиты имущественных и неимущественных прав и интересов беременной женщины, кормящей матери, приоритета воспитания ребенка и заботы о его развитии, а также обеспечения прав и интересов матери и ребенка, т.к. «материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь» и требуют, чтобы к детям относились как к лицам, не достигшим физического и умственного развития, нуждающимся в особой заботе, защите и воспитании, а в необходимых случаях, предусмотренных законодательством, их права и интересы ставились выше, чем интересы их родителей.

Статья 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан, ограничивая права мужа на расторжение брака, конкретизирует принцип семейного законодательства, в соответствии с которым права некоторых членов семьи могут быть ограничены в той мере, в которой это необходимо для обеспечения

нравственности, здоровья, прав и интересов других членов семьи. В этом случае законодатель устанавливает высокий барьер для защиты здоровья, имущественных и неимущественных прав и интересов беременной женщины, матери с грудным ребенком и запрещает мужу требовать расторжения брака.

Положение, предусмотренное частью 6 статьи 1 Семейного кодекса Республики Таджикистан, в соответствии с которым «права граждан в семье могут быть ограничены только на основании семейного законодательства и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав, законных интересов, нравственности и здоровья других членов семьи и граждан», соответствует части 3 статьи 14 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой «ограничения прав и свобод граждан допускаются только с целью обеспечения прав и свобод других граждан».

С другой стороны, важнейшим и ценным проявлением в международно-правовых актах и в национальном законодательстве является то, что во всех отраслях законодательства, в том числе в уголовном, административном, трудовом, семейном и других учитываются физиологические и биологические особенности женщины и ее общественное положение как продолжателя человеческого рода, и это ни при каких обстоятельствах не противопоставляется принципу равноправия мужчины и женщины, то есть равноправие мужчины и женщины признается полным, с учетом вышеуказанных особенностей и положения женщин в обществе.

Эта привилегия женщины никоим образом не означает злоупотребление женщиной своим правовым положением при расторжении брака, а наоборот, это обстоятельство еще раз свидетельствует о месте и ответственности женщины в рождении, воспитании, представлении обществу здоровых детей, и такое положение соотносится с частью 1 статьи 34 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которой «мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства».

Таким образом, Конституционным Судом Республики Таджикистан был сделан вывод о том, что статья 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан, которая запрещает му-

жу без согласия жены обращаться в суд о расторжении брака во время беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка, принята с учетом приоритета воспитания ребенка, обоюдного участия родителей в процессе их воспитания, материальной и психологической поддержки матери во время беременности и после нее, заботы о матери и ребенке, приоритетности их прав и интересов и соответствует части 2 статьи 17 и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан².

Суды общей юрисдикции и экономические суды рассматривают конкретные жизненные ситуации, касающиеся прав и интересов семьи и решают конкретные споры. Конституционный Суд же разбирает конкретное дело, но решение распространяется на неопределенный круг субъектов однородных правоотношений. К примеру, рассмотренное Конституционным Судом дело «Об определении соответствия статьи 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан части 2 статьи 17 и части 2 статьи 33 Конституции Республики Таджикистан» для судов общей юрисдикции является основанием для применения закона (нормативно-правового акта), по которому принято решение. В случае же принятия Конституционным Судом решения о несоответствии конкретного нормативно-правового акта либо его части конституционному принципу суды общей юрисдикции, экономические суды в своей правоприменительной практике не должны применять эти нормы. Полагаем, что неисполнение судами этого требования можно считать основанием для отмены принятого решения. Это обстоятельство целесообразно включить в процессуальное законодательство Республики Таджикистан.

Споры по вопросам, упомянутым в постановлении Конституционного Суда Республики Таджикистан, происходят во многих странах мира. К примеру, в Соединенных Штатах Америки критика позиции Верховного Суда США в области прав женщин так же разнообразна, как и взгляды на положение женщин в обществе. Некоторые убеждены, что Верховный Суд должен отнести юридическое различие людей по половому признаку к классификациям по вызывающим подозрение ос-

² Сборник решений Конституционного Суда Республики Таджикистан. - Душанбе: «ЭР-граф», 2010. - С. 224-229.

нованиям, и отменить ранее установленные подобные классификации, включая даже те, которые приняты во благо женщин. Другие поддерживают законы, которые предоставляют женщинам специальную правовую защиту на том основании, что они необходимы с практической точки зрения. Такие законы нужны для того, чтобы противодействовать установленным обществом еще в прошлом ограничениям правоспособности женщин, а также нынешней практике ограничений.

Данное противоречие взглядов с очевидностью проявилось в деле, поднявшем вопрос о конституционности закона штата Калифорния, который требовал от работодателя предоставлять всем работающим женщинам неоплачиваемый отпуск по беременности сроком на 4 месяца и право быть восстановленными на «существенно схожей должности» по возвращении из отпуска. Данный закон был необходим для того, чтобы обеспечить равенство возможностей в трудоустройстве, учитывая препятствия, которые женщины встречают на рабочем месте. Верховный Суд признал закон соответствующим Конституции США³.

Как бы не характеризовались подходы Конституционного Суда Республики Таджикистан к конституционному решению дел, большинство из них можно назвать гибкими. Результатом их применения является то, что значительная часть свода норм конституционного права не может быть соотнесена с текстом Конституции путем приведения в действие традиционных средств, используемых при толковании других форм нормативных актов. В связи с этим в большинстве случаев целесообразней говорить, что закон нарушает не Конституцию, а принцип, который закрепляет Конституция.

³ См. Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки. - Москва: РИО «Новая юстиция», 2006. - С. 586.

М. Рахимов

*Директор национального центра
законодательства при Президенте Республики
Таджикистан, доктор юридических наук, профессор*

Вопросы устранения противоречий законодательства в решениях Конституционного Суда Республики Таджикистан

Противоречия, встречающиеся во всех отраслях законодательства, являются негативным явлением правовой действительности. Проблема выработки эффективных мер преодоления таких противоречий во все времена привлекала внимание правоведов, остается она актуальной и в наши дни.

Существует множество проявлений противоречий в правовой системе. Так, ряд противоречий обусловлен объективными процессами. Роль закона падает, возрастает роль локального нормотворчества, увеличивается роль международного нормотворчества. Где-то право обгоняет объективные процессы, но бывают и задержки в развитии отраслей и институтов.

Низкое качество нормативных правовых актов также создает определенные противоречия. И в этой связи следует развивать и совершенствовать такие механизмы предотвращения юридических противоречий, как диагностика, аналитика и прогнозирование противоречий.

Проблема устранения противоречий между нормативно-правовыми актами, в том числе между нормами Конституции и другими нормативно-правовыми актами в настоящее время является одним из направлений в законотворческой политике Республики Таджикистан. Об этом не раз в своих выступлениях подчеркивал Президент РТ Э. Рахмон. Так, в ходе

выступления, посвященного 15 годовщине принятия Конституции РТ, Президент РТ отметил, что развитие демократического и правового государства невозможно без разработки и принятия качественных законов¹. В осуществлении указанных механизмов предотвращения возникновения противоречий в законодательстве особую роль играет деятельность Конституционного Суда РТ.

Конституционный Суд Республики Таджикистан является органом государственной власти, входящим в судебную систему Республики Таджикистан. Конституция и действующее законодательство Республики Таджикистан характеризуют Конституционный Суд как судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

В соответствии с действующим законодательством Республики Таджикистан Конституционный Суд Республики Таджикистан является органом судебной власти по защите Конституции Республики Таджикистан. Основной целью его учреждения и деятельности является обеспечение верховенства и непосредственного действия норм Конституции на территории Республики Таджикистан, защита Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Осуществляя названные цели, Конституционный Суд, вместе с тем своими действиями способствует устранению противоречий между нормами Конституции и других нормативно-правовых актов. Так как Конституционный Суд Республики Таджикистан согласно закону рассматривает вопросы о нарушениях конституционных прав и свобод граждан по примененным или подлежащим применению закону и другому правовому акту в конкретном правоотношении, а также определяет соответствие Конституции Республики Таджикистан закона, другого правового акта и руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда Республики Таджикистан, Высшего экономического суда Республики Таджикистан, примененных судом в их отношении в конкретном деле. Поэтому важное значение в деятельности Конституционного Суда имеет устранение противоречий законов и других нормативно-правовых актов нормам Конституции Республики Таджикистан.

¹ См.: Садои мардум, 9 ноября 2009 года №128 (2504).

Надо отметить, что Конституционный Суд Республики Таджикистан при осуществлении своих полномочий реализует не только требование части 1 статьи 10 Конституции РТ, согласно которому не только законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы, но и разъяснения Пленумов Верховного суда и Высшего экономического суда, которые не соответствуют Конституции.

Реализуя судебную власть, Конституционный Суд принимает постановления (решения). Именно через свои постановления Конституционный Суд обеспечивает прямое действие Конституции Республики Таджикистан и устраняет противоречащие Конституции неконституционные акты. Ибо применение неконституционных актов ведет, в конечном счете, к нарушению конституционных прав и свобод граждан. Тем самым при применении нормативно-правовых актов, противоречащих Конституции, ответственность может понести невиновный или мера ответственности может быть назначена в нарушение столь важного принципа ответственности, как справедливость. Тем самым, реализуя свою компетенцию, Конституционный Суд обеспечивает реализацию принципа соблюдения конституционной законности.

Согласно Конституционному закону РТ «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» предметом конституционной жалобы является нарушивший конституционные права и свободы человека и гражданина действующий в Республике Таджикистан закон или другой правовой акт, противоречащий Конституции. Поэтому в Конституционный Суд можно обращаться как по поводу законов (включая конституционные законы), так и по поводу подзаконных нормативно-правовых актов, нарушивших права и свободы граждан. При этом предметом обращения в Конституционный Суд может быть как закон в целом, так и отдельные положения закона или других нормативно-правовых актов, противоречащие Конституции.

Как правильно отмечается в юридической литературе, при объявлении неконституционным какого-либо правового акта в целом, он попросту «выпадает» из ряда нормативных регуляторов, хотя и не был отменен органом его издавшим. В случае же признания неконституционной какой-либо части правового акта, мы получаем, по сути, новый акт, потому что

старый теряет свою целостность. Содержание двух этих актов различно. Второй акт, полученный в результате трансформации первого в ходе проверки его конституционности, исходит от Конституционного Суда².

Установление противоречий и пробелов не означает их выискивания. На практике оно начинается объективно: с того, что какой-то орган, должностное лицо, гражданин затрудняются в решении дела из-за отсутствия правового инструмента, позволяющего ответить на все вставшие перед ними вопросы. Для нормотворческих органов это даже не один, отдельно взятый казус, а ряд возникающих отношений. Таким образом, в основном юридическая практика питает идеи о существовании противоречий и пробелов и необходимости их устранения.

Деятельность по установлению противоречий тесно связана с правотворчеством. Эта связь проявляется в установлении противоречий и деятельности компетентных органов по устранению противоречий (разработка нормативного акта, проверка обоснованности такого законодательного предложения и принятие нормативного акта).

Обнаружение существующих противоречий и пробелов, причин их появления, выделение различных видов, равно как и определение средств установления пробелов в каждом конкретном случае не представляет собой самоцели. Решение указанных вопросов составляет основу разрешения проблемы устранения противоречий и восполнения пробелов в праве.

Восполнение пробелов и устранение противоречий в законодательстве есть логическое продолжение и вместе с тем завершающая стадия деятельности по их установлению. Необходимость устранения противоречий и пробелов очевидна. Сложность данного процесса заключается в решении таких вопросов, как: кто призван устранить возникшие противоречия и пробелы, в каких пределах допустима деятельность по восполнению пробелов определенными органами и какие средства для этого используются.

² Саликов М.С. Источник конституционного права: проблемы структуризации и внутрисистемные противоречия. // Проблемы науки конституционного права / Отв. ред. Кокотов А.Н., Кукушкин М.И. - Екатеринбург, 1998. - С. 60.

Для ответа на эти вопросы важна деятельность судебных органов, и, особенно, Конституционного Суда. При наличии противоречий в законодательстве Конституционный Суд РТ формулирует нормы, вносящие своего рода дополнения в действующую систему нормативного регулирования общественных отношений. Своим содержанием они имеют правило поведения общего характера, которое обращено отнюдь не к определенному субъекту, а к неопределенному кругу лиц. Единичное применение никогда не исчерпывает содержания постановления Конституционного Суда.

Деятельность Конституционного Суда по восполнению пробелов и устранению противоречий в законодательстве обусловлена самим фактом существования пробелов в законе и тем, что процедура принятия нормативных актов требует известного времени. И в данном аспекте постановление Конституционного Суда является существенным подспорьем для своевременного и оперативного устранения противоречий и пробелов в законодательстве.

Следует подчеркнуть, что граждане могут оспорить в Конституционном Суде нормы законов, примененные в их конкретном деле (конкретном правоотношении). Принципиальным является то, чтобы это были действующие законы и другие правовые акты. В случае, если гражданин обращается в Конституционный Суд с просьбой проверить конституционность норм, утративших силу к моменту обращения в Конституционный Суд, такая жалоба не будет принята к рассмотрению.

Однако из этого правила есть исключение. Если законом или другим правовым актом, противоречащим Конституции, были нарушены права и свободы гражданина, а после отмены или изменения этого закона или другого правового акта права гражданина не были восстановлены, то жалоба может быть принята к рассмотрению. Поэтому, оспаривая в Конституционный Суд уже не существующий закон или другой правовой акт, противоречащий Конституции, необходимо доказать, что негативные последствия его применения существуют и по сей день и преодолеть их без обращения к конституционному правосудию невозможно.

Что касается вопроса, связанного с подзаконными нормативными актами (совместные постановления Маджлиси

милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, постановления Маджлиси милли, постановления Маджлиси намояндагон, Указы Президента, постановления Правительства, правовые акты министерств, ведомств, местных органов государственной власти, органов местного самоуправления в поселке и селе и т.д.), то его также можно обжаловать в Конституционном Суде.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что итоговое постановление Конституционного Суда Республики Таджикистан принимается при проверке конституционности законов и других нормативных правовых актов, международных договоров, при разрешении споров о компетенции между государственными органами, по жалобам граждан и запросам судов.

При осуществлении конституционного контроля в отношении вышеупомянутых объектов Конституционный Суд РТ принимает одно из следующих постановлений:

- Постановление Конституционного Суда о признании данного акта или международно-правового акта соответствующим Конституции РТ;

- Постановление Конституционного Суда о признании данного акта или международно-правового акта противоречащим (несоответствующим) Конституции РТ.

По юридическим последствиям принятое постановление является обязательным и окончательным решением Конституционного Суда по существу рассмотренного дела. Именно в постановлениях Конституционный Суд выражает свои правовые позиции по отношению к тем вопросам, которые исследовались при рассмотрении конкретного дела. Через постановление определяется отношение к конституционности закона, а также проявляется властный и распорядительный характер итогового решения. В постановлении Конституционного Суда содержатся не только выводы Конституционного Суда о конституционности или противоречии (неконституционности) оспариваемого правового акта Конституции, но и новая правовая норма³. Таким образом, мы можем констатировать, что постановление Конституционного Суда влечет

³ Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. - С. 49-55

за собой фактическую отмену любого правового акта, независимо от его юридической силы, как противоречащего Конституции РТ.

Тем самым мы можем утверждать, что постановления Конституционного Суда РТ носят нормативно-правовой, правоустанавливающий характер и должны исполняться в обязательном порядке. Следует согласиться с мнением Р.З. Лившица, который указывает, что «законодательная, исполнительная и судебная власти осуществляют управление обществом, каждая своими средствами. Представительная власть принимает самые важные общие правила – законы, исполнительная – во исполнение законов принимает более конкретные правила, судебная власть принимает правила, дающие разрешение спорных ситуаций»⁴.

Законы и иные нормативные правовые акты или их отдельные положения, признанные Конституционным Судом противоречащими Конституции, утрачивают силу, одновременно отменяя действие других нормативных правовых и иных актов, основанных на акте, признанном неконституционным. Решения судов и иных органов, основанные на нормативно-правовом акте, признанном противоречащим Конституции, исполнению не подлежат. Таким образом, в соответствии со статьей 89 Конституции Республики Таджикистан и статьей 16 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» акты Конституционного Суда Республики Таджикистан являются окончательными, обжалованию не подлежат и обязательны к исполнению всеми органами, организациями, должностными лицами и гражданами, к которым они обращены. При этом свойство обязательности, прежде всего, означает, что акт, признанный противоречащим Конституции, не может более исполняться, применяться или реализовываться иными способами и не может впредь служить основой для принятия других правовых актов.

Таким образом, благодаря деятельности Конституционного Суда, существует возможность по своевременному устранению пробелов и противоречий, которые существуют в

⁴ См.: Холиков К.Н. Конституционный Суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. – С. 126.

законодательстве. Принимая постановления о признании нормативно-правового акта утратившим силу или отменяя его, Конституционный Суд тем самым устраняет противоречие между нормами Конституции и других нормативно-правовых актов.

Конституционный Суд рассматривает именно те дела, в которых обнаруживаются несоответствия Конституции РТ. Нередко постановления, принимаемые Конституционным Судом РТ, могут выступать в качестве основания для существенных изменений в правотворческой деятельности.

Так, Конституционным Судом РТ уже был принят ряд постановлений о признании нормативного акта либо отдельного его положения несоответствующим Конституции РТ, которые существенно повлияли на правотворческую деятельность и на развитие законодательства, в частности трудового, уголовного, процессуального законодательства.

В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда РТ от 12 июня 2001 года по делу «Об определении соответствия Конституции РТ части 5 статьи 329 и части 2 статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса РТ». Суть данной жалобы заключалась в том, что в соответствии со статьей 33 Уголовно-процессуального кодекса РТ от 1961 года Верховный Суд имел право принимать к рассмотрению дела по особо тяжким и общественно значимым делам в качестве суда первой инстанции. Однако в соответствии с положениями части 5 статьи 329 Уголовно-процессуального кодекса РТ от 1961 года на решения Верховного Суда невозможно было приносить кассационную жалобу или протест. В результате, граждане, дела которых рассматривались Верховным Судом в качестве суда первой инстанции, не имели возможности обжаловать приговор, вынесенный в их отношении Верховным Судом, что противоречило требованиям статей 17, 19 и 20 Конституции РТ. Изучив все обстоятельства дела, Конституционный Суд РТ пришел к выводу, что данная норма уголовного-процессуального кодекса действительно противоречит указанным статьям Конституции и своим Постановлением признал ее недействительной.

Данное Постановление Конституционного Суда сыграло судьбоносную роль, и право на обжалование судебных реше-

ний было признано как неотъемлемое право подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Тем самым был изменен подход в решении данного вопроса на законодательном уровне и был устранен пробел в законодательстве РТ.

Другим наглядным примером является Постановление Конституционного Суда от 23 мая 1996 года по делу «Об определении соответствия Конституции РТ статьи 226 Кодекса законов о труде РТ». Суть данного дела заключалась в том, что в соответствии со статьями 226 Кодекса законов о труде РТ определенная категория работников, к числу которых относились прокуроры, не имела права обжаловать в суде решения о своем увольнении, переводе на другую должность и ряд других обстоятельств, связанных с их трудовой деятельностью. Изучив все обстоятельства дела, Конституционный Суд пришел к выводу, что положения статьи 226 Кодекса законов о труде РТ противоречат статье 19 Конституции РТ, которая устанавливает возможность равного доступа граждан к справедливому и беспристрастному суду.

Данное Постановление Конституционного Суда существенно повлияло на дальнейшее развитие трудового законодательства и закрепило принцип равенства во всех трудовых отношениях.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что постановления Конституционного Суда являются важным источником права, благодаря которому устраняются противоречия и пробелы законодательства. Также следует отметить, что ценность постановления Конституционного Суда заключается в том, что они выносятся от имени государства, являются общеобязательными, т.е. распространяются не только на участников процесса, но и на другие органы, в том числе - на суды. Необходимо также подчеркнуть, что итоговое решение Суда принимается в виде постановлений, а такое наименование акта присуще обычно государственно-правовым актам.

Главная же ценность постановлений Конституционного Суда заключается в том, что они вызывают правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения определенных правоотношений.

Ф. Тахиров

*Директор института государства и права АН
Республики Таджикистан, академик,
доктор юридических наук, профессор*

Место Конституционного Суда в системе правоохранительных органов Республики Таджикистан

Более точное, вернее, правильное определение места и в целом правового статуса Конституционного Суда в сфере правоохранительной деятельности, безусловно, будет способствовать выявлению роли и значения этого института государственности в процессе реализации закрепленных Конституцией страны идей и принципов демократического, правового, светского и социального государства в Таджикистане.

Конституционный контроль, реализуемый в процессе конституционного правосудия и направленный главным образом на охрану Конституции – Основного Закона страны путём выявления правовых актов и действий государственных органов или должностных лиц, противоречащих конституционным нормам, а также на принятие мер по устранению соответствующих отклонений, следует рассматривать как одну из форм проявления правоохранительной деятельности. При этом следует отметить, что не только Конституционный Суд, который является единственным специализированным органом судебной власти по защите (охране) Конституции¹, которая занимает особое место в системе законов, но и все органы судебной власти осуществляют правоохранительную деятельность, о чем свидетельствует вся история развития судебных органов Таджикистана и других стран в области защиты прав и свобод личности, интересов государства и в целом правопорядка в обществе.

¹ Более подробно см.: Холиков К.Н. Конституционное судопроизводство в Таджикистане. – Душанбе: «Эр-Граф», 2010.

Хотя в законодательстве отсутствует специально сформулированное понятие «правоохранительные органы», но в процессе многолетней практики, в научной и методической литературе, в средствах массовой информации это понятие используется весьма широко и вполне правомерно.

Обычно правоохранительными органами считают государственные органы, основными функциями которых являются специализированная деятельность по охране законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, общественных и государственных институтов, борьба с преступностью². Наряду с термином «правоохранительные органы» в этой сфере широко используются также термины «правоохранительная деятельность», «специальные службы».

Все эти термины применимы в зависимости от целей и задач, рассматриваемых проблем, от узко специального или более широкого подхода к предмету изучения.

В связи с этим нельзя не отметить, что в теории правоохраны острые дискуссии вызывает вопрос об отнесении к правоохранительным органам судебных органов. Казалось бы, исторически судебные органы являются самыми древними правоохранительными органами. Они прошли долгий путь развития как институты государственности и в Таджикистане, и в других странах мира.

Тем не менее в литературе по этому вопросу имеются три позиции: одни авторы не относят судебные органы к правоохранительным органам³; другие обоснованно считают эти органы правоохранительными⁴; третьи авторы хотя и не относят судебные органы к правоохранительным органам, тем не менее они, занимая промежуточную позицию, рассматривают их в рамках учебного курса «Правоохранительные органы»⁵.

² Большой юридический словарь/Под ред. А.Я.Сухарева (и др.). - М., 1998. - С. 131.

³ См.: *Безлепкин Б.Т.* Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура России: Учебник. - М.: «Юрист», 2001. - С. 17; *Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И.* Конституционное право России. Энциклопедический словарь. - М.: «Юрид. лит.», 2002. - С. 265-266.

⁴ См.: *Гуценко К.Ф., Ковалев М.А.* Правоохранительные органы: Учебник.-4-е изд., перераб. и доп. - М., 1998. - С. 13-18; *Махмудов М., Худоеров Б.* Мақомоти ғиёфи ғукуки Тоҷикистон// (Правоохранительные органы Таджикистана) - Душанбе, 2008. - С. 8-9, 23-38; *Гриб В.Г., Мелехин А.В.* Правоохранительные органы Российской Федерации. Курс лекций. - М., 2010. - С. 43-104 и др.

⁵ См.: *Судоустройство и правоохранительные органы Российской Федерации:* Учебник. -2-е изд., перераб. и доп./Отв.ред. Ю.К. Орлов, В.И. Швецов. - М.: «Проспект», 2001; *Черников В.В.* Судебная система, правоохранительные органы, специальные службы России. Учебник. - М.: «Проспект», 2001 и др.

Отнесение судебных органов к правоохранительным органам не должно вызывать дискуссии хотя бы по той простой причине, что судебные органы фактически всегда осуществляли судебную власть, обеспеченную принудительной силой, что является важнейшим признаком правоохранительных органов. Возникает риторический вопрос: разве органы, осуществляющие судебную защиту лиц и других субъектов общественных отношений от произвола кого бы то ни было и обеспечивающие соответствие внутреннего (национального) законодательства общепризнанным принципам и нормам международного права, не являются правоохранительными органами?

Не останавливаясь подробно на этом дискуссионном вопросе, подчеркнем то обстоятельство, что с приобретением независимости в Таджикистане начался процесс формирования и совершенствования государственного аппарата, в том числе судебных институтов национальной государственности.

Так, на основе новой Конституции Республики Таджикистан, принятой путем референдума 6 ноября 1994 г., судебная система страны получила дальнейшее развитие (как совокупность судов, установленных Основным Законом и конституционными законами), были созданы новые судебные органы: Конституционный Суд и Высший экономический суд.

В современном Таджикистане, в соответствии с принятой ещё в 2007г. Программой судебно-правовой реформы продолжается совершенствование этого самостоятельного атрибута власти, призванного осуществлять правосудие. О видах и признаках правоохранительных органов, включая и судебные институты, достаточно ясно и аргументированно написано в упомянутых учебниках «Правоохранительные органы», и здесь следует сказать, что для конкретных их видов законодательством предусмотрены свои специфические задачи: для Конституционного Суда Таджикистана – одни, для судов общей юрисдикции – другие, для экономических судов – третьи, для прокуратуры – четвертые, для милиции – пятые, для таможенных органов – шестые и т.д.

Особенность конституционного контроля Конституционным Судом заключается в том, что он осуществляется специ-

альным судебным органом и в форме особого вида судопроизводства - конституционного правосудия. Это обстоятельство дает основание включать его в судебную систему таджикской государственности, в которой он занимает главенствующее место, и его решения обязательны и для других судебных органов.

Конституционный Суд Республики Таджикистан, будучи символом приверженности таджикского народа правовому государству, уважению права человека, реализуя свои полномочия, осуществляет конституционный контроль, что является особым видом правоохранительной деятельности, присущей только ему и заключающейся в проверке соответствия законов и иных нормативных актов, что закреплено ст. 89 Конституции Республики Таджикистан.

Речь здесь идет об охране Основного Закона страны, который, закрепляя общепризнанные идеи и принципы демократического, правового, светского и социального государства в Таджикистане, формирует основу правовой системы государства и правовой жизни общества, его политическое единство, определяет цели, задачи, функции, организацию и порядок деятельности государства и его органов, принципы взаимоотношений с гражданами, вытекающие из неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, их приоритетной ценности.

Этим объясняются высшая юридическая сила, прямое действие и верховенство конституционных норм над всеми иными законами и нормативными актами.

В связи с этим главная задача Конституционного Суда республики сводится к разрешению по запросам компетентных органов и должностных лиц и обращениям граждан дел о соответствии Конституции РТ законов, совместных правовых актов Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон, правовых актов Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон, Президента, Правительства, Верховного Суда, Высшего экономического суда и других государственных и общественных органов, а также не вступивших в законную силу международных договоров Республики Таджикистан.

Конституционный Суд РТ разрешает также споры о компетенции между государственными органами, проверяет

конституционность законов, применяемых при рассмотрении конкретного судебного дела.

Законы и иные нормативно-правовые акты, их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу сразу после вынесения Конституционным Судом Республики Таджикистан соответствующего решения, что является общепризнанным порядком в деятельности конституционных судов стран СНГ, других зарубежных стран, в которых действуют подобные институты конституционного контроля.

В соответствии с провозглашенной Конституцией Республики Таджикистан и внедренным в государственную деятельность с учетом реалий общественно-политической жизни страны принципом разделения властей Конституционный Суд в единстве со всеми другими судебными органами республики выступает третьей ветвью власти, независимой и неподотчетной двум другим ветвям власти – законодательной и исполнительной. При этом следует иметь в виду, что его юридическому статусу характерен ряд особенностей. Как уже было отмечено, Конституционный Суд не входит в систему судов общей юрисдикции и специализированных судов республики и не выступает по отношению к ним кассационной, апелляционной или же надзорной инстанцией. Конституционный Суд рассматривает дела не в порядке обычной процедуры, установленной процессуальными кодексами республики, а по тем правилам и нормам конституционного судопроизводства, которые закреплены Конституционным законом Республики Таджикистан от 3 ноября 1995 г. №84 «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» (который действует с изменениями и дополнениями, внесенными 20 марта 2008 г.) и Регламентом, утверждаемым самим Судом.

Понятно, что место, роль и значение Конституционного Суда нашей страны в системе правосудия и правоохранительных органов в целом зависят от его компетенции, закрепленной Конституцией республики и упомянутым Конституционным законом. За последние годы правовой статус Конституционного Суда нашей республики значительно усовершенствован изменениями и дополнениями, внесенными 20 марта 2008 г. в Конституционный закон республики «О Конституционном Суде Республики Таджикистан», согласно

которым теперь Конституционный Суд определяет соответствие Конституции страны проектов изменений и дополнений, вносимых в Конституцию, проектов законов и других вопросов, представляемых на всенародный референдум, и рассматривает обращение граждан по вопросам, предусмотренным конституционным законом.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что Конституционный Суд Республики Таджикистан в системе судебных и правоохранительных органов занимает главенствующее место и является важным фактором стабильности в обществе и государстве.

Тем не менее Конституционный Суд республики, который отмечает свое 15-летие (данная Международная конференция посвящена именно этой знаменательной дате), с учетом позитивного зарубежного опыта должен совершенствовать свою деятельность.

Как общепризнанный политико-правовой институт независимого Таджикистана он должен завоевать доверие народа и внести ощутимый вклад в развитие демократического, правового и светского государства.

В дальнейшем с учетом накопленного собственного и зарубежного опыта было бы целесообразно предоставить Конституционному Суду республики право толкования Конституции страны и законодательной инициативы, что будет вполне своевременным и оправданным шагом в процессе упрочения конституционной законности на пути формирования правового, демократического государства, развития правовой системы и проведения судебной реформы в Таджикистане.

О. Рахмонова

*Заместитель министра иностранных дел
Республики Таджикистан*

Правовые средства защиты прав и интересов женщин в Таджикистане

С приобретением государственной независимости в Республике Таджикистан начался процесс построения правового, демократического, светского государства с рыночной экономикой и реформирования своей законодательной базы, опирающейся на соблюдение прав человека. В связи с этим в 1994 году была принята новая Конституция Республики Таджикистан путем проведения всенародного референдума.

В данном нормативно-правовом акте страны регламентирована защита прав человека и равноправие женщин и мужчин. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства», - говорится в пятой статье Конституции Республики Таджикистан.

В связи с этим законодательство Таджикистана построено на принципе равноправия между мужчиной и женщиной. С правовой точки зрения имеются все гарантии недопущения дискриминации в отношении женщин: равенство гарантировано Конституцией.

Согласно ст. 17 Конституции Республики Таджикистан все равны перед законом и судом. Государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения. Конституционные законы и другие нормативно-правовые акты нашей страны также защищают и реализуют равноправие женщин.

Республика Таджикистан одна из первых присоединилась

к важнейшим договорам в области прав человека, включая Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

В 2004 году Парламент страны принял Закон Республики Таджикистан «О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин и равных возможностях их реализации».

Как дополнительные меры для активного участия женщин в политической жизни государства были изданы Указ Президента Республики Таджикистан «О мерах по повышению роли женщин в обществе», Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Национальном плане мероприятий Республики Таджикистан по повышению статуса и роли женщин в 1998-2005 годы», О Национальной программе Республики Таджикистан «Планирование семьи и право», О Национальной программе «Основные направления государственной политики по обеспечению равных прав и возможностей женщин и мужчин в Республике Таджикистан на 2001-2010 годы», «О национальной стратегии активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2011-2020 годы» и другие постановления и распоряжения, которые направлены на полное обеспечение здоровья матерей и детей, повышение статуса женщины. Эти правовые акты играют важную роль в построении демократического общества.

Определение места и роли женщины в обществе является одним из актуальных и наболевших вопросов современности, поэтому особенно важна сущность и эффективность социально-правовой защиты женщин.

Социально-правовая защита представляет собой совокупность политических, идеологических, экономических, социальных и юридических норм. Одним из важнейших направлений социально-правовой защиты нашего государства является защита прав и интересов женщин в семейно-правовых отношениях.

Семья рассматривается как основная ячейка, в которой формируются, реализуются репродуктивные установки

граждан. Семья - необходимый элемент развития общества, обеспечивающий прирост населения, физическое и духовное воспитание молодого поколения, удовлетворения естественных потребностей человека в любви и общении. Психологическое состояние членов общества зависит главным образом от семьи. Образ жизни семьи в известной степени предопределяет семейный образ жизни ребенка в будущем.

Стабильность брачно-семейных отношений во многом зависит от положения женщин в обществе и от тех правовых возможностей, которые предоставлены им для реализации своих прав и свобод в рамках семьи.

Согласно ч. 2 ст. 17 Конституции Республики Таджикистан мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. При этом предполагается, что данный конституционный принцип равноправия должен применяться во всех отраслевых правоотношениях. Содержание принципа равноправия мужчины и женщины в семейных правоотношениях нельзя признать однозначным. В зависимости от того, о каких семейных правоотношениях идет речь, Семейный кодекс Республики Таджикистан (в дальнейшем СК РТ) по-разному определяет как перечень прав и свобод, которыми обладают в семье мужчина и женщина, так и правовые возможности для их реализации.

Анализируя супружеские правоотношения, прежде всего следует отметить ч. 4 ст. 1 СК РТ, в которой среди иных основных начал семейного законодательства указывается следующее правило: «Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами... равенства прав супругов в семье...» Таким образом, законодатель особо подчеркивает равенство семейных прав мужчины и женщины, которые являются супругами. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года наделяет женщину равными с мужчиной личными неимущественными и имущественными правами в браке.

Право мужчины и женщины без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью в соответствии с внутренним законодательством, регулирующим осуществление этого права, является общепризнанным принципом. Основные международно-

правовые документы, перечисленные выше, признают право за мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, на вступление в брак и право на основание семьи при условии свободного и полного согласия вступающих в брак.

Данные требования, устанавливающие условия заключения брака в РТ, закреплены в ст. 12 СК. Условия заключения брака - это обстоятельства, необходимые для государственной регистрации заключения брака и для признания брака действительным, т.е. имеющим правовую силу. Несоблюдение одного из этих материальных условий брака влечет его недействительность¹.

В соответствии с указанной статьей СК РТ условиями заключения брака являются:

- 1) взаимное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак;
- 2) достижение ими брачного возраста.

Взаимное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, должно быть высказано ими свободно и независимо. Их обоюдная воля на заключение брака должна быть выражена лично, т.е. исходить непосредственно от лиц, сочетающихся браком. Соблюдение данного требования немаловажно, поскольку дает возможность должностным лицам убедиться в добровольности желания мужчины и женщины вступить в брак. В связи с тем что воля на вступление в брак выражается лично, не допускается заключение брака через представителя либо при отсутствии одной из сторон.

Взаимное согласие мужчины и женщины на вступление в брак выражается в их совместном письменном заявлении о заключении брака в орган ЗАГСа. Согласно ст. 35 Закона РТ «О государственной регистрации актов гражданского состояния»² от 29 апреля 2006 г. при невозможности явиться в ЗАГС для подачи совместного заявления волеизъявление лиц, вступающих в брак, может быть оформлено отдельными заявлениями. При этом подпись лица, не имеющего возможности явиться в орган записи актов гражданского состояния, должна быть нотариально удостоверена.

¹ См.: Хазова О.А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. И. М. Кузнецова. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: «Юристъ», 2002. - С. 61.

² См.: Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2006. Ст. 14.

Необходимость получения взаимного согласия вступающих в брак лиц означает, что их волеизъявление должно быть совершено свободно от какого бы то ни было насилия, принуждения или обмана. Указанные нормы законодательства имеют немаловажное значение для охраны прав и свобод женщин и являются гарантиями соблюдения их прав и законных интересов при заключении брака.

Другим обязательным условием заключения брака закон определяет достижение лицами, вступающими в брак, брачного возраста. Брачный возраст следует рассматривать как юридический факт, с которым закон связывает возникновение брачной правоспособности. В ст. 13 СК установлен единый для мужчин и женщин брачный возраст с восемнадцати лет. Согласно ч. 2 ст. 13 СК РТ в исключительных случаях суд вправе снизить брачный возраст по просьбе лиц, желающих вступить в брак, не более чем на один год. Законом не предусмотрен перечень исключительных случаев, при наличии которых может быть снижен брачный возраст. На практике и в литературе такими исключительными случаями признаются беременность несовершеннолетней, рождение ею ребенка, фактические брачные отношения, призыв жениха на военную службу, предстоящий отъезд в длительную командировку одного из вступающих в брак³.

Следует согласиться с мнением, что возможность заключения брака только между мужчиной и женщиной всегда было предполагаемым условием заключения брака⁴. Законодатель счел необходимым предусмотреть это положение в качестве одного из основных начал семейного законодательства в ч. 4 ст. 1 и в качестве самостоятельного условия в ст. 12 СК РТ.

Следует остановиться на некоторых аспектах вопроса прекращения брака, так как законодательство в соответствующих нормах не только учло принцип равенства прав мужчин и женщин (супругов), но и в отдельных нормах в особое положение ставит права женщин в бракоразводных делах. Под

³ См.: Гражданское право: Учебник. Том 3. Изд. третье, перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: ПБОЮЛ. Л.В. Рожников, 2000. - С. 324; Муратова С.А. Указ. соч. - С.71.

⁴ См.: Хазова О.А. Указ. соч. - С. 62.

прекращением брака следует понимать обусловленное наступлением определенных юридических фактов прекращение правоотношений, возникших между супругами из юридически оформленного брака. К юридическим фактам, прекращающим брак согласно ст. 16 СК, относятся следующие обстоятельства:

- смерть супруга;
- объявление судом одного из супругов умершим;
- расторжение брака (развод).

Перечисленные факты и являются основаниями прекращения брака. В случае смерти супруга или объявления судом одного из супругов умершим не требуется какого-либо специального оформления прекращения брака. В таких случаях брак считается прекращенным с момента смерти супруга или с момента вступления в законную силу решения суда об объявлении супруга умершим.

При жизни обоих супругов брак может быть прекращен путем его расторжения (развода). Следует иметь в виду, что может быть расторгнут только зарегистрированный в установленном порядке брак. В результате расторжения брака (развода) супружеские отношения прекращаются на будущее время (за некоторыми исключениями) с соответствующими правовыми последствиями для обоих супругов.

Термины «расторжение брака» и «развод» рассматриваются в теории семейного права и применяются в правоприменительной практике органов загса и судов как синонимы. Эти термины употребляются как синонимы и в законе.

Ребенок и мать – это уже семья. Защита их интересов в семье осуществляется путем многих механизмов. Часто интересы матери и ребенка совпадают, и рассматривать их отдельно не всегда оправданно, т.к. в период беременности и в первые годы жизни ребенка его основным «интересом» является мать, а для матери интересы ребенка являются первостепенными.

Законодатель предусмотрел определенные нормы, позволяющие беременной женщине еще до рождения защищать свои интересы и интересы плода. Так, беременность и роды являются одними из оснований, когда брак может быть зарегистрирован до достижения невестой брачного возраста

(ст.13 СК РТ), также беременность и роды предоставляют брачующимся выбор даты бракосочетания (т.е. возможность сделать это досрочно, даже в самый день подачи заявления) (ст. 36 Закона РТ «О государственной регистрации актов гражданского состояния»). Такие нормы закрепляют условия того, чтобы ребенок родился и рос в юридически оформленной семье – естественной для него среде. К нормам, защищающим интересы матери и ребенка, относится и ст. 17 СК РТ.

В соответствии с ч. 2 ст. 16 СК брак может быть прекращен путем его расторжения по заявлению одного из супругов, а также по заявлению опекуна супруга, признанного судом недееспособным, а также прокурора. Правом на расторжение брака СК наделяет каждого из супругов, за исключением случая, предусмотренного ст. 17 СК, в которой содержится норма о недопустимости предъявления мужем требования о расторжении брака без согласия жены во время ее беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка. Она направлено на ограждение женщины в период беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка от ненужных волнений и переживаний, связанных с разводом, а значит и на охрану здоровья матери и ребенка. Это положение относится и к случаям, когда ребенок родился мертвым или не дожил до полутора лет⁵. При отсутствии согласия жены на рассмотрение дела о разводе судья отказывает в принятии искового заявления, а если оно было принято, суд прекращает осуществление по делу.

Осуществление данной нормы закона иногда на практике рассматривается как дискриминационное по отношению к мужчине. Так, в Конституционном Суде РТ состоялось слушание дела по обращению судьи суда района Шохмансур г. Душанбе Шодиева Ш.Р. о несоответствии норм СК РТ Конституции РТ. Поводом для обращения в Конституционный Суд послужило рассматриваемое судьей дело о расторжении брака в суде района Шохмансур. По представлению судьи Конституционный Суд возбудил конституционное судопроизводство по вопросу соответствия Конституции норм СК РТ, якобы носящих в себе дискриминационный характер по отношению к мужчине.

⁵ См.: Махмудов М., Худояров Б. Комментарий к Семейному кодексу Республики Таджикистан. - Душанбе: "ЭР-граф", 2005. - С. 47. На тадж. яз.

По мнению судьи Шодиева Ш.Р., ст. 17 СК РТ нарушает равенство мужчин и женщин, что противоречит ч. 2 ст. 17 Конституции РТ, в соответствии с которой «мужчины и женщины равноправны», и ст. 33 Конституции Таджикистана, которая гласит: «В семейных отношениях и при расторжении брака супруги равноправны». Этим же принципом руководствуется и СК РТ.

Судьи Конституционного Суда, руководствуясь ч. 6 ст. 1 СК РТ, подчеркнули, что права, регулирующие отношения граждан в семье, могут быть ограничены только на основании семейного законодательства и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав и законных интересов, нравственности и здоровья других членов семьи и граждан. Подобного рода ограничения обусловлены необходимостью повышенного внимания к здоровью женщины и ребенка в этот период.

Равноправие мужчины и женщины в вопросах расторжения брака рассматривается в контексте защиты имущественных и неимущественных прав и интересов беременной женщины, кормящей матери, приоритета воспитания ребенка и заботы о его развитии. Кроме того, суд учитывает также обеспечение прав и интересов матери и ребенка, так как материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь и требуют, чтобы к детям относились, как к лицам, не достигшим физического и умственного развития, нуждающимся в особой заботе, защите и воспитании, а в необходимых случаях, предусмотренных законодательством, их права и интересы ставились выше, чем интересы их родителей. Конституционный Суд РТ постановил, что ст. 17 СК РТ не противоречит Конституции Таджикистана и соответствует ч. 2 ст. 17 и ч. 2 ст. 33 Конституции РТ⁶.

Конституционный Суд своим решением показал, что привилегия женщины в данном законе никоим образом не означает ущемление прав мужчины или злоупотребление женщиной своим правовым положением при расторжении брака, а, наоборот, это обстоятельство еще раз свидетельствует о месте и ответственности женщины в рождении, воспитании,

⁶ См.: Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан // Первый выпуск №1., 2009г.- С.96-101.

представлении обществу здоровых детей. Необходимо принимать все меры к устранению дискриминации мужчин и женщин по признаку пола, но в то же время нельзя игнорировать то, что мужчина и женщина отличаются по своим физиологическим особенностям и что именно в функцию женского организма входит вынашивание и рождение ребенка. Исходя из этого, в ст. 34 Конституции РТ закреплено, что «мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства».

В 1993 г. Таджикистан присоединился в Конвенции ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». В ст. 4 данной Конвенции подчеркнуто, что «принятие государствами-участниками специальных мер, направленных на охрану материнства... не считается дискриминационным». Во исполнение требований Конвенции в 2005 г. был принят Закон РТ «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностей их реализации»⁷. В ст. 3 данного Закона также была отражена норма, направленная на охрану материнства, которая гласит: «Не является дискриминацией специальная защита женщин в связи с беременностью и родами». Таким образом, следует согласиться с позицией Конституционного Суда, и это решение является полностью обоснованным, и оно направлено на защиту интересов матери и ребенка.

Вступление в брак порождает возникновение между супругами личных неимущественных и имущественных правоотношений. При этом в первую очередь между супругами возникают личные правоотношения.

Отдельные личные права супругов являются элементом их конституционно-правового статуса. В частности, каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства. При этом реализация названных прав одним из супругов в принципе не оказывает существенного воздействия на процесс реализации личных прав другим супругом.

К личным правам супругов следует отнести и их репродуктивные права, проблемы, реализация которых приобрела в последнее время особую актуальность. Как установлено в ч.

⁷ См.: Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005, №3, ст. 129.

2 ст. 32 СК РТ, “ вопросы отцовства, материнства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства супругов”. Перечень данных вопросов включает в себя и вопрос о рождении ребенка.

В Законе Республики Таджикистан об охране здоровья населения от 15 мая 1997 года содержится следующее правило: “Каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве”. В инструкции о порядке проведения операции искусственного прерывания беременности указывается, что эта операция проводится по желанию женщины. Так уж устроено в природе, что ребенка вынашивает женщина, очевидно, на ней в большей степени лежит ответственность в применении мер предупреждения беременности.

С государственной регистрацией заключения брака закон связывает возникновение между супругами не только личных, но и имущественных отношений. Супружеские имущественные отношения в силу самой их природы гораздо более восприимчивы к правовой форме. Для имущественных отношений, складывающихся внутри такой экономической ячейки общества, как семья, определенность всегда важна и необходима. Имущественные права почти всегда могут быть осуществлены принудительно, и за нарушение этих прав и неисполнение имущественных обязанностей могут быть применены санкции. Лишь некоторая часть имущественных отношений супругов не подвержена правовому воздействию, как непосредственно связанная с бытом семьи (например, распределение домашних обязанностей по приготовлению пищи, закупке продуктов и др.) и не приемлющая принудительного осуществления.

Нормы СК, регулирующие имущественные отношения между супругами, претерпели существенные изменения по сравнению с КоБС. В отличие от ранее действовавшего законодательства, СК дает право супругам самим определять содержание своих имущественных отношений путем заключения брачного договора (договорный режим имущества супругов) или соглашения об уплате алиментов на супруга. При отсутствии брачного договора или соглашения об уплате алиментов или в случае их расторжения или признания недей-

ствительными в установленном порядке к имущественным отношениям супругов будут применяться диспозитивные нормы СК о законном режиме имущества супругов или соответственно нормы об алиментных обязательствах супругов.

Таким образом, анализ отдельных семейно-правовых норм позволяет утверждать, что СК РТ исходит из принципа равенства прав мужчины и женщины, которые являются супругами. Однако в ряде случаев действуют специальные правила, применение которых ставит женщину в особое положение с точки зрения правовых возможностей для реализации соответствующих прав. Вместе с тем права и интересы женщин, и не только их, в семейно-правовых отношениях требуют более полноценной и надлежащей защиты. В связи с этим следует поддержать высказанное в литературе мнение о необходимости организации семейных судов в Республике Таджикистан⁸. В сложившихся условиях назрела необходимость в организации семейных судов для рассмотрения дел о разводе, разделе имущества, взыскании имущества, установлении отцовства и других дел, связанных с семейно-правовыми отношениями.

⁸ См.: Махмудов М.А. Правовые проблемы сохранения и укрепления семьи в Таджикистане. Дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего функции автореферата. - Москва, 1998. - С.37.

К. Холиков

*Декан юридического факультета Таджикского
Национального Университета*

Конституционный Суд Республики Таджикистан: проблемы и перспективы

В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан 1994 года учреждение нового судебного органа власти - Конституционного Суда и создание нового и самостоятельного вида судопроизводства - конституционного судопроизводства привели к существенным изменениям не только в системе органов судебной власти, но и в системе судопроизводства нашей страны. С учреждением Конституционного Суда Республики Таджикистан и созданием нового вида судопроизводства - конституционного судопроизводства - возник ряд проблем, связанных со статусом, организацией и деятельностью Конституционного Суда, а также осуществлением конституционного правосудия, как нового способа осуществления судебной власти в Таджикистане.

В связи с этим статус, организация и деятельность Конституционного Суда Республики Таджикистан, а также понятие и особенности конституционного судопроизводства (виды и особенности производства в конституционном судопроизводстве, принципы, участники и стадии конституционного судопроизводства) нуждаются в надлежащем теоретическом осмыслении, что требует применения системного и сравнительного подходов, выявления и изучения предназначения и особенностей конституционного правосудия в Республике Таджикистан.

Общая оценка результатов конституционного правосудия в Республике Таджикистан в целом положительная. Од-

нако на основе анализа почти пятнадцатилетней деятельности Конституционного Суда и в связи с этим создания нового вида судопроизводства - конституционного судопроизводства - нами выявлены и исследованы проблемы, которые имеют как объективный, так и субъективный характер.

Поскольку в Республике Таджикистан, во-первых, Конституционный Суд по сравнению с другими органами судебной власти является новым специализированным органом судебной власти, и во-вторых, в связи с учреждением Конституционного Суда, наряду с другими, такими традиционными видами судопроизводства, как уголовное, гражданское, административное, экономическое, создан новый институт осуществления правосудия - конституционное судопроизводство, поэтому считаем необходимым разделить основные проблемы конституционного правосудия на две группы: 1) проблемы, связанные со статусом, организацией и деятельностью Конституционного Суда и 2) проблемы, связанные с осуществлением конституционного судопроизводства. К ним относятся законодательные, организационно-политические, социально-экономические и процессуально-процедурные проблемы, которые в совокупности составляют основные проблемы практики Конституционного Суда Республики Таджикистан, своевременное решение которых приводят к совершенствованию института конституционного правосудия в Таджикистане¹.

Конституционный Суд Республики Таджикистан является единственным специализированным судебным органом конституционного контроля, основные направления деятельности которого связаны с обеспечением верховенства Конституции и непосредственного ее действия на всей территории Республики Таджикистан. В этой связи за время его существования возник целый ряд проблем, связанных со статусом, а также организацией и деятельностью данного судебного органа конституционного контроля.

Следует отметить, что статус Конституционного Суда Республики Таджикистан определяют Конституция и ряд за-

¹ В настоящей статье подвергаются анализу только отдельные моменты законодательных проблем, связанных со статусом, организацией и деятельностью Конституционного Суда Республики Таджикистан. Проблемы, связанные с осуществлением конституционного судопроизводства, требуют самостоятельного исследования.

конодательных и иных правовых актов Республики Таджикистан, среди которых важнейшую роль играют Конституция Республики Таджикистан и Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан». Анализ норм Конституции и Конституционного закона свидетельствует о том, что по своему статусу Конституционный Суд как независимый и самостоятельный судебный орган занимает особое место среди органов верховной власти Республики Таджикистан.

Конституционно-правовой статус Конституционного Суда Республики Таджикистан позволяет ему как специализированному судебному органу конституционного контроля играть существенную роль в деле обеспечения конституционной законности в условиях демократического и суверенного государства - Республики Таджикистан.

В этой связи следует отметить, что действительно существует ряд законодательных проблем, в части регламентации статуса Конституционного Суда Республики Таджикистан, устранение которых усилит его место в системе органов верховной власти.

Достоинством конституционно-правовой регламентации статуса Конституционного Суда Республики Таджикистан является то, что он устанавливается не только в общих нормах Конституции Республики Таджикистан 1994 г., но и в ее особенных нормах (ст. 89). Однако Конституция 1994 г., устанавливая статус Конституционного Суда Республики Таджикистан, во-первых, четко не определяет его понятийное определение и предназначение как специализированного органа конституционного контроля, и, во-вторых, регламентацию статуса Конституционного Суда мы находим в главе восьмой Конституции Республики Таджикистан 1994 г., которая называется «Суд», а не в отдельной, специально посвященной регламентации статуса Конституционного Суда, её главе.

Поскольку специальная норма о статусе Конституционного Суда (ст. 89) помещена в нормах главы 8 Конституции, где установлена система органов судебной власти Республики Таджикистан, данное положение свидетельствует о том, что по своему статусу Конституционный Суд является судебным органом власти. В то же время отметим, что Конституци-

онный Суд занимает главенствующее место в системе судебных органов Республики Таджикистан. Однако, несмотря на это, в Конституции Республики Таджикистан не дается конституционная характеристика Конституционного Суда как специализированного судебного органа конституционного контроля.

Похожую ситуацию о регламентации статуса Конституционного Суда Республики Таджикистан теперь мы видим и в Конституционном законе «О Конституционном Суде Республики Таджикистан». Однако в отличие от Конституции Республики Таджикистан 1994 г. в Конституционном законе «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» (ст.1) дается понятийное определение и предназначение Конституционного Суда как специализированного судебного конституционного органа.

Анализируя названную проблему, следует вспомнить первоначальное содержание нормы ст.1 Конституционного закона «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» (до внесения в него соответствующих изменений и дополнений от 5 августа 2009 г.), которое четко определяло понятие Конституционного Суда как судебного органа конституционного контроля. Так, в ранее действовавшей норме ч.1 ст.1 Конституционного закона было предусмотрено, что «Конституционный Суд Республики Таджикистан является органом судебной власти по защите Конституции Республики Таджикистан», а в ч. 2 ст.1 Конституционного закона были определены основные направления его деятельности.

После внесения изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» от 5 августа 2009 г. существенно изменилось содержание ст.1 Конституционного закона не в сторону расширения, а, наоборот, в сторону уменьшения (до этого она состояла из двух частей).

В новой редакции (от 2009г.) ст.1 Конституционного закона называется «Конституционный Суд как орган судебной власти»². Теперь в статье 1 Конституционного закона «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» (ред. от

² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. №7-8. Ст.488.

2009г.) говорится, что Конституционный Суд Республики Таджикистан как независимый орган судебной власти учрежден в целях защиты, обеспечения верховенства и непосредственного действия норм Конституции на территории Республики Таджикистан, защиты Конституции, прав и свобод человека и гражданина.

Следовательно, согласно данной статье Конституционного закона, Конституционный Суд официально признан независимым органом судебной власти, потеряв при этом прежнее свое название - «орган судебной власти по защите Конституции».

Законодательные проблемы существуют также и в регламентации организации и деятельности Конституционного Суда Республики Таджикистан (на уровне Основного Закона и Конституционного закона).

Регламентации по организации и деятельности Конституционного Суда Республики Таджикистан даются не только в нормах главы 8 Конституции 1994 г., но и в нормах других ее глав, т.е. в разбросанном виде нормы, касающиеся Конституционного Суда, помещены в главах Конституции.

В частности, нормы, касающиеся порядка избрания, отзыва и решения вопроса о лишении неприкосновенности Председателя, его заместителя и судей Конституционного Суда установлены в ч.ч. 2-3 ст. 56 гл. 3 и ч. 8 ст. 69 гл.4 Конституции, а отдельные аспекты полномочий Конституционного Суда о даче заключения о лишении неприкосновенности Президента содержатся в ст. 72 гл. 4 Конституции.

Кроме того, в отличие от других звеньев органов судебной власти Конституционному Суду Республики Таджикистан посвящается специальная норма в Конституции 1994 г. (ст.89), которая регулирует отдельные аспекты организации и деятельности Конституционного Суда.

В этой связи следует отметить, что нормы ч.1 ст. 89 Конституции устанавливают численный состав (7 человек) Конституционного Суда Республики Таджикистан, но не определяют, из каких должностей состоит его состав. Наоборот, ответ на этот вопрос мы находим в ч. 2 ст. 56 и ч. 8 ст. 69 Конституции, касающихся компетенции Маджлиси милли и Президента. Устанавливая порядок избрания и отзыва выс-

ших судебных органов власти Республики Таджикистан, в то же время названные нормы Конституции определяют их состав, в том числе и Конституционного Суда Республики Таджикистан, состоящего из Председателя, его заместителя и судей.

Существенной проблемой в данном случае является институт отзыва судей Конституционного Суда Республики Таджикистан, который устанавливается в нормах Конституции 1994г. (ч. 2 ст. 56 и ч. 8 ст. 69). Следует отметить, что достоинством нормы Конституции является то, что в процессе формирования состава Конституционного Суда Республики Таджикистан одновременно участвуют две ветви власти – Президент и Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан, которые усиливают его место в системе органов верховной власти.

Однако установленный в нормах Конституции (ч. 2 ст. 56 и ч. 8 ст. 69) институт отзыва судей высших судебных органов власти, в том числе и судей Конституционного Суда, не только приводит к нарушению принципа разделения властей, но и снижает роль Конституционного Суда в деле проверки конституционности нормативно-правовых актов, особенно тогда, когда это касается проверки конституционности законов и иных правовых актов Маджлиси Оли Республики Таджикистан, или правовых актов Президента и Правительства Республики Таджикистан.

Кроме того, нормы данной части ст. 89 Конституции устанавливают представительство автономного образования - Горно-Бадахшанской автономной области - в составе Конституционного Суда, что, с нашей точки зрения, не совпадает с основным предназначением данного судебного органа конституционного контроля.

На конституционном уровне установление представительства от автономного образования в составе Конституционного Суда не имеет юридического смысла, так как основное предназначение Конституционного Суда связано с обеспечением верховенства и непосредственного действия Конституции. Хотя к его функциям относится и функция защиты прав и свобод человека и гражданина, однако это не означает, что Конституционный Суд будет защищать только права и свободы граждан отдельных регионов. В данном случае речь идет о защите прав и свобод человека и гражданина в целом.

Кроме того, ч. 2 ст. 89 Конституции, устанавливая перечень предъявляемых требований к кандидатам на должность судьи Конституционного Суда, как-то не предусматривает одно из таких важнейших требований, как гражданство Республики Таджикистан.

Следует отметить, что раньше Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» устанавливал ценз гражданства для назначения на должность судьи Конституционного Суда Республики Таджикистан. Однако после внесения изменений и дополнений в Конституционный закон от 5 августа 2009 г. ценз гражданства отменен.

В то же время нормы данной части ст. 89 Конституции устанавливают предельный возраст (не моложе 30 и не старше 65 лет) для назначения на должность судьи Конституционного Суда. Уместным является установление возраста не только для назначения на должность судьи, но мы считаем необходимым на конституционном уровне установление также и предельного возраста нахождения на должности судьи Конституционного Суда Республики Таджикистан.

Немаловажной является, с нашей точки зрения, конституционная и законодательная регламентация компетенции Конституционного Суда Республики Таджикистан. Следует заметить, что существуют проблемы и в этой сфере. Достоинством в этом плане является то, что компетенция Конституционного Суда, наряду с компетенцией Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Президента Республики Таджикистан, непосредственно устанавливается в Конституции 1994 г. Компетенции других высших органов государственной власти конкретно не устанавливаются нормами Конституции Республики Таджикистан. В то же время компетенция Конституционного Суда Республики Таджикистан устанавливается и Конституционным законом «О Конституционном Суде Республики Таджикистан».

Конституционные компетенции Конституционного Суда Республики Таджикистан установлены в ч. 3 ст. 89 и в ст. 72 Конституции 1994 г. В годы своего существования конституционные компетенции Конституционного Суда подвергались два раза (в 1999 и 2003 гг.) изменениям не в сторону расширения,

а, наоборот, в сторону уменьшения. Согласно первоначальному тексту Конституции 1994 г. высшие судебные органы Республики Таджикистан имели право быть субъектом законодательной инициативы в парламенте страны. Однако в результате конституционной реформы 1999 г. сузилась эта сфера деятельности Конституционного Суда, и он выступал как субъект права законодательной инициативы только по вопросам своего ведения и после второй конституционной реформы (2003 г.) высшие судебные органы, в том числе и Конституционный Суд, окончательно лишились возможности быть субъектом права законодательной инициативы в парламенте.

Произошли значительные изменения и в категории дел, связанных со степенью виновности Президента (ст. 72 Конституции). Раньше в полномочия Конституционного Суда входила дача заключения о нарушении присяги или совершении преступления Президентом Республики Таджикистан. Теперь сфера действия этого полномочия Конституционного Суда тоже сократилась, и он может дать заключение только в случае совершения Президентом государственной измены.

Конституция Республики Таджикистан 1994 г., к сожалению, не предусматривает для Конституционного Суда полномочия по толкованию Конституции и законов Республики Таджикистан, что характерно, например, для отдельных постсоветских независимых государств. Согласно ч. 3 ст. 61 Конституции толкование Конституции дается Маджлиси Оли Республики Таджикистан в указанном порядке и принимается в форме Конституционного закона.

Думается, настало время и Конституционному Суду предоставить полномочия по толкованию Конституции, поэтому считаем уместным в случае пересмотра Конституции, проведения последующей конституционной реформы в Республике Таджикистан предоставить данное конституционное полномочие Конституционному Суду. Отсутствие в компетенции Конституционного Суда такого вида полномочия уже привело к возникновению ряда проблем в этой области. Например, когда Конституционный Суд Республики Таджикистан принял в свое производство для проверки конституционности два Конституционных закона - ст. 32 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Респуб-

лики Таджикистан» ч. 2 ст. 59 и ч. 2 ст. 71 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан» и дал соответствующие оценки об их несоответствии Конституции Республики Таджикистан, сразу же Маджлиси Оли Республики Таджикистан в результате толкования ч. 3 ст. 89 Конституции (определяющей компетенции Конституционного Суда) указал, что согласно данной части ст. 89 Конституции Конституционный Суд не имеет права возбуждать дела в отношении конституционных законов Республики Таджикистан, принимать их в свое производство и давать соответствующие конституционные оценки.

В ч. 4 ст. 89 Конституции Республики Таджикистан дается регламентация актов Конституционного Суда. В связи с этим отметим, что нормы данной части ст. 89 Конституции в результате конституционной реформы (в 2003 г.) также подвергались изменениям. До этой конституционной реформы в ч. 4 ст. 89 Конституции Республики Таджикистан говорилось об окончательности решений Конституционного Суда (в русском тексте), а в таджикском тексте говорилось об окончательности «карор»-и Конституционного Суда Республики Таджикистан. В этой связи также возникли проблемы, связанные с окончательностью решений Конституционного Суда, так как термины «решения» и «постановления» в таджикском переводе имеют одинаковое значение, которое называется «карор». Поэтому, используя свое конституционное полномочие по толкованию Конституции, Маджлиси Оли при толковании ч. 4 ст. 89 Конституции (в таджикском тексте) дал следующее разъяснение: в данном случае речь идет не о «решении» Конституционного Суда в целом, а, наоборот, о его «постановлении». В связи с этим Маджлиси Оли Республики Таджикистан 22 мая 1998 г. внес соответствующие изменения и дополнения в ст. 32 Конституционного закона «О конституционном Суде Республики Таджикистан» в такой формулировке: «Постановление Конституционного Суда является окончательным, а заключения и определения Суда не окончательны и могут быть пересмотрены Конституционным Судом по своей инициативе или обращению заинтересованных органов и лиц»³.

³ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. №10. Ст.111 и 115.

Только последняя конституционная реформа (2003 г.) устранила данную проблему, и теперь норма ч. 4 ст. 89 Конституции имеет такую формулировку: «Акты Конституционного Суда являются окончательными». Актами Конституционного Суда Республики Таджикистан согласно ст. 47 Конституционного закона «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» являются постановление, заключение и определение. Теперь все виды актов Конституционного Суда Республики Таджикистан являются окончательными и не подлежат обжалованию.

Следует отметить, что среди постсоветских независимых государств Республика Таджикистан является единственным государством, в Конституции (ч. 4 ст. 89) которого устанавливается окончательность актов Конституционного Суда в целом.

Кроме конституционных норм также существует ряд законодательных проблем и в Конституционном законе Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан», касающихся организации и деятельности Конституционного Суда, устранение которых, несомненно, приведет к усилению роли и эффективной деятельности Конституционного Суда Республики Таджикистан в деле обеспечения верховенства и непосредственного действия Конституции на ее территории.

Так, ст. 6 Конституционного закона Республики Таджикистан определяет порядок избрания судей Конституционного Суда. Однако конкретно в ее нормах не устанавливается срок, в который будет избираться новый судья в случае освобождения вакансии на эту должность.

Например, ч. 3 ст. 6 данного Конституционного закона (ред. 2009 г.) устанавливает, что в случае досрочного выбытия председателя, его заместителя либо судей Конституционного Суда Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан на своей сессии по представлению Президента Республики Таджикистан избирает на их места других лиц в порядке, установленном настоящим Конституционным законом⁴.

Как видно, и в новой редакции (2009 г.) данный вопрос конкретно не урегулирован законодателем в норме Консти-

⁴ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. №7-8. Ст.488.

туционного закона. Поскольку в Конституционном законе не установлены сроки выдвижения кандидатуры на должности судей Конституционного Суда, вакантные должности председателя, его заместителя и судей Конституционного Суда долгое время остаются свободными. В частности, из-за отсутствия нормы, устанавливающей срок представления новых кандидатур на замещение вакантных должностей со дня открытия вакансии, уже более пяти лет остается вакантной должность судьи Конституционного Суда Республики Таджикистан, седьмая по счету. В настоящее время Конституционный Суд Республики Таджикистан работает в составе шести человек (Председатель, его заместитель и четыре судьи Конституционного Суда), вместо семи.

Глава 4 Конституционного закона (ст. 14-15), устанавливающая компетенции Конституционного Суда, предусматривает два вида его полномочий – основные и иные полномочия. К основным полномочиям Конституционного Суда относятся функции, связанные с осуществлением конституционного судопроизводства (ст. 14), а к иным полномочиям – полномочия Конституционного Суда, не связанные с осуществлением конституционного судопроизводства (ст. 15). Их, как правило, называют организационными функциями Конституционного Суда Республики Таджикистан.

В то же время достоинством ч.1 ст. 14 Конституционного закона (в ред. от 2009 г.) является то, что она, во-первых, впервые устанавливает судебный конституционный контроль по проектам изменений и дополнений, вносимых в Конституцию Республики Таджикистан, а также по проектам законов и другим вопросам, представляемым на всенародный референдум⁵, и, во-вторых, установление такой группы полномочий для Конституционного Суда расширяет сферы его предварительного судебного конституционного контроля.

Вместе с тем проблемы существуют и в области компетенции Конституционного Суда Республики Таджикистан, его законодательных регламентаций. Конституционный Суд лишен и таких законодательных полномочий, как проверки конституционности выборов и референдумов, а также права законодательной инициативы Конституционного Суда в пар-

⁵ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. №7-8. Ст.488.

ламенте страны. Считаем уместным их восстановление во благо обеспечения конституционной законности и совершенствования законодательства Республики Таджикистан.

Таким образом, несмотря на существующие проблемы, Конституционный Суд Республики Таджикистан имеет особый статус, назначение, компетенции и осуществляет особую разновидность судопроизводства – конституционное судопроизводство. Он является единственным органом судебной власти, которому в Конституции Республики Таджикистан 1994 г. посвящена специальная норма (ст. 89), где на уровне Основного Закона страны определены его численный состав, представительство Горно-Бадахшанской автономной области в составе Конституционного Суда, его компетенции, а также подтверждена окончательность актов Конституционного Суда.

З. Искандаров

*Заведующий кафедрой судебного права
и прокурорского надзора юридического факультета
Таджикского национального университета, кандидат
юридических наук, доцент*

Актуальные проблемы правового регулирувания конституционного судебного процесса

Уважаемый Председатель!

Уважаемые участники высокого форума!

Прежде всего, хочу поблагодарить учредителей этой научно-практической конференции, наших гостей за сделанные ими глубоко научно-практические доклады, Председателя Конституционного Суда Республики Таджикистан, академика М. А. Махмудова, коллектив Конституционного Суда за труд во благо общества и каждого человека.

С праздником дорогие судьи!

Теперь позвольте кратко изложить позиции по теме доклада. Тема моего доклада **«Актуальные проблемы правового регулирования конституционного судебного процесса»**, что включает в себя некоторые, с моей точки зрения, актуальные проблемы.

В связи с активизацией деятельности Конституционного Суда РТ практика преподносит новые процессуальные проблемы, которые необходимо исследовать с учетом достижений таких находящихся на достаточно развитом уровне сродных процессуальных наук, как гражданско-процессуальная и уголовно-процессуальная, полемизировать, предлагать варианты решения следующих вопросов.

1. Об отношении к термину «конституционный контроль» и возможном негативном влиянии на судебное

право. Практика государств-членов СНГ в недалеком прошлом (15 лет), да и сегодня свидетельствует о том, что якобы конституционные суды или же конституционные советы осуществляют конституционный контроль, под которым понимаются проверки соответствия законов Конституции. В начальной стадии их создания и функционирования такое обозначение адекватно отражало постепенный отход от идеи тоталитаризма в государственном управлении, соответствовало условиям общественной трансформации, как верно отметил Председатель Конституционного Суда Армении - уважаемый Гагиг Гарушевич Арутюнян, постепенному размежеванию функций государственной власти на самостоятельные ветви. Но сегодня, когда прошло 15 лет и мы осознали, что Конституционный Суд призван защищать не только букву, но и дух Конституции, а Конституцией большинства стран установлено, что государственная власть осуществляется на основе ее разделения, Конституционный Суд, являясь носителем судебной власти, осуществляет правосудие с соблюдением традиционных для всех форм судопроизводства принципов, то, по моему мнению, нельзя под разными предлогами долго оперировать понятием конституционного контроля и возводить его над конституционным правосудием, так как контроль предполагает активную роль субъекта, осуществляющего его. Такое отношение приводит к негативным последствиям, нарушениям процессуальных основ любого вида судопроизводства (п. 8. ст. 37 КЗ о КС), таких как «истец не может быть судьей в своем деле» или «судья не может иметь статус стороны». Во-вторых, контрольная деятельность больше всего присуща административному, а не судебному праву. К тому же большинство представителей процессуальных наук сходятся во мнении, что и судебный контроль должен быть осуществлен в форме правосудия. Вышесказанное даёт нам основание говорить, что конституционной функцией Конституционного Суда является осуществление правосудия, и она приобретает при этом свои традиционные черты. И в этом направлении должен развиваться конституционный судебный процесс в Таджикистане.

2. О месте конституционно-судебного процессуального права в системе права. Известно, что Конституция

включает материально-правовые и процессуально-правовые нормы. На основании этого одни ученые-конституционалисты подразделяют конституционно-правовые нормы на конституционно-материальное право и конституционно-процессуальное право, другие утверждают, что судебное процессуальное право является частью конституционного процессуального права и ставят его в один ряд с конституционными отношениями процедурного характера, такими как избирательный процесс, парламентский процесс¹. С такими утверждениями трудно согласиться. Во-первых, потому что основой всякого позитивного материального и процессуального права является конституционное право, оно цельно, имеет публично-правовую природу и надотраслевой характер. Во-вторых, в случае их разделения предмет регулирования конституционного права, его содержание неоправданно расширяются, а значение конституционных норм уменьшается, по существу они низводятся до норм отраслевого права². В-третьих, предметом так называемых конституционных процессов (избирательных, парламентских) выступает реализация, установленная Конституцией и законом процедур, что существенно отличается от предмета спора в суде, требующего рассмотрения и разрешения. В-четвертых, конституционное процессуальное право на сегодня окончательно не сформулировано как обособленная самостоятельная отрасль конституционного права, большинство норм процессуального характера, связанных с судебной деятельностью, давно известны под названием судебного права³.

Таким образом, так называемое конституционное судебное процессуальное право, являясь обособленной частью судебного права, берёт свое начало с Конституции, но выходит далеко за рамки конституционного права, имеет собственный предмет, метод и правовые источники, что даёт полное основание признать его самостоятельной отраслью права.

¹ См.: Заражевская Т.Д. Процессуальные гарантии конституционализма// Российский конституционализм: проблемы и решения. М., 1999; Саликов М. Н. Конституционный судебный процесс. Учебник для вузов. - М., 2003. - С. 13.

² См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: "Юристъ", 2005. - С. 29.

³ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. - М., 1910. Т.1. - С. 4; Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. - М., 1983; Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. - М., 2004.

3. Об источниках конституционного судебного процессуального права.

А. Главным источником выступает Конституция РТ. В главе 8 Конституции Республики Таджикистан закреплены не только вопросы функции Конституционного Суда, его создания, состава, порядка избрания судьи, компетенции суда, юридической силы решения Конституционного Суда, правового статуса судьи Конституционного Суда, их неприкосновенность, но и вопросы процессуального характера, такие как форма деятельности Конституционного Суда - осуществление правосудия и его принципы.

Не менее важными нормами Конституции РТ, которые имеют определяющее значение для правового регулирования конституционного судебного процесса, являются положения ст. 1, 5, 9, 10, 14, 19 и другие. Нормы указанных статей имеют значение не только при определении полномочий Конституционного Суда, но и при определении форм и принципов судебного процесса. Например, ст. 1, закрепляющая правовой характер государства, обуславливает судебный способ защиты Конституции, обеспечения ее верховенства и прямого действия. В правовом государстве права и свободы человека обеспечиваются путем принятия и соблюдения правовых законов, прежде всего правовой Конституции⁴. Чтобы обеспечить правовое качество закона, используется конституционный судебный процесс, предметом которого являются требования, изложенные в представлении или ходатайстве о проверке конституционности нормативно-правового акта. Именно судебное разбирательство со всеми присущими ему правилами и принципами, вытекающими отсюда последствиями определяет сущность рассмотрения дел в Конституционном Суде. Это значит, что конституционное судопроизводство возбуждается лишь по инициативе сторон, ходатайство о проверке конституционности нормативно-правовых актов является, в сущности, конституционным иском против законодательного органа или должностного лица, уполномоченного принимать нормативно-правовой акт. Другим примером может быть положение ст. 5 Конституции Республики Таджикистан о признании естественных прав человека, их

⁴ Сотиволдиев Р. Ш. Теория государства и права. - Душанбе. - С. 166.

соблюдении и защите, имеющих фундаментальный характер, нуждающихся в каждом конкретном случае в интерпретации, выходящих за рамки конституционного позитивизма, основанных на свободе, равенстве, справедливости и разуме. Ввиду этого представляется важным и актуальным определение правовой природы постановления Конституционного Суда. Оно, несомненно, развивается от правоприменительного акта к нормативно-правовому. Такую позицию поддерживает большинство ученых. Об этом вчера убедительно говорили уважаемые гости Гунарс Кутрис - Председатель Конституционного Суда Латвии и Игорь Иванович Рогов - Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан. Этот вопрос и в Таджикистане требует проработки и нуждается во всестороннем правовом регулировании. Например, в ст. 54 Конституционного закона «О Конституционном Суде РТ» в связи с исполнением постановления отмечено, что постановления Конституционного Суда вступают в силу с момента принятия или с момента установленной в них даты, публикуются и освещаются в средствах массовой информации, направляются указанным адресатам. Также отмечается, что порядок исполнения постановления Конституционного Суда определяется Конституционным Судом, а с нашей точки зрения, оно не может быть урегулировано Регламентом Конституционного Суда, так как это внешнее взаимоотношение Конституционного Суда с органами, обязанными исполнять его решения, требует законодательного процессуального регулирования. В части последствий неисполнения постановления Конституционного Суда упоминается о «предусмотренной законом ответственности». О каком виде юридической ответственности должна идти речь? Действующее законодательство определяет два вида ответственности: в административном порядке (ст. 530 КОАП РТ - невыполнение судебного решения) и в уголовном порядке (ст. 363 УК РТ - невыполнение иных судебных актов), с учетом специального порядка привлечения субъектов, которым направляются постановления (например, Парламент, Правительство, Министерства привлекаются к юридической ответственности). Эти вопросы должны быть урегулированы в Конституционном законе «О конституционном судебном процессе».

Б. Следующим источником конституционно-судебного процессуального права является Конституционный закон «О Конституционном Суде РТ» от 3 ноября 1995 г.

Указанный Закон является единым и всеобъемлющим, охватывающим судоустройственные и судопроизводственные нормы. Как показывает практика, организация и деятельность конституционных судов стран СНГ могут быть урегулированы единым законом (в Республике Таджикистан) или двумя законами (Молдова, Грузия, Кыргызстан). С учетом близости предмета регулирования судоустройственных и судопроизводственных норм, на основании того, что обе отрасли относятся к судебному праву, с целью предотвращения дублирования норм Конституционного закона «О Конституционном Суде» в Конституционном законе «О конституционном судебном процессе» многие считают целесообразным урегулировать их единым Конституционным законом «О Конституционном Суде». Врядли следует соглашаться с такой позицией. Необходимо разработать отдельный Конституционный закон «О конституционном судебном процессе».

В. На сегодня так получилось, что многие процессуальные вопросы закреплены в Регламенте Конституционного Суда, принятого 11.03.2010 г. В нем прямо сказано, что Регламент применяется с целью урегулирования конституционного судопроизводства, деятельности суда, сторон и участников судебного процесса. Регламент как подзаконный акт может регламентировать внутренние вопросы деятельности Конституционного Суда, что было предусмотрено в ст. 3 Конституционного закона «О Конституционном Суде РТ». Однако в связи с возникшей практической необходимостью и отсутствием в Конституционном законе регламентации всех вопросов судопроизводства Регламентом отрегулированы отношения, которые далеко выходят за рамки внутренних вопросов Конституционного Суда. Например, вопросы взаимоотношений с участниками, процессуального положения сторон и их представителей, правового статуса свидетелей, эксперта, назначения экспертизы, относительно решений об отложении производства, о приостановлении судебного заседания, исследование материалов так или иначе связаны с участниками судопроизводства. Всем известно, что общест-

венные отношения, возникающие в связи с судопроизводством, являются публичными правоотношениями и должны регулироваться законом государства, что становится обязательным для всех. Тем более процесс - это признанный законодателем способ защиты прав участников этих отношений. И этот способ или порядок может касаться интересов любого участника, поэтому он должен быть заранее известен всем, путем принятия отдельного Конституционного закона «О конституционном судебном процессе». Например, согласно положению Регламента Конституционного Суда свидетелем является любое должностное лицо или гражданин, который имеет необходимые сведения по вопросам, рассматриваемым в Конституционном Суде. Свидетель должен своевременно явиться в Конституционный Суд для дачи показаний, ответить на вопросы, представить материалы и взять на себя обязанность нести ответственность за отказ от дачи показания или дачи ложного показания. Вопросы назначения экспертизы, обязанности экспертов своевременно произвести экспертизу и предоставить заключение, их ответственности за отказ от дачи заключения требуют законодательного регулирования.

4. Об участниках конституционного судопроизводства. Конституционный закон признаёт сторонами судебного разбирательства лиц и должностных лиц, по ходатайству которых возбуждено производство по делу, и их представителей по закону и договору (ст. 38). Закон определяет их как участников конституционного судопроизводства, которые вправе участвовать в стадии подготовки дела к судебному рассмотрению путем подачи материалов, ознакомления с ними. В свою очередь, судья может их опрашивать, приглашать в качестве специалиста, эксперта и осуществлять другие процессуальные действия. А Регламент Конституционного Суда именуется их участниками лишь заседания суда, а не судопроизводства. Более того, Регламент заметно расширяет круг участников судебного заседания за счёт «представителей государственных органов, а также иных лиц, приглашаемых в Конституционный Суд для участия в заседаниях», которые в свою очередь в силу ст. 52 Конституционного закона обязаны участвовать в судебном заседании. Возникает

вопрос, в качестве кого они участвуют и для чего? Конституционный закон не определяет их правовой статус и назначение. В практике Конституционного Суда их называют «приглашенными». Они просто высказывают позиции представляемого ими ведомства по рассматриваемому вопросу. В основном, они являются представителями государственных органов, Генеральной прокуратуры, Верховного Суда, Министерства юстиции и т. д. Такая практика, хотя и приветствуется в Конституционном Суде, но имеет и негативные последствия: во-первых, приглашенные представители этих органов не являются стороной по делу, участвуя в заседании суда, отрываются от выполнения собственных задач; во-вторых, позиция Конституционного Суда должна быть независимой, точкой отсчёта в решении правовых споров должны выступать Конституция, идеи равенства, свободы и справедливости; в-третьих, их участие может стать фактором влияния на Конституционный Суд.

Другой вопрос, это участие несовершеннолетнего в конституционном судопроизводстве. Известно, что гражданско-процессуальным и уголовно-процессуальным законом допускается участие несовершеннолетних в судебном заседании. В гражданско-процессуальном праве это могут быть работающие несовершеннолетние, эмансипированные молодые люди, а в уголовном процессе подсудимые, потерпевшие. То есть они вправе ходатайствовать в Конституционный Суд и быть стороной в конституционном деле. Но Конституционный закон не регулирует вопросы дееспособности участников процесса. Ст. 24 Конституционного закона лишь упоминает о запрете участия несовершеннолетнего в судебном заседании Конституционного Суда.

Не менее важным и актуальным является вопрос правового регулирования статуса свидетеля. Попытка урегулирования правового статуса свидетелей была сделана в статье 10 Регламента Конституционного Суда, но она закрепила лишь обязанности свидетеля являться в суд и сообщать известные им сведения, отвечать на вопросы судей и лиц, участвующих в судебном заседании. Вызов человека в качестве свидетеля говорит о том, что он, ограничив себя во всех других правах, свободах и интересах, должен своевременно

явиться в суд и дать показания. Понятно, что основанием такого ограничения являются интересы правосудия и общества. Но эти ограничения должны происходить только на основании закона и в порядке, предусмотренном законом, опубликованным для всеобщего внимания. А Регламент Конституционного Суда, предусматривающий ответственность свидетеля за дачу ложного показания или отказ от дачи показания, что может повлечь даже уголовную ответственность, нигде не публикуется.

Серьезного внимания требует анализ позиций учёных о том, что конституционное правосудие не нуждается в услугах свидетеля, поскольку, как правило, эти обстоятельства на момент рассмотрения дела в суде уже установлены⁵ или же в связи с тем, что Конституционный Суд решает исключительно вопросы права. Установление обстоятельства нарушения порядка принятия нормативно-правовых актов несовместимо с таким способом осуществления судебной власти⁶. На первый взгляд действительно кажется, что любое представление или ходатайство о проверке конституционности нормативно-правовых актов основывается на установленном обстоятельстве, то есть факте вступления акта в юридическую силу. Но порою Конституция и действующие законы республики предусматривают специальный порядок их принятия и введения в действие, нарушение которого влечет за собой неконституционность акта. В связи с этим может возникнуть необходимость в установлении факта соблюдения конституционного порядка принятия законов и рассмотрения вопросов, вносимых на всенародное обсуждение. Более того, ст. 14 Конституционного закона о Конституционном Суде предусматривает полномочие Конституционного Суда давать заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента. Исследование и установление вышеуказанных обстоятельств в отдельных случаях вызывает необходимость оперировать сведениями о фактах, в том числе свидетельскими показаниями. В силу чего кате-

⁴ Сотиволдиев Р. Ш. Теория государства и права. – Душанбе. – С. 166.

⁵ См.: Конституционный судебный процесс: Учебник для вузов/Отв. ред. доктор юридических наук, профессор М. С. Саликов, – М., – 2003. – С.91.

⁶ Холиков К.Н. Конституционное судопроизводство в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2010. – С.181.

горичное утверждение о том, что в конституционном судопроизводстве необходимо отказаться от института свидетеля, считаю спорным. Целью любого вида судопроизводства: гражданского, уголовного или конституционного, прежде всего, является установление обстоятельств, что неминуемо связано с доказательствами, среди которых свидетельские показания не могут быть помехой. Поэтому необходимо установить в законе нормы, регламентирующие свидетельские показания как источник доказательства и правового статуса свидетеля. Так как свидетелями могут выступать любые лица, располагающие необходимыми сведениями, имеющими значение для правильного разрешения дела, не связанные с государственной службой или с данным судопроизводством или же связанные с судопроизводством, но выступающие в качестве стороны (которых нельзя расспрашивать под угрозой ответственности в качестве свидетеля), их права и обязанности необходимо закрепить в Конституционном законе «О конституционном судебном процессе». Мы убеждены, что созрела практическая необходимость разработки проекта отдельного Конституционного закона РТ «О конституционном судебном процессе». Спасибо за внимание.

Конституционное
ПРАВОСУДИЕ

Вестник Конференции
органов конституционного контроля
стран молодой демократии

Выпуск 1 (51) 2011

Адрес редакции:

375019, Ереван, пр. Баграмяна 10

Тел.: 529991, 588189

Факс: 529991

Email: armlaw@concourt.am

arthur@concourt.am

URL: <http://www.concourt.am>

Сдано в набор 11.01.2011 г.

Подписано к печати 21.01.2011 г.

Печ. л. 14

Бумага офсетная

Печать офсетная

Формат 60x84 1/16

Тираж 750 экз.

Выходит ежеквартально

Статьи вестника "Конституционное
правосудие" публикуются
в авторской редакции

Вестник включен в перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Зарегистрирован коллегией
N 8/22 Министерства юстиции РА
27 февраля 1998г.